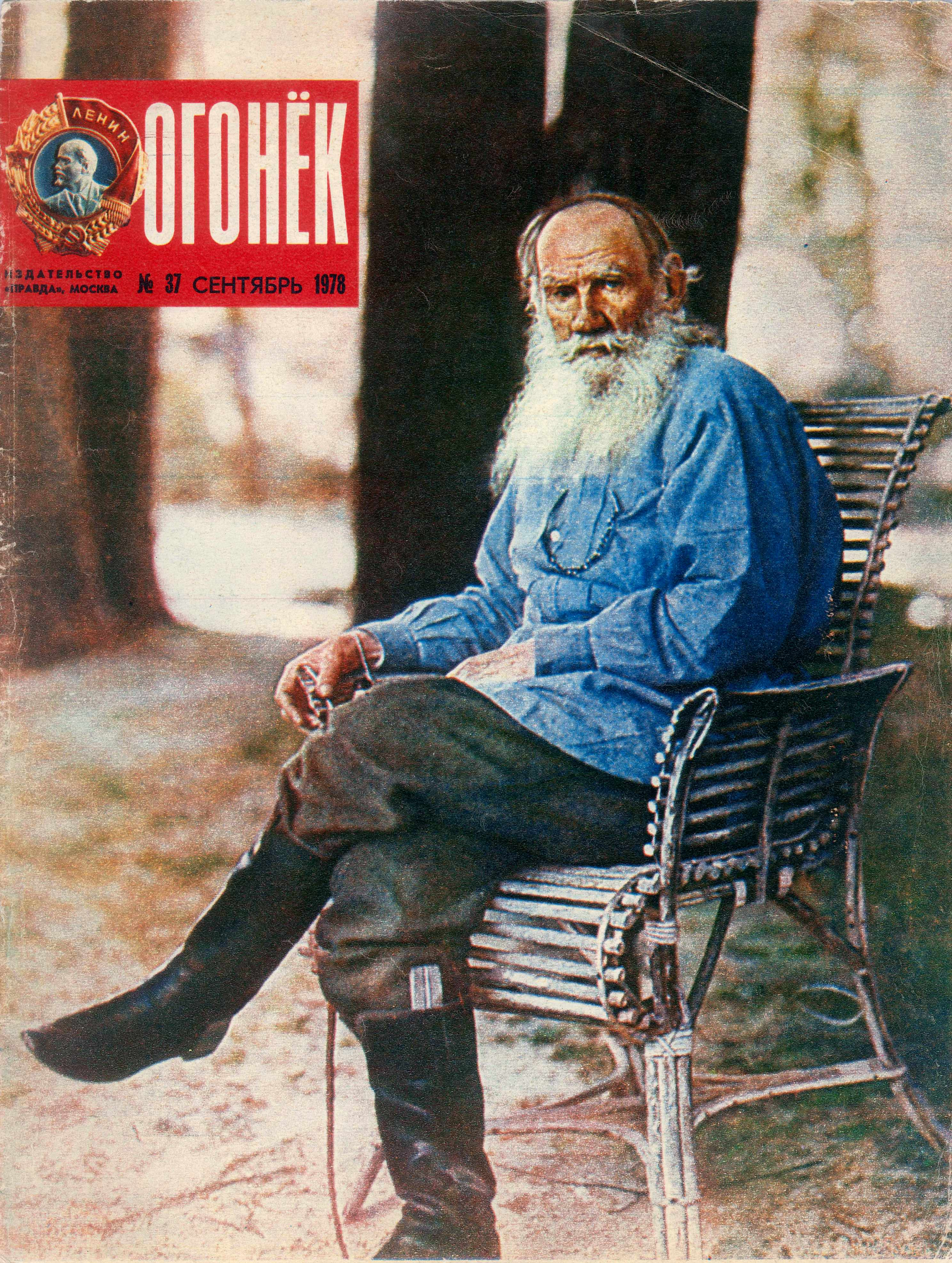

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1978

1828 1978
Л. Н. ТОЛСТОЙ

В. И. ЛЕНИН

Л. Н. Толстой выступил, как великий художник, еще при крепостном праве. В ряде гениальных произведений, которые он дал в течение своей более чем полувековой литературной деятельности, он рисовал преимущественно старую, дореволюционную Россию, оставшуюся и после 1861 года в полукрепостничестве, Россию деревенскую, Россию помещика и крестьянина. Рисуя эту полосу в исторической жизни России, Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества.

Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех,* нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот. И Толстой не только дал художественные произведения, которые всегда будут ценимы и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов, — он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования. Принадлежа главным образом к эпохе 1861—1904 годов, Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость.

Одна из главных отличительных черт нашей революции состоит в том, что это была *крестьянская* буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России. Это была буржуазная революция, ибо ее непосредственной задачей было свержение царского самодержавия, царской монархии и разрушение помещичьего землевладения, а не свержение господства буржуазии. В особенности крестьянство не сознавало этой последней задачи, не сознавало ее отличия от более близких и непосредственных задач борьбы. И это была крестьянская буржуазная революция, ибо объективные условия выдвинули на первую очередь вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства, о ломке старого средневекового землевладения, о «расчистке земли» для капитализма, объективные условия выдвинули на арену более или менее самостоятельного исторического действия крестьянские массы.

В произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви передает настроение примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти. Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещичье и казенно-«надельное», стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению. Его непрестанное, полное самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения, обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянина, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все «устои» деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис — все бедствия «эпохи первоначального накопления», обостренные во сто крат перенесением на русскую почву самоновейших приемов грабежа, выработанных господином Купоном.

Но горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю. Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики, приводила к учению о «непротивлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 гг. Борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс. Отрицание частной поземельной собственности вело не к сосредоточению всей борьбы на действительном враге, на помещичьем землевладении и его политическом орудии власти, т. е. монархии, а к мечтательным, расплывчатым, бессильным воздыханиям. Обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат.

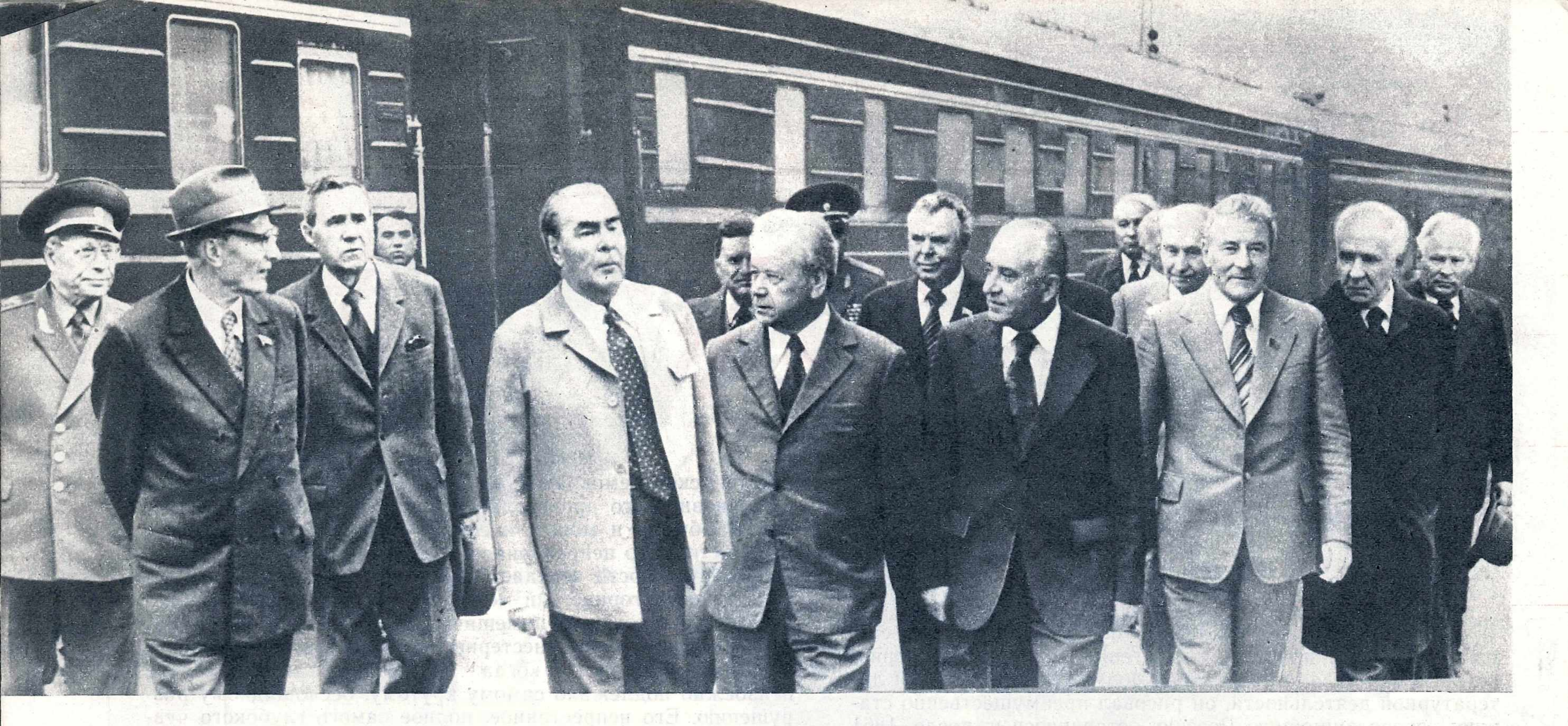
Противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в *по*реформенную, но *до*революционную эпоху.

И поэтому правильная оценка Толстого возможна только с точки зрения того класса, который своей политической ролью и своей борьбой во время первой развязки этих противоречий, во время революции, доказал свое призвание быть вождем в борьбе за свободу народа и за освобождение масс от эксплуатации,—доказал свою беззаветную преданность делу демократии и свою способность борьбы с ограниченностью и непоследовательностью буржуазной (в том числе и крестьянской) демократии,—возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата.

Из статьи В. И. Ленина «Л. Н. Толстой», опубликованной 16 (29) ноября 1910 года в газете «Социал-Демократ».

Памятник Л. Н. Толстому работы скульптора С. Д. Меркурова. Государственный музей Л. Н. Толстого.

Фото Дм. Бальтерманца

Во время встречи. Фото А. Мусаэльяна (ТАСС)

ПРИБЫТИЕ ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА В МОСКВУ

31 августа из Крыма в Москву возвратился Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.

Товарища Л. И. Брежнева встречали члены Политбюро ЦК КПСС В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, М. С. Соломенцев, К. У. Черненко, секретари ЦК КПСС И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, Я. П. Рябов, члены ЦК КПСС Л. М. Замятин, Г. С. Павлов, Г. Э. Цуканов, Н. А. Щелоков, кандидаты в члены ЦК КПСС А. М. Александров, С. К. Цвигун, В. М. Чебриков, член Центральной ревизионной комиссии КПСС Ю. М. Чурбанов, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС В. А. Голиков.

* * *

При отъезде из Симферополя товарища Л. И. Брежнева провожали член Политбюро ЦК КПСС В. В. Щербицкий, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, Председатель Президиума Верховного Совета УССР А. Ф. Ватченко, Председатель Совета Министров УССР А. П. Ляшко, первый секретарь Крымского обкома партии В. С. Макаренко, председатель Крымского облисполкома Т. Н. Чемодуров, члены бюро Крымского обкома партии, министр путей сообщения И. Г. Павловский.

(ТАСС).

ШКОЛА ПАРТИЙНЫХ КАДРОВ

В Москве 1 сентября состоялось торжественное собрание, посвященное началу работы Академии общественных наук при ЦК КПСС.

В президиуме — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, секретари ЦК КПСС И. В. Капитонов, М. В. Зимянин, а также заведующий Отделом ЦК КПСС Л. М. Замятин, управляющий делами ЦК КПСС Г. С. Павлов, ответственные работники ЦК КПСС, ученые, представители общественности столицы.

Под бурные аплодисменты был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Тепло встреченный собравшимися, с речью выступил товарищ М. А. Суслов.

— Мне доставляет глубокое удовлетворение, — сказал М. А. Суслов,— выполнить поручение Центрального Комитета и от его имени горячо поздравить слушателей и аспирантов, преподавателей и научных сотрудников, весь ваш коллектив с открытием академии, началом ее первого учебного года.

Рад передать вам сердечный привет Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева и его самые добрые пожелания успехов в вашей творческой работе.

Во время торжественного собрания. Фото В. Мастюкова (ТАСС)

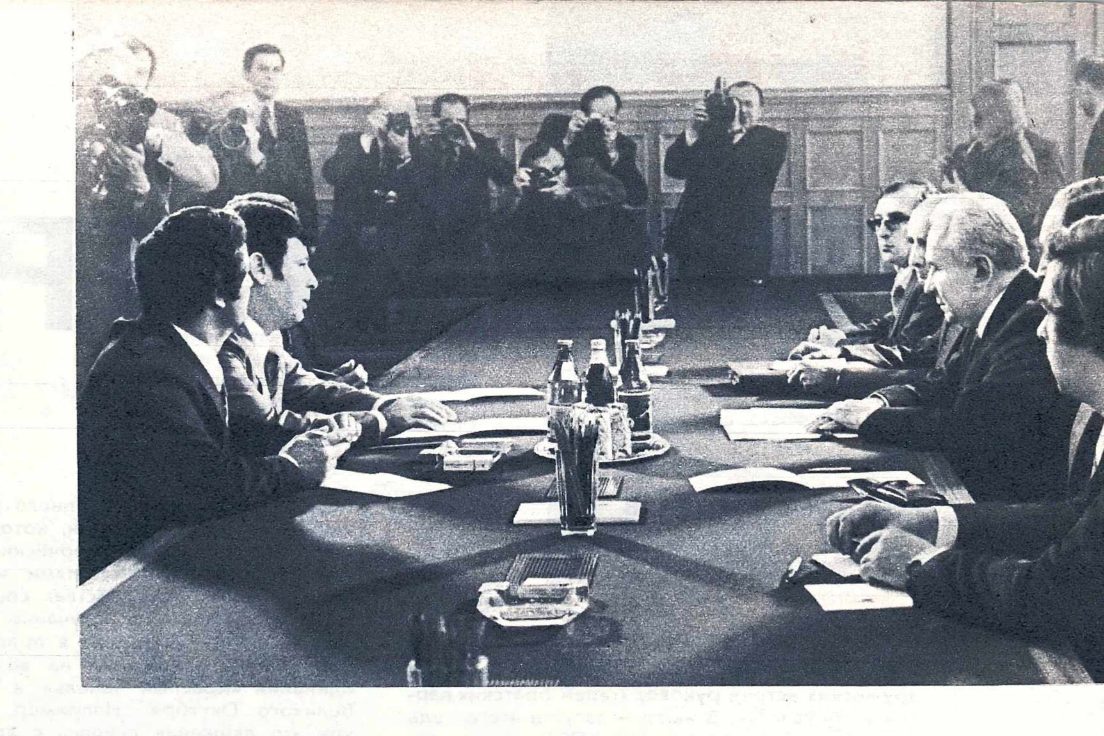
ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ВИЗИТ

По приглашению Советского правительства с 29 августа по 1 сентября 1978 года в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находился член Руководства Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), заместитель Председателя Совета Министров, министр иностранных дел Сирийской Арабской Республики А. Х. Хаддам.

А. Х. Хаддам передал послание Генерального секретаря ПАСВ, президента Сирии Х. Асада Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу.

А. Х. Хаддам был принят членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным. В ходе дружественной беседы были обсуждены некоторые вопросы двустороннего сотрудничества и положения на Ближнем Востоке.

Между членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и членом Руководства ПАСВ, заместителем Председателя Совета Министров, министром иностранных дел САР А. Х. Хаддамом состоялись беседы, проходившие в обстановке дружбы и взаимопонимания.

Перед началом беседы А. Н. Косыгина и А. Х. Хаддама.
Фото А. Гостева.

А. П. КИРИЛЕНКО В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В Ростовской области с 29 по 31 августа находился член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС товарищ А. П. Кириленко.

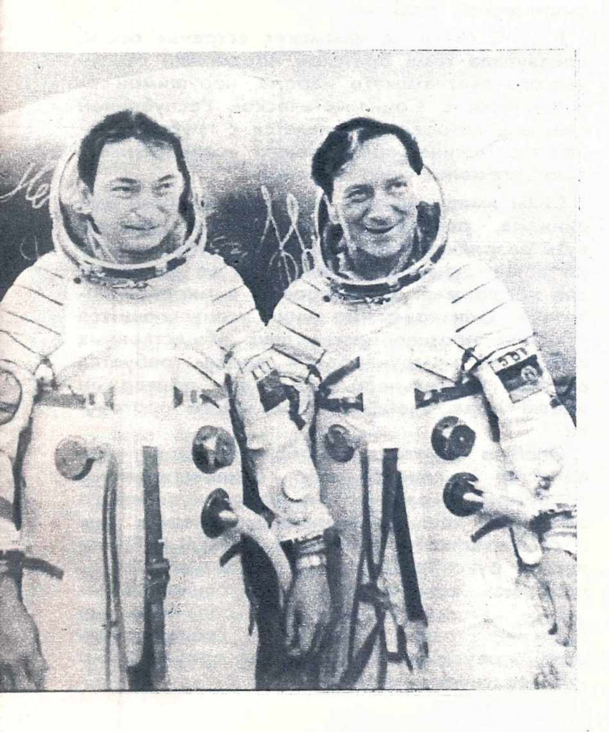
Он побывал в городе Волгодонске на строительстве завода «Атоммаш». При осмотре цехов А. П. Кириленко беседовал с рабочими — строителями и эксплуатационниками, инженерно-техническими работниками, интересовался их производственными успехами, ходом выполнения производственных планов и социалистических обязательств. А. П. Кириленко провел беседу с руководящим составом стройки и предприятия.

В Ростовском обкоме партии состоялась беседа с партийным и советским активом области по вопросам, связанным с дальнейшим развитием экономики, подъемом сельского хозяйства, выполнением плана нынешнего года и пятилетки в целом.

А. П. Кириленко побывал также на заводе «Ростсельмаш».

А. П. Кириленко среди рабочих «Атоммаша».

КОСМОНАВТЫ В. БЫКОВСКИЙ И З. ЙЕН ВОЗВРАТИЛИСЬ НА ЗЕМЛЮ

3 сентября 1978 года после успешного завершения программы совместных работ на борту орбитального научно-исследовательского комплекса «Салют-6» — «Союз-29» — «Союз-31» международный экипаж в составе дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР Быковского Валерия Федоровича и космонавта-исследователя, гражданина Германской Демократической Республики Йена Зигмунда возвратился на Землю. Космонавты товарищи Коваленок и Иванченков продолжают работу на борту орбитального комплекса.

Во время совместной работы международного экипажа на борту орбитального комплекса «Салют-6» — «Союз-29» — «Союз-31» выполнен весь предусмотренный объем научно-технических и медико-биологических экспериментов, подготовленных учеными и специалистами Советского Союза и Германской Демократической Республики. В частности, космонавты Коваленок, Иванченков, Быковский и Йен проводили фотографирование отдельных районов земной поверхности и акватории Мирового океана с целью изучения природных ресурсов окружающей среды.

В условиях космического полета выполнены технологические эксперименты в целях изучения влияния невесомости на образование новых металлических и неметаллических материалов. Получены новые данные о характере протекания физических процессов в атмосфере Земли. Проведен ряд медико-биологических исследований с целью дальнейшего изучения влияния факторов космического полета на организм человека и развитие биологических объектов.

Валерий Федорович Быковский (слева) и Зигмунд Йен после приземления.
Телефото специальных корреспондентов ТАСС А. Пушкарева и А. Сенцова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 37 (2670)

9 СЕНТЯБРЯ 1978

ДОБРАЯ ТРАДИЦИЯ

В. АЛЕКСАНДРОВ

Не первое лето Крым становится местом дружеских встреч руководителей братских партий и государств. В июле — августе этого года Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился здесь с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком, Генеральным секретарем ЦК СЕПГ, Председателем Государственного совета ГДР Э. Хонеккером, Первым секретарем ЦК ВСРП Я. Кадаром, Первым секретарем ЦК ПОРП Э. Гереком, Генеральным секретарем РКП, Президентом СРР Н. Чаушеску, Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым, Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбалом.

Семь встреч, пронизанных заботой о всестороннем развитии наших стран, дальнейшем упрочении социалистического содружества, обеспечении мирной жизни на земле. Политбюро ЦК КПСС, рассмотрев результаты крымских встреч, полностью одобрило работу, проведенную товарищем Л. И. Брежневым, и отметило, что состоявшиеся беседы имеют важное значение для дальнейшего развития братской дружбы с коммунистическими партиями и народами стран социалистического содружества.

Международный смысл этих встреч многопланов и широк. Их воздействие выходит далеко за пределы географических границ столь высоко и авторитетно представленных государств.

Прежде всего состоявшийся обмен мнениями многое дал партиям и странам, интересы которых выражали участники встреч. В ходе таких товарищеских, искренних и сердечных переговоров как бы сверяются часы политики стран социализма.

Для стран социализма стало нормой жизни проявление взаимного участия в отношении поставленных проблем, использование накопленного опыта при разрешении текущих и перспективных задач. И в этом плане обмен информацией на высшем уровне, как постоянно бывает на встречах в Крыму, имеет неоценимое значение.

Крымские встречи, отмечалось в сообщении ЦК КПСС, убедительно показывают, что претворение в жизнь созидательных планов, намеченных съездами коммунистических и рабочих партий братских стран, сопровождается расширением связей социалистических государств во всех важнейших областях общественной жизни — политике, экономике, идеологии.

На встречах Л. И. Брежнева с руководителями братских стран широко обсуждались различные аспекты двустороннего и многостороннего сотрудничества, развития социалистического содружества. Все участники этих встреч входят в Совет Экономической Взаимопомощи — международную организацию, объединяющую ныне и такие географически отдаленные страны, как Куба и Вьетнам. 30-летие своей деятельности, которое приходится на начало будущего года, СЭВ отмечает успешным осуществлением Комплексной программы социалистической экономической интеграции. Пожалуй, нет такого крупного предприятия в любой из братских стран, которое не имело бы кооперативных коммерческих или технических связей с потребителями или поставщиками в других государствах социалистического содружества. Не случайно международный характер приобрело в прошлом году соревнование, рожденное на венгерском объединении «Красный Чепель», в честь 60-летия Великого Октября. Например, в Чехословакии это движение слилось с другим — встретить трудовыми успехами 30-летие февральской победы.

Международное социалистическое соревнование сыграло важную роль и в строительстве газопровода «Союз», который в нынешнем году должен войти в строй и обеспечить поставки голубого топлива Оренбуржья для Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии. Результатом этого движения стал и досрочный пуск 12 августа второй очереди пражского метро.

Глубоко символичны слова, оставленные в книге записей на выставке советско-венгерского сотрудничества, которая проходила на заводе «Тунгсрам» в Будапеште нынешней весной: «Мы идем по ленинскому пути и в своих руках несем красный флаг, обагренный кровью советских воинов, которые открыли нам свет, пришли, как братья».

Отношения братской дружбы ныне перенесены на трассы космических рейсов. Вместе с советскими космонавтами в ряды звездного братства вступили в этом году космонавты из Чехословакии, Польши, ГДР.

Как и в прошлые годы, большое внимание участники крымских встреч уделили обмену мнениями по узловым международным вопросам, отношениям с ведущими капиталистическими странами. В этой связи, например, Э. Хонеккер высоко оценил визит Л. И. Брежнева в ФРГ, как важный вклад в дело мира.

Речь шла и о важных региональных вопросах. Так, на советско-болгарской встрече Т. Живков подчеркнул стремление Болгарии к укреплению мира, добрососедства и сотрудничества на Балканах. Руководители двух партий и государств выразили надежду, что народы балканских стран не допустят, чтобы этот важный район стал объектом интриг и происков сил, враждебных разрядке и делу мира.

Серьезно обсуждались такие фундаментальные проблемы мирового развития, как разоружение, разрядка и углубление сотрудничества на основе принципов мирного сосуществования. Слишком дорогой ценой досталась международная разрядка и слишком велики могут быть издержки в случае ее утраты, чтобы страны, которые выступили инициаторами созыва общеевропейского совещания, могли смириться с попытками возродить напряженность.

В ходе встреч отмечалось, что в современных условиях первостепенное значение имеют усилия, направленные на разоружение, прежде всего ядерное, и в этой связи необходимо всемерно добиваться претворения в жизнь положений заключительного документа специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, позитивные итоги которой в немалой степени отразили активную деятельность Советского Союза и других стран социалистического содружества.

Крымские встречи вновь подтвердили, что представленные на них социалистические государства — участники Варшавского Договора выступают за развитие процесса разрядки напряженности во всемирном масштабе и дополнение политической разрядки мерами по разрядке военной. Как отмечалось в ходе советско-болгарской встречи, страны, стоящие на позициях разрядки, располагают большим потенциалом возможностей для развития взаимополезного сотрудничества в самых различных областях.

В комментариях зарубежной прессы, посвященных итогам встреч в Крыму, особо отмечалась полная противоположность этой политики мира и добрососедства и той подстрекательской линии на блокирование разрядки, которую навязчиво проводил Хуа Го-фэн во время своего недавнего зарубежного турне. Для понятия разрядки не нашлось ни единого слова в его лексиконе, зато он был перенасыщен откровенными или несколько закамуфлированными оборотами, пущенными в ход ястребами «холодной войны». Примечательно, что действия Пекина довольно созвучны политике наиболее реакционных кругов НАТО, а выступления китайских лидеров с восторгом подхватываются руководителями пропагандистской машины Запада, которые в небывалых масштабах предоставляют теперь печатные полосы и эфирное время переводам с китайского, а точнее, с «маоистского».

Со стороны СССР и других стран, представленных в ходе крымских встреч, была дана должная оценка той отрицательной роли, которую играет Пекин в международных отношениях. Так, на встрече Л. И. Брежнева и Ю. Цеденбала было с озабоченностью отмечено, что за последнее время появились новые негативные моменты в развитии обстановки на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Это вызвано в первую очередь линией руководства КНР, обуреваемого стремлением к гегемонизму. Как в этих, так и в других районах мира оно делает ставку на нагнетание международной напряженности, на обострение отношений между различными государствами. Это, подчеркивалось на советско-монгольской встрече в Крыму, требует бдительности к действиям на международной арене Пекина и сил, которые так или иначе способствуют проведению его авантюристической политики.

В этой связи на крымских встречах особо прозвучала тема братской поддержки героического вьетнамского народа, нерушимой солидарности с Социалистической Республикой Вьетнам, которая сталкивается с грубым давлением Пекина, проводящего великодержавную, гегемонистскую политику.

Силы империализма, великодержавного шовинизма, реакции не в состоянии опрокинуть разрядку, которая пустила глубокие корни в международной жизни, и ее воздействие продолжает доминировать в мировой политике. Однако в нынешних усложняющихся условиях противоборства двух общественных систем на международной арене требуется высокая бдительность всех, кто привержен идеям мира, свободы, социального прогресса.

Особую важность приобретает укрепление единства и сплоченности социалистического содружества, рабочего и коммунистического движения, всех антиимпериалистических сил. В состоявшихся в Крыму встречах Л. И. Брежнева с руководителями стран социализма воплотились великие принципы социалистического интернационализма, сплачивающие братские страны в борьбе за социалистическое переустройство жизни, за прочный мир и безопасность народов.

9 СЕНТЯБРЯ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК БОЛГАРИИ — ДЕНЬ СВОБОДЫ

ПОРТРЕТ БОТЕВГРАДА

Из окна кабинета Марина Вутова, мэра Ботевграда, хорошо видна трехъярусная, выложенная из шероховатого камня башня, похожая на минарет. Окруженная зданиями современной изящной архитектурной формы, она удивительно вписалась в просторную, праздничную площадь, выложенную плитами светлого мрамора. «Не в этом ли органичном сочетании старого с новым особенность портрета Ботевграда?» — спросила я у мэра. Он улыбнулся: «Об этом поговорим позже, а сейчас — слушайте!» Мельком глянув на ручные электронные часы, он распахнул окно. С ударами старинных часов, которые, оказывается, жили где-то там, наверху башни, в комнату вступила История.

— Имя легендарного Христо Ботева наш город получил в 1934 году,— продолжил рассказ Марин Вутов.— Правда, здесь сам Ботев не бывал. Но его боевые соратники именно на этой земле мужественно встретили мученическую смерть от рук захватчиков.

...Да, славное, героическое прошлое у этого города. Еще в 1893 году была создана одна из первых в стране городская социал-демократическая группа. Позднее, в дни Сентябрьского восстания 1923 года, местные жители принимали в нем активное участие, а в годы борьбы с фашизмом здесь действовали прославленные партизанские отряды и среди них героическая бригада «Чавдар». Новое лучше познается в сравнении с прошлым. Прошлое этого края иллюстрируют цифры, которые привел мэр города. Население Ботевграда в 1944 году едва достигало шести тысяч человек. Ремесленники-полукустари производили в год продукции на 150 тысяч левов. Ныне в Ботевграде 30 тысяч жителей. Почти половину из них составляют люди с высшим, средним специальным и средним образованием.

— Революционные традиции сыграли большую роль, когда встала задача создания здесь нового для Болгарии предприятия по производству полупроводников,— рассказывает мэр.— Сейчас этот завод действует совместно с двумя научно-исследовательскими институтами, созданными на его базе. В цехе, где делают «сердце» электронных приборов, вы встретите рабочих с высшим инженерным образованием. А в 1965 году, когда открывался этот завод, специалистов, которые могли бы тут работать, пришлось искать по всей стране.

—Выходит, что без электроники портрет современного Ботевграда был бы неполным...

— И без автобусов тоже! Дело в том, что почти весь автобусный парк страны создается в нашем городе, это его специальность.

— А если заглянуть в судьбу города дальше? Ну, скажем, лет через пятнадцать?

Марин Вутов развернул на столе карту, раскрашенную в желтый, оранжевый и голубой цвета.

— Ботевградская селищная система — это и есть будущее, а к нему мы начали готовиться уже сегодня...

В годы седьмой пятилетки в Болгарии будет продолжаться процесс концентрации сельскохозяйственного производства на основе ее специализации и интеграции с пищевой промышленностью. Параллельно с этим будут широко внедряться промышленные методы в это производство и постепенно осуществится органическое слияние сельского хозяйства с промышленностью.

Мой собеседник — председатель ботевградской селищной системы — объяснил, что в эту систему входит не только город, но и все деревни и поселки округа. Ее совет объединяет представителей горсовета, руководителей сельских общин, а также всех предприятий, расположенных в городе и в районе. Единый перспективный план развития города и округа предусматривает рациональное использование материальных и трудовых ресурсов для того, чтобы жизнь в сельской местности приблизилась к уровню жизни городского населения.

— Уже существует план благоустройства и коммунального обслуживания деревень и поселков,— рассказал Вутов.— Вместе с тем решено, что села будут специализироваться в производстве овощей, фруктов и молочных продуктов для снабжения Ботевграда. Можно привести много примеров того, как тесно переплетаются интересы города и округа, идет ли речь о проблемах транспорта (часть рабочих живет в деревнях), о культурном досуге или снабжении сел промышленными товарами, которые производит Ботевград. Экономика, демография, культурное развитие — вот та база, на которой развивается новая система, она со временем изменит облик не только Ботевграда, но и всего округа.

В цехе Научно-производственного комбината по производству полупроводников.

Фото Иво Хаджимишева

Новелла ЦВЕТКОВА, специальный корреспондент «Огонька»

София — Москва.

9 СЕНТЯБРЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 30 ЛЕТ СО ДНЯ ОБРАЗОВАНИЯ КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

ПРАЗДНИК В ДОМЕ

Кооператив Мигок в провинции Хванхэ-Пукто. Мы идем деревенской улицей, вдоль нее за невысокими оградами — белоснежные дома под черепичными крышами с изогнутыми коньками по углам.

— Хотите зайти к кому-нибудь из наших крестьян? — спрашивает заместитель председателя кооператива Хан Дон Иль.— Каждый будет рад видеть в своем доме гостя из Советского Союза!

И мы свернули в первую же калитку. За ней оказался приземистый домик, перед ним чисто выметенная площадка, прикрытая от солнца виноградными лозами. И хоть домик этот был не самый современный — в корейских селах сейчас можно увидеть двухэтажные дома со всеми удобствами,— он ничем не напоминал глинобитную мазанку — «чиби», которая еще не так давно была непременной принадлежностью сельского пейзажа.

Кан Пу Хын — так звали хозяина — еще 12 лет назад отметил «хвангап» — «золотой юбилей» (в Корее его празднуют в 61 год), но лишь недавно перестал трудиться в кооперативе.

Со стариками живет младший сын со своей семьей. Это национальная традиция: один из сыновей остается с родителями.

— Он агроном, сейчас в командировке. Есть у меня еще два сына: старший — военный, средний — инженер, работает в Пхеньяне. А я не мог даже начальную школу окончить. С детских лет меня заставляли охранять родовые могилы помещика. На этом «посту» и встретил я освобождение страны от японских захватчиков. Вместе с земляками приветствовал советских солдат, которые помогли нам освободиться от чужеземного ига.

Попрощавшись с дедушкой Каном, мы отправились осматривать главное богатство кооператива Мигок — рисовые поля. В переводе с корейского «мигок» означает «рис». В годы американской агрессии на эту землю падали бомбы. Вместе со мной по полю идет бригадир Пак Тон Ин. Он хорошо знает, что такое война,— 18-летним пареньком ушел из деревни защищать свободу своей родины. Да, агрессоры были изгнаны, но до сих пор карту Корейского полуострова рассекает демаркационная линия, которая разъединила страну. Пак Тон Ин говорит с негодованием о присутствии американских войск на юге полуострова и о клике предателей нации — южнокорейских марионетках, которые препятствуют мирному объединению страны. Горечь и тревога за судьбы людей, оказавшихся по ту сторону демаркационной линии, были в словах этого человека. Вместе с тем в них чувствовалась уверенность: придет день, когда Корея станет единой. Пак и его односельчане с благодарностью говорили о братской солидарности советских людей, народов других социалистических стран, которая вдохновляет трудящихся республики на борьбу за объединение родины.

Рис — хлеб Кореи. Тот, кому приходится его выращивать, триста дней в году проводит здесь, на рисовом поле. В этом году кооператоры надеются собрать не меньше чем по 90 центнеров зерна с каждого из 100 гектаров.

— Отец рассказывал,— продолжал Пак,— что прежде урожай никогда не принадлежал крестьянину — японские захватчики и местные помещики отбирали большую часть. А каким трудом он доставался! Всей техники в тогдашней деревне было вол и соха, да и тех не хватало.

Я вспомнил выписанные раньше и поразившие меня цифры: до освобождения на каждый крестьянский двор в Корее приходилось по 0,29 плуга и 0,15 лопаты.

— Сейчас только в нашей бригаде семь тракторов, десять рисопосадочных машин и шесть зерноуборочных,— сказал Пак.— Отечественная промышленность дает их все больше.

Половина его бригады — механизаторы. Сам Пак учится на последнем курсе заочного отделения сельскохозяйственного института в Саривоне. Обычные жизненные судьбы для сегодняшней КНДР...

9 сентября — праздник в доме дедушки Кана, Пак Тон Ина, в доме каждого корейца: тридцать лет со дня провозглашения республики. А начало праздника положил август 1945 года, когда Советская Армия завершила разгром японских агрессоров в Корее и помогла обрести свободу и независимость народу, самоотверженно боровшемуся против колонизаторов.

А. ДЕНИСОВИЧ, соб. корр. АПН специально для «Огонька»

Пхеньян.

Л. ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

УРОЖАЙ-78 ОРЕНБУРГС

В разгар страды я встретился с дважды Героем Социалистического Труда, депутатом Верховного Совета СССР, первым секретарем Оренбургского обкома КПСС Александром Власовичем Коваленко.

— Земледельцы области,— сказал он,— в третьем году десятой пятилетки расширили хлебное поле. Хлеб собирают с площади более пяти миллионов гектаров, на 462 тысячи гектаров больше плана. К урожаю готовились тщательно: примерно на трех миллионах гектаров удалось внести так называемые стартовые удобрения, то есть внести их при посеве непосредственно с семенами. Более половины площадей было посеяно высокоурожайными сортами.

Уборку проводили свыше тысячи двухсот уборочно-транспортных комплексов, шесть тысяч механизированных звеньев, почти пять тысяч семейных агрегатов. На вооружение взяли технологию ипатовского метода. К началу жатвы хозяйства области получили более пяти тысяч комбайнов и жаток, много другой техники. Из Москвы, Ленинграда, Перми прибыли автомашины. Сейчас на полях работает двадцать две тысячи зерноуборочных комбайнов, шестнадцать тысяч пятьсот жаток, более сорока тысяч автомашин и тракторов с тележками.

На полях большинства колхозов и совхозов выращен хороший урожай. В ответ на решения июльского (1978 год) Пленума ЦК КПСС, Приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева хлеборобам совхоза «Гигант» труженики нашей области пересмотрели ранее принятые обязательства и решили засыпать в закрома Родины 5,5 миллиона тонн зерна — на 1,7 миллиона тонн больше плана и на 1,2 миллиона тонн больше ранее принятых обязательств.

Сейчас жатва завершается. Усложнило ее ненастье. Но наши люди самоотверженно трудятся на всех участках хлебного конвейера. Сотни комбайнеров намолотили по десять тысяч центнеров зерна и более. А Герои Социалистического Труда, наши прославленные механизаторы В. М. Чердинцев, Л. К. Коваленко, Е. Н. Манин, В. Н. Кособуцкий, Ф. Н. Жеренов и другие, выдали из бункеров по 20—25 тысяч центнеров зерна.

Особенность нынешней уборочной страды — массовый героизм. Рекорды на косовице или намолоте живут недолго. Несмотря на то, что в ряде мест хлеба полегли, а в других хозяйствах они оказались низкорослыми, изреженными, механизаторы не допускают потерь.

Участники состоявшегося в августе пленума обкома КПСС заверили Центральный Комитет КПСС, Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева, что коммунисты, все трудящиеся Оренбургской области сделают все необходимое, чтобы завершить уборку, засыпать в закрома Родины 5,5 миллиона тонн зерна.

* * *

...Эти дорожные знаки, которые прежде мне как-то не приходилось наблюдать, появились в Оренбурге задолго до того, как первые колосья легли золотистыми стежками валков. Хлебный маршрут! А вокруг зеленела степь. Зеленели травы, густые и сочные, непривычно свежие для уже входившего в силу июля. Волнами, чуть темнее морских, накатывались молодые хлеба. Вот-вот должны они были налиться соками, приобрести степенность и вес. Для этого им нужно было тепло. А дожди все не унимались, начинала жухнуть и подпревать сваленная на сено трава.

Но лето взяло свое. Стоит августовский зной, и к треcкотне кузнечиков в выкошенных травах примешивается ровный стрекот комбайнов, тянущих валки за горизонт, да урчание мчащихся по дорогам цветастых грузовых автомашин, наполненных теплым зерном.

...Александра Григорьевича Зелепухина, первого секретаря Оренбургского райкома партии, в кабинете можно застать только рано утром. Огромное здесь хозяйство — 316 тысяч гектаров пахотных земель, 36 разных сельскохозяйственных организаций: колхозы, совхозы, учебно-опытные хозяйства, научно-исследовательские институты.

— Трудно назвать в районе людей, которые в эти горячие дни не были бы причастны к уборке. Но подлинные герои жатвы — механизаторы. Они не покидают штурвалы комбайнов по 14—16—18 часов. А то и поболее. Далеко за пределами Оренбуржья известны имена комбайнеров Василия Макаровича Чердинцева, Александра Михайловича Юдина — оба Герои Социалистического Труда, лауреаты Государственной премии. Тянется к их уровню и Николай Бегеба. А сколько добрых слов заслуживают водители, делающие подчас вдвое, втрое больше рейсов, чем предусмотрено планом, работники токов, приемных пунктов! В битву за хлеб включаются люди, и не имеющие отношения к сельскому хозяйству. Анатолий Романович Савенков — директор Светлогорской восьмилетней школы. Четвертый сезон в дни уборки он садится за штурвал комбайна. Шестой год работает на уборке в совхозе «Чкаловский» учитель Владимир Дмитриевич Жигулин. Сейчас ему помогает сын Игорь. Надо ли говорить о том, как это все сказывается на воспитании молодежи! И у нас в районе и у соседей действует немало семейных звеньев. Возникают целые династии механизаторов. Вот, к примеру, династия Мешковых,—их шестнадцать человек в колхозе «Прогресс». В отдельных хозяйствах механизаторы, ушедшие на пенсию, в пору страды работали комбайнерами, заведовали токами. Если раньше нам приходилось привлекать на уборку 2—3 тысячи горожан, то теперь только 600.

Мы стараемся воспитать любовь к труду, к родной земле с детства, с первых шагов несмышленого малыша. В Дедуровской средней школе действует дошкольная группа «Зеленый колосок». Ребятишек знакомят с азами хлебного поля, они уже знают, что такое хлеб и как трудно его вырастить. Став учениками, ребята переходят к более сложным делам, изучают машины, садятся на комбайны. А в пору страды становятся помощниками комбайнеров. Дедуровская средняя школа — лауреат премии имени Ленинского комсомола.

...И снова ложится под колеса дорога. Летят навстречу крытые брезентом грузовики — зерно! Щетинятся стерней убранные поля. Нестерпимую жару сменяет осенний, знобкий ветер, бахрома низких туч заволакивает небо. Вот-вот полоснет оно дождем. И невольно тревожишься: а что, если непогода не на час, а на неделю?

...Совхоз «Чебеньковский» — одно из отдаленных хозяйств района. На широкой площади села — парни в летной форме. Шефы?

— Да нет, это ж наши, чебеньковские,— поясняет секретарь парткома совхоза Александр Матвеевич Хлусов,— учащиеся сельского профессионально-технического училища № 11. А форма у них действительно похожа на летную...

Ребята стояли у постамента, увенчанного комбайном. На массивной металлической доске я прочел: «Комбайн Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР Юдина Александра Михайловича. За два года выполнил 11 годовых норм. Июнь 1978 года».

— Жаль, хозяина не застали. Но мы его на полях нагоним...

«Газик» помчался дальше, поднимая подсохшую пыль. В пути Хлусов знакомил с хозяйством, рассказывал о Юдине.

Александр Михайлович Юдин возглавляет уборочно-транспортный отряд, состоящий из восьми комбайнов и восьми автомашин. Сам он в этом году на комбайне уже не работал — немного подвело здоровье. Но у почетного гражданина Оренбургского района есть достойный преемник Николай Бегеба. В свое время Николай был лучшим комбайнером области среди молодежи. В прошлом сезоне вместе с Юдиным двумя комбайнами СК-4 (один из них сегодня на пьедестале) намолотили 50 тысяч центнеров хлеба. В награду поехали в Звездный городок к космонавтам. А сейчас Николай Бегеба и второй комбайнер в его звене, Буркан Калькенов, вышли на рекорд: двумя комбайнами «Нива» намолотили за сутки 3350 центнеров хлеба!

...У обочины поля остановился автобус с агитбригадой. Были сказаны теплые слова, были рукопожатия, напутствия, а потом по заявкам героев прозвучали песни. Была и своя, «Чебеньковская», сочиненная в родном селе. Механизаторы отряда — пропыленные рубашки, потемневшие от солнца и пыли лица,— расположились в тени, на стерне. Слушают, улыбаются, шутят.

...Солнце, набравшее к вечеру силу, просушило поля. Теперь каждая минута дорого стоит. Не успели артисты сесть в автобус, как комбайны, вздымая пыль, ринулись на поле.

— Прямо как танки в бой пошли! — улыбнулся Хлусов.

И действительно, идет бой за каждый центнер, килограмм, за каждую щепотку зерна. Из них, щепоток, и складывается оренбургский каравай.

Слова привета шлют героям жатвы из разных концов. Летчики-космонавты В. Джанибеков и О. Макаров поздравили с успехами звено Нурсани Хайсанова из совхоза «Уральский», Первомайского района. Председатель Сибирского отделения АН СССР Г. И. Марчук прислал поздравление известному оренбургскому хлеборобу Герою Социалистического Труда, лауреату Государственной премии Леониду Константиновичу Коваленко. Члены комсомольско-молодежного уборочно-транспортного звена совхоза имени Цвиллинга, Соль-Илецкого района, комбайнеры Сисембай Бисекенов, Карасай Карабасов, Серикхалей Джамбулов и помощники комбайнеров Саргай Басагариев, Канапью Курaисов и Серик Усманов получили поздравление от композитора В. П. Соловьева-Седого: «...Я, мои близкие друзья-ленинградцы всегда с большим душевным волнением вспоминаем трудные военные годы, когда оренбуржцы приютили многие тысячи ленинградцев, дали им кров и хлеб, по-братски делились с нами. И всегда ваши большие, в особенности за последние годы, успехи радуют нас. Мы гордимся вами...»

...Горсточка зерен и праздничный каравай, бескрайние желтые поля и благополучие в каждом доме. Все вмещает в себя это короткое и емкое слово — хлеб.

В Оренбуржье хорошо известна династия Жереновых из Соль-Илецкого района. Звеньевой, Герой Социалистического Труда Федор Николаевич Жеренов (второй справа).

С рекордом! Александр Михайлович Юдин (в ц е н т р е) поздравляет Николая Бегебу (с п р а в а).

Вот он, новый хлеб!

И снова плуг в борозде.

Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, звеньевой уборочно - транспортного звена колхоза «Рассвет» Василий Макарович Чердинцев.

КИЙ ХЛЕБ

СВЕТ НЕГАСИМЫЙ

Олег **МИХАЙЛОВ**

Маленький деревянный дом в Долго-Хамовническом переулке, зажатом многоэтажными корпусами пивоваренного завода и шелкоткацкой фабрики на окраине старой Москвы, и захудалая графская усадьба в четырнадцати верстах южнее Тулы («Здесь не стала бы танцевать Анна Каренина»,— заметил о скромной Ясной Поляне один ее зоркий посетитель) к началу нынешнего века стали местом паломничества тысяч людей. Пожалуй, не было выдающегося деятеля русской литературы и искусства, который не побывал тут. Сюда приезжали кандидат в американские президенты и известный итальянский ученый, деятель болгарского просвещения и французский критик-эстет. Но вместо гения в традиционно-величественном смысле они видели простого старика в высоких сапогах и длинной холщовой блузе, подпоясанной желтым ремнем.

Облик этого старика прославлен сегодня тысячами полотен и фотографических портретов: скульптурная четкость лица; нечеловечески пронзительные и одновременно добрые маленькие серо-голубые глаза; крупный нос; начинающая сквозить кожей седая с желтизной борода. И что-то исконно крестьянское в грубых и скорбных морщинах лица, в узловатости рук, так привыкших к бруску и косе, что и опрощало толстовский облик и делало его еще значительнее.

Имя его стало легендой еще при его жизни. Великий писатель-реалист, сверстник Достоевского, Чернышевского, Лескова, Островского, он оказался современником А. Чехова, В. Короленко, М. Горького, И. Бунина, А. Куприна, Л. Андреева, продолжая создавать в совершенно новых для себя общественных условиях все новые выдающиеся произведения. Мысль о том, что где-то рядом Толстой, «единственный гений современной Европы» (А. Блок), поражала воображение. «Он похож на бога,— сказал о Толстом Горький,— не на Саваофа или олимпийца, а на этакого русского бога, который «сидит на кленовом престоле под золотой липой»...» Со страниц журналов на рисунках и шаржах тогдашних художников Толстой строго глядит, попирая облака, несоизмеримо огромный в сравнении с окружающими его литераторами. Для сегодняшнего читателя кажется почти непостижимым тот гигантский нравственный авторитет, каким обладал Толстой.

— Вот умрет Толстой, все пойдет к черту!— заявил Бунину Чехов.

— Литература?

— И литература.

«Это имя,— писал Куприн,— было как будто какое-то магическое объединяющее слово, одинаково понятное на всех долготах и широтах земного шара».

Открытия Толстого в литературе, прозвучавшие как откровение, проложили далеко вперед пути реалистическому искусству. Смелость великого художника была такова, что подчас даже выдающиеся его современники не могли сразу постигнуть во всем объеме толстовское новаторство. Известно, что Салтыков-Щедрин не понял значения национальной эпопеи «Война и мир»; мы знаем также, что Некрасов откликнулся на появление «Анны Карениной» едкой, но несправедливой эпиграммой.

Среди открытий Толстого одно из главных — принципиально новое изображение человека, принципиально новое изображение человеческого характера. Не как окончательно завершенного, единожды «промерянного» писателем и действующего раз и навсегда в соответствии со своими данными, а как противоречивого, текучего, «пегого», как сказал бы сам Толстой. В раскрытии психологических тайн души он тяготел к социальному познанию человека, к обнажению общественных пружин его духовной жизни. В оценке этих моментов Толстой был активен и тенденциозен. Можно даже сказать, что у него право на сложность, богатство внутренней жизни имеют люди, нравственно ему близкие,— Пьер Безухов, Андрей Болконский, Наташа Ростова, Анна Каренина, Левин, князь Нехлюдов.

В течение своей жизни все они как бы проживают по нескольку жизней, обнаруживают непредугадываемую сложность собственной судьбы. В то же время в этой сложности порой отказано фигурам несимпатичным или просто враждебным автору: всякого рода носителям бюрократического зла; несокрушимо самоуверенным и жестоким военным; величественным тиранам — Наполеону, Николаю I, Шамилю; наконец, просто перекормленным господам, непроницаемым для народного горя. Лишь в виде исключения, лишь в результате сильнейших душевных потрясений способны иные из них пережить душевный перелом. И тогда хапуга-купец Брехунов отогревает своим телом замерзающего работника Никиту, а русский император тайно уходит в скит, чтобы праведной жизнью искупить царские грехи. Силой нравственного напряжения, господствующего в произведениях Толстого, происходит непрерывная переоценка людей и событий, освобожденных от гипнотизирующих покровов, происходит выявление скрытых, тайных или даже полусознательных намерений.

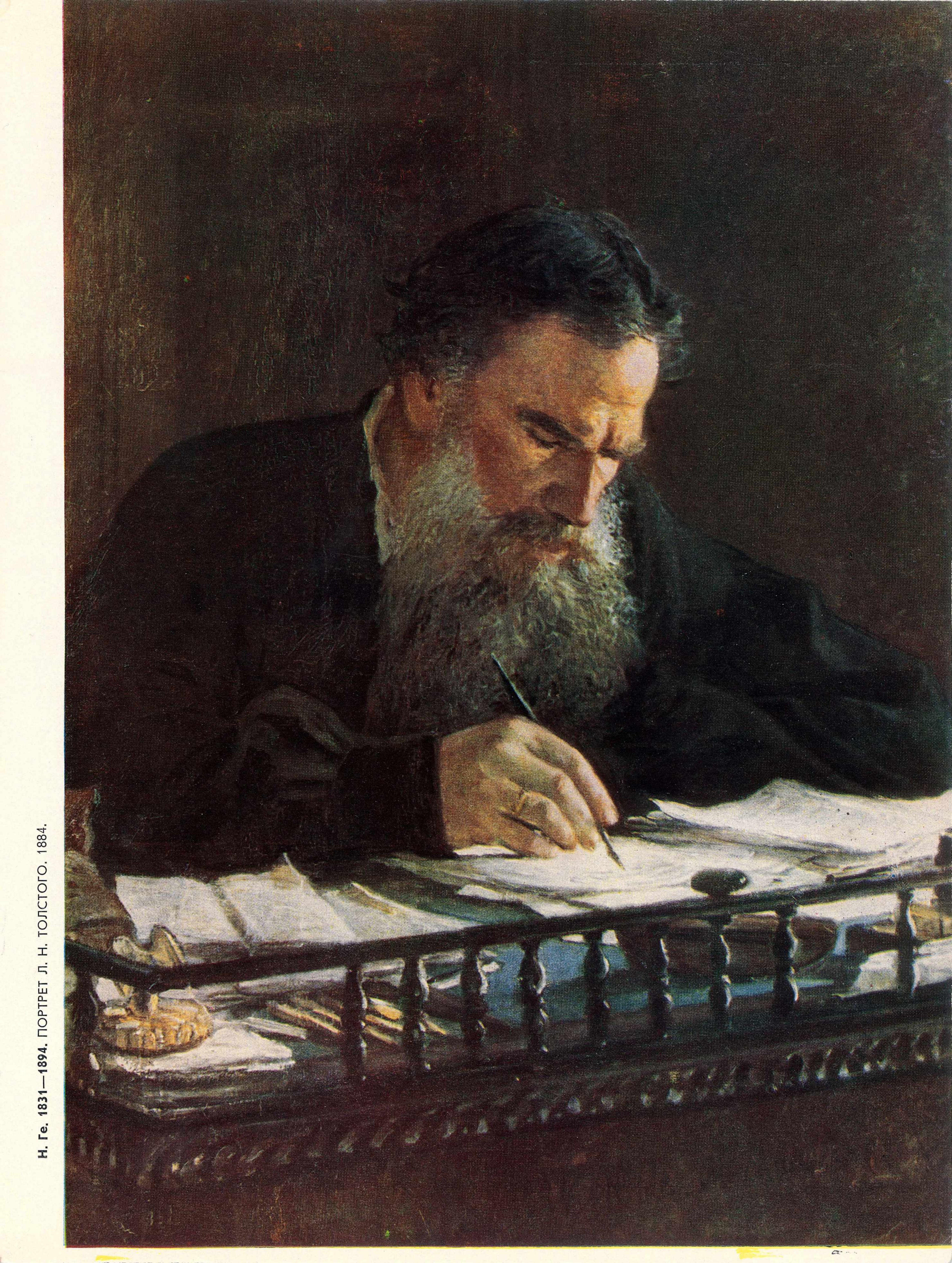
В последние тридцать лет своей долгой жизни Толстой сознательно и целеустремленно употребил все человеческие силы на то, чтобы превратить собственный огромный литературный талант в разрушительное орудие борьбы, чтобы сорвать с общества «ширмы, скрывающие праздность, развращенность, жестокость». Он понимал недостаточность одних материальных изменений и страстно взывал к тому, чтобы изменить «душу живу», сделать всех добрыми и нравственными. Но как подступиться к этой, отдаленнейшей из задач? На помощь должны были, по мысли Толстого, прийти проповедь, поучения, он воспринимает себя теперь не столько писателем, сколько учителем и моралистом и, проповедуя свое учение, готов весь мир рассматривать как огромную приходскую школу.

Но тот же Толстой с обостренной чуткостью мучительно ощущает недостаточность этих мер для преобразования жизни и даже двусмысленность собственного положения. Колебля своими произведениями основы общественного устройства старой России, вызывая ненависть ее официальных верхов, он пишет в дневнике: «Я все готовлюсь к тому кресту, который знаю, к тюрьме, виселице, а тут совсем другой — новый, и про который я не знаю, как его нести. Главная особенность и новизна его та, что я поставлен в положение невольного, принужденного юродства, что я должен своей жизнью губить то, для чего одного я живу, должен этой жизнью отталкивать людей от той истины, уяснение которой дороже мне жизни».

Один из самых образованных людей своего времени, который читал «Илиаду» по-древнегречески, а «Библию» — по-древнееврейски, дворянин, граф, Толстой был одновременно русским мужиком, выразившим всю ненависть крестьянства, копившуюся веками, к угнетавшему его помещичье-дворянскому классу. Его произведения последних тридцати лет — «Смерть Ивана Ильича», «Плоды просвещения», «Власть тьмы», «Живой труп», «Воскресение», «Хаджи-Мурат», «После бала» — являются образным воплощением той выстраданной Толстым идеи, что вся жизнь с ее социальным неравенством, безумной роскошью на одном полюсе и предельной нищетой на другом представляет собой единый контраст, поражающий до боли, до ужаса, до невозможности думать «о художественных приемах», «о литературе».

«Вчера шел в Бабурино,— отмечает Толстой в дневнике,— и... встретил 80-летнего Акима пашущим, Яремичеву бабу, у которой в дворе нет шубы и один кафтан, потом Марью, у которой муж замерз и некому рожь свозить, и морит ребенка, и Трофим, и Халявка, и муж и жена умирали, и дети их. А мы Бетховена разбираем, и молимся, чтобы Он избавил меня от этой жизни. И опять молюсь, кричу от боли. Запутался, завяз, сам не могу, но ненавижу себя и свою жизнь». Когда т а к а я точка зрения переносилась на литературу,— все плавилось и выгорало, как горели клавиры Бетховена вместе с помещичьими усадьбами во время революции 1905 года.

В стремлении проникнуться подлинно народной точкой зрения на события истории и современности, дойти во всем до «корня» Толстой обретал горизонты глубинного историзма. Восторгаясь трепетными движениями чувства Наташи Ростовой, следя за мучительными исканиями добра Пьера Безухова, сопереживая Андрею Болконскому в его попытках постигнуть смысл жизни, мы ощущаем в «Войне и мире» неодолимое и тяжелое движение народа — творца истории. Оглядывая всю тысячелетнюю жизнь России, Толстой утверждал: «не правительство производило историю». «Кто,— вопрошал он,— делал парчи, сукна, платья, камки, в которых щеголяли цари и бояре? Кто ловил черных лисиц и соболей, которыми дарили послов, кто добывал золото, железо, кто выводил лошадей, быков, баранов, кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары? Кто воспитывал и рожал этих людей единого корня? Кто блюл святыню религиозную, поэзию народную...» Именно обретение этого народного взгляда на историю отчизны, на движение из глубины веков великой нации позволило Толстому стать, по собственному признанию, «адвокатом 100-миллионного земледельческого народа».

Н. Ге. 1831—1894. ПОРТРЕТ Л. Н. ТОЛСТОГО. 1884.

И. Репин. 1844—1930. Л. Н. ТОЛСТОЙ НА ПАШНЕ. 1887.

Встав — один из немногих в мировой литературе — вровень с творящей природой, он создал целый мир, не менее реальный, чем живая природа. В нашем сознании, в нашей памяти нестираемы и старый казак дядя Ерошка, жизнь которого заполнена любовью к свободе, праздности, грабежу и войне, Ерошка с его крепким смешанным запасом чихиря, водки, пороха и запекшейся крови; и князь Андрей Болконский с его всепожирающей жаждой славы, который, глядя в небо Аустерлица, с тяжелой раной постигает тщету торжества над людьми; и простой Николай Ростов с его немудреной философией. («Все это поэзия и бабьи сказки,— все это благо ближнего. Мне нужно, чтобы наши дети не пошли по миру: мне надо устроить наше состояние, пока я жив; вот и все»); и Пьер Безухов, этот мужиковатый, сильный русский барин с добрым, открытым лицом, с близоруким и внимательно-задумчивым взглядом; и «круглый» Платон Каратаев; и Иван Ильич с его криком «у! уу! у!», который, умирая, начал кричать «не хочу!» и так продолжал кричать одну букву «у!» три дня; и «ходившее по свету, евшее и пившее мертвое тело» князя Серпуховского; и поруганная, превратившаяся в гулящую женщину Катюша Маслова, с глазами «как мокрая смородина», с очень полной грудью; и сотни других героев, воплощенных с небывалой в литературе телесно-материальной мощью. Познавательное значение этого мира неисчерпаемо. Толстой, по словам Горького, «рассказал нам о русской жизни почти столько же, как и вся наша остальная литература». Но превыше всего для Толстого была главная мысль, которая двигала им, его творчеством,— это мысль о человеке, его назначении на земле, его подвиге в борьбе со злом, мысль о возможности обновления человеческой души, ее воскрешении, возрождении.

Среди многочисленных «уроков Толстого» хочется обратить внимание на один, быть может, далеко не главный, но важный и поучительный,— на человеческую доступность и простоту Толстого, на его способность к общению, на его личный талант сопереживания.

Вот он, восьмидесятилетний, слышит голоса и гармонию на деревне и, смешавшись с толпой, беседует со знакомыми мужиками, смотрит, как провожают пятерых рекрутов. Вот он ранним утром встречает незнакомого крестьянина, который ждет кого-то («как умеют ждать только рабочие люди,— без нетерпения без досады»), и говорит с ним о вреде табаку. И ему, первому встречному, искренне и просто высказывает самые заветные мысли — о душе.

Быть может, вчера Толстой принимал кандидата в президенты США, слушал, как великий композитор играет ему свои произведения, блистал своим французским в беседе со знаменитым в Европе поэтом. А сегодня с такой же (если не большей) ответственностью разговаривает с немолодым крестьянином и счастлив оттого, что слышит в ответ:

«— Верно это, старичок. Верно ты говоришь. Об душе первое дело. Первое дело об душе... Спасибо, старичок. Верно это.— Он указал на трубку.— Это что — одни пустяки, о душе первое дело,— повторил он.— Верно ты говоришь.— И лицо его стало еще добрее и серьезнее».

Это ровное горение нравственного начала, эта отзывчивость в отношении к любому и каждому — непоказная, ненатужливая — являют нам пример поведения и обнаруживают великого человека в великом писателе.

Само существование Толстого уже создавало в литературе повышенную меру требовательности, пристыжало серость, халтуру, коммерцию, ставило барьер безъязыкости и газетной стихии, обличало безнравственность, саморекламу, дешевый успех. И это тоже очень ценно, поучительно и полезно для нас, для нашей сегодняшней духовной жизни.

А возможность критики, нелицеприятного суда над собратьями по перу?

Как беспощаден был Толстой в своих оценках, как распекал он — и кого?— Чехова и Горького, когда ему казалось, что их произведения слабы. Но даже в несправедливом — в отрицании, скажем, чеховской пьесы «Дядя Ваня» или горьковской повести «Фома Гордеев» — он лишь сгущал ту критическую атмосферу, в которой только и может плодотворно развиваться художественное творчество, начиная, кстати, с самого себя, с критики собственных произведений.

И еще один «урок» Толстого, о котором хочется напомнить.

Подлинный реализм, реализм толстовской мерки — это не только верность жизни, но и высокая **нравственность** творчества. Такой реализм не терпит саморекламы или искусно раздуваемой шумихи вокруг заведомо посредственных произведений, существования «неприкасаемых», недоступных критике литераторов. Ему противопоказаны несерьезное или даже циничное отношение писателя к делу, когда проникновение в тайны жизни подменяется внешней злободневностью, а изображение человека — изображением его профессии...

В нашей работе, в литературных спорах, в обсуждении больших и малых дел незримо присутствует Толстой, толстовский авторитет. Его заветы, его наследие, самый его облик помогают нам в нашей повседневности избавляться от всего наносного, чуждого подлинному искусству, способствуют рассасыванию тромбов групповщины, серости, халтуры, которые способны закупорить литературные артерии.

Многие толстовские высказывания прямо обращены в будущее, к нам.

В одном из своих писем Толстой графически изобразил движение русской литературы: высшая точка — Пушкин, затем движение вниз — и уход линии под землю — «изучение народа» перед новым подъемом.

В ожидании подъема, тревожном, радостном, всегда живет литература, как человек — в ожидании счастья. И залогом этого светоносного движения вверх могут служить имя и деяния Толстого, одного из самых славных сынов нашего великого народа, бесконечного в своих творческих силах.

Не иначе как вещими можно назвать слова Толстого, которыми заканчивается его маленький рассказ 1909 года о встрече с незнакомым крестьянином: «Да как же не радоваться, живя среди такого народа, как же не ждать всего самого светлого от такого народа?»

ЛЮБИМЫЕ СТИХИ Л. Н. ТОЛСТОГО

Укоренившееся мнение, что Толстой не любил поэзии, не отражает истинного отношения великого писателя к поэтическим произведениям. Он был очень строг в оценках — это верно. Но настоящую, истинную поэзию весьма ценил. Горький приводит в своих воспоминаниях фразу Толстого: «Надо учиться стихам у Пушкина, Тютчева, Шеншина». Высокие требования, которые предъявлял Лев Николаевич к поэзии, состояли главным образом в том, что в настоящем стихотворении глубина мысли должна гармонически сочетаться с красотой и изяществом формы.

Приведенные ниже три поэтических шедевра отобраны по следующему принципу. Стихотворения Тютчева «Silentium!»[1] и Пушкина «Воспоминание» включены Толстым в «Круг чтения». О том, как читал Лев Николаевич свое любимое тютчевское стихотворение «Silentium!» А. К. Черткова пишет: «Молчи, скрывайся и таи и чувства и мечты свои»...—начинает он тихо и проникновенно, просто и глубоко-трогательно... Голос его слегка дрожит от внутреннего волнения... Чувствуется, что он сам пережил то, о чем говорит поэт».

Стихотворение Фета «А. Л. Б-ой» (Бржеской) Лев Николаевич так высоко оценил, что писал автору: «Коли оно когда-нибудь разобьется и засыпется развалинами, и найдут только отломанный кусочек: *в нем слишком много слез*, то и этот кусочек поставят в музей и по нем будут учиться». А пушкинское «Воспоминание» приводит Толстой целиком на склоне лет в начале своих автобиографических записок и замечает, что он под всем им подписался бы, заменив только в последней строке слово «печальных» на «постыдных» (известно, что Толстой всю жизнь не уставал казниться и судил себя слишком часто и слишком строго).

[1] Молчание (лат.).

Ф. И. ТЮТЧЕВ

SILENTIUM!

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи,—
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи,—
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи,—
Внимай их пенью — и молчи!..

А. А. ФЕТ

А. Л. Б-ОЙ

Далекий друг, пойми мои рыданья,
Ты мне прости болезненный мой крик.
С тобой цветут в душе воспоминанья,
И дорожить тобой я не отвык.

Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?

Где ж это все? Еще душа пылает,
По-прежнему готова мир объять.
Напрасный жар. Никто не отвечает;
Воскреснут звуки и замрут опять.

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мне голос твой принес.
В ланитах кровь, и в сердце вдохновенье.—
Прочь этот сон,— в нем слишком много слез!

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет уходя.

А. С. ПУШКИН

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

МГНОВЕНИЯ

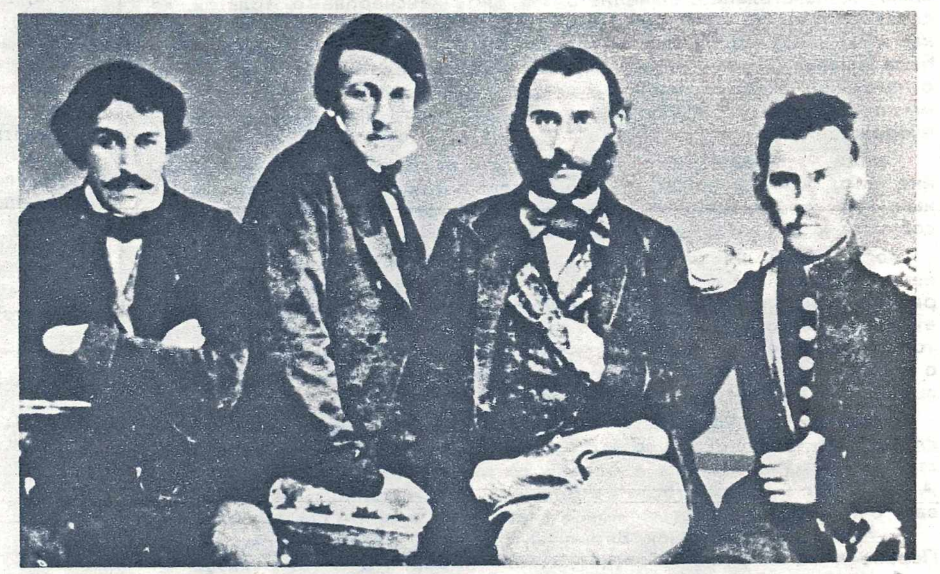

1.

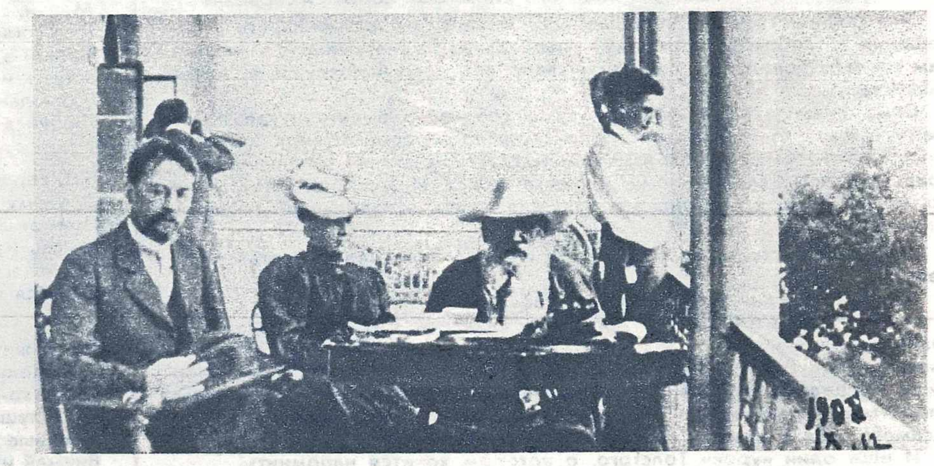
3.

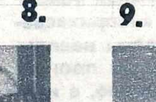

4.

6.

8.

9.

ЖИЗНИ

2.

5.

1. Мария Николаевна Волконская (1790—1830), мать Л. Н. Толстого. Единственное сохранившееся изображение.

2. Николай Ильич Толстой, отец Льва Николаевича (1794—1837), миниатюра.

3. Л. Н. Толстой. 1849 год, год открытия в Ясной Поляне первой школы для крестьянских ребят.

4. В Москве в 1854 году все братья Толстые, Сергей, Николай, Дмитрий и Лев, собрались вместе.

5. Из Лондона, после встреч в 1861 году с А. И. Герценом, Лев Николаевич перебрался в Брюссель. Именно там, в фотографическом заведении Жерюзе, был сделан этот снимок.

6. 1901 год, терраса дачи Паниной в Гаспре: А. П. Чехов, Софья Андреевна и Лев Николаевич Толстые, их дочь М. Л. Оболенская.

7. 1887 год. Лев Николаевич с группой молодежи в Ясной Поляне. Сидят (слева направо): Т. Л. Толстая, Л. Н. Толстой, М. Л. Толстая. Стоят: Лили Гельбиг, Л. Л. Толстой, Т. А. Кузминская, С. А. Толстая.

8. Лев Николаевич Толстой в рабочем кабинете. Ясная Поляна, 1909 год.

9. Один из самых близких людей Л. Н. Толстому в последние годы его жизни — В. Г. Чертков.

10. Ясная Поляна, Троицын день. Лев Николаевич и Софья Андреевна среди крестьян.

11. В усадьбе Крекшино. Лев Николаевич рассказывает внукам Соне и Илюше сказку об огурце. 1909 год.

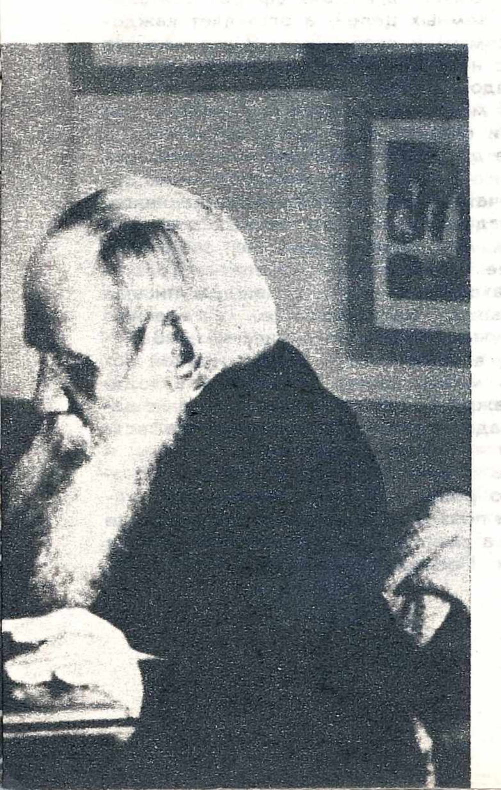
Публикацию подготовила С. ГРИГОРЬЕВА.

7.

10.

11.

В. ЕНИШЕРЛОВ

ПИСЬМА ТОЛС

Эпистолярное наследие Льва Николаевича Толстого огромно. Его письма охватывают целую эпоху и являют нам Толстого в общении с чрезвычайно широким кругом людей — острого, эмоционального, страстного. Особенно важно читать внимательно эти письма, потому что художественное творчество не до конца выражает его сложнейшую личность. В переписке же он «распахивается», раскрывает такие стороны своей души и мировоззрения, которые остаются как бы в тени в его прозе и публицистике. Впрочем, это понимали и современники писателя. Не случайно значительная часть переписки копировалась домашними и помощниками.

Толстой всегда чутко откликался на события общественной и литературной жизни, он был в письмах заботлив и нежен с родными и друзьями, охотно помогал советом всем, кто к нему обращался,— ученым, молодым писателям, художникам, притесняемым... Примеров тому множество. Вот лишь один. Николай Николаевич Миклухо-Маклай прислал Толстому напечатанные статьи о своем пребывании в Новой Гвинее. Тот путь, которым исследователь завоевал сердца туземцев, был крайне близок противнику насилия Толстому. Он пишет ученому: «Один человек... вооруженный вместо пуль и штыков одним разумом, и доказывает, что все то безобразное насилие, которым живет наш мир, есть только старый отживший humbug (обман), от которого давно пора освободиться людям...» И именно Толстой посоветовал Миклухо-Маклаю написать историю его странствований, «отстранив все, кроме отношений с людьми». «Ваше письмо сделало свое дело»,— отвечал Миклухо-Маклай, решивший включить в книгу многое о своем общении с туземцами, о чем прежде хотел умолчать.

А какие яркие письма посылал Толстой, организуя борьбу со страшным голодом в Самарской губернии, как много внимания уделял он переписке с народными учителями, как постоянно заступался за угнетенных и осужденных! Стоит здесь вспомнить и его смелые послания русским императорам.

Одна из интереснейших частей переписки Толстого — письма к писателям. В них обсуждаются не только чисто литературные дела, но и общественные события, говорится о жизни самого Льва Николаевича и его близких. Письма эти содержат богатейшую информацию об истории произведений Толстого и рассказывают о его отношениях к творчеству корреспондентов. Замечательны в них и часто краткие, но поразительно точные суждения о произведениях русских писателей, мысли о литературе и искусстве.

Конечно, невозможно в одной публикации рассказать обо всей переписке Толстого с писателями. Мы выбрали лишь несколько выразительных писем, в которых предстает он художником, гражданином и мыслителем, в которых виден Толстой — неравнодушный, ищущий человек.

Еще во время Крымской войны у Льва Николаевича созрела мысль о необходимости освобождения крестьян от крепостной зависимости. Он разрабатывает свой собственный проект освобождения яснополянских крепостных, который, правда, не имел успеха. Толстой остро чувствовал нарастание в пятидесятые годы революционной ситуации: «Помянут мое слово, что через 2 года крестьяне поднимутся, ежели умно не освободят их до этого времени».

И вот был объявлен манифест 19 февраля 1861 года. Писатель находился в это время за границей, он был занят подготовкой романа «Декабристы». В Лондоне в первых числах марта он познакомился с А. И. Герценом, постоянно встречался с ним, ведя разговоры о крайне обоих волновавшем вопросе освобождения крестьян. А в середине марта Толстой пишет Герцену знаменательное послание из Брюсселя: «...Вы говорите, я не знаю России. Нет, знаю свою субъективную Россию, глядя на нее с своей призмочки. Ежели мыльный пузырь истории лопнул для вас и для меня, то это тоже доказательство, что мы уже надуваем новый пузырь, который еще сами не видим. И этот пузырь есть для меня твердое и ясное знание моей России, такое же ясное, как знание России Рылеева может быть в 25 году. Нам, людям практическим, нельзя жить без этого.

Как вам понравился манифест? Я его читал нынче по-русски и не понимаю, для кого он написан. Мужики ни слова не поймут, а мы ни слову не поверим.— Еще не нравится мне то, что тон манифеста есть великое благодеяние, делаемое народу, а сущность его даже ученому крепостнику ничего не представляет кроме обещаний.

Кроме общего интереса, вы не можете себе представить, как мне интересны все сведенья о декабристах в «Полярной Звезде».— Я затеял месяца четыре тому назад роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист. Я хотел поговорить с вами об этом, да так и не успел.— Декабрист мой должен быть энтузиаст, мистик, христианин, возвращающийся в 56 году в Россию с женою, сыном и дочерью и примеряющий свой строгий и несколько идеальный взгляд к новой России.— Скажите, пожалуйста, что вы думаете о приличии и своевременности такого сюжета. Тургеневу, которому я читал начало, понравились первые главы».

Роман «Декабристы» Толстой, как известно, не окончил. Он возвращается в Россию и отдает много сил «поэтическому, прелестному делу, от которого нельзя оторваться»,— народной школе. Вскоре писатель начинает издавать педагогический журнал «Ясная Поляна», где излагает свои принципы и методы просвещения. Народ и его проблемы все глубже волнуют Толстого, школа и работа мировым посредником открыли перед ним новые пути для постижения «нравственной жизни мужика». Даже в письмах такому представителю чистого искусства, как Фет, человеку, далекому от «общественности», он не перестает повторять о тяжелом положении простого крестьянина, которое волнует и мучает его постоянно. «У нас за столом редиска розовая, желтое масло, подрумяненный мягкий хлеб на чистой скатерти, в саду зелень, молодые наши дамы в кисейных платьях рады, что жарко и тень, а там этот злой чорт голод делает уже свое дело, покрывает поля лебедой, разводит трещины по высохнувшей земле и обдирает мозольные пятки мужиков и баб и трескает копыты скотины и всех их проберет и расшевелит, пожалуй, так, что и нам под тенистыми липами в кисейных платьях и с желтым сливочным маслом на расписном блюде — достанется»,— пишет Толстой в письме, посланном из Ясной Поляны в мае 1865 года.

Вдумчивым критиком и ценителем литературы, хотя порой и резким и, как бы мы сейчас сказали, несколько субъективным, предстает Лев Толстой перед читателем его писем, в которых затрагиваются литературные проблемы... Часто и по-разному пишет, например, Толстой своим корреспондентам о Тургеневе. Вот его мнение о романе «Дым», выраженное в письме к А. А. Фету. Читая это письмо, не надо забывать сложнейших отношений, которые связывали Тургенева и Толстого. Тургенев одним из первых оценил «Детство», признал талант его автора. В свою очередь, Толстой считал Тургенева непревзойденным певцом природы. «Одно, в чем он мастер такой, что руки отнимаются после него касаться этого предмета — это природа. Две-три черты и пахнет». Но человеческие их взаимоотношения складывались трудно. Тургенев, как вспоминает Фет, говорил, что они с Толстым, как две планеты, находящиеся на разных орбитах. После жестокой ссоры, случившейся между Толстым и Тургеневым, когда они гостили в Степановке у Фета, чуть было не окончившейся дуэлью, писатели не встречались и не переписывались почти семнадцать лет, но не переставали внимательно следить за творчеством друг друга, и личная неприязнь не мешала объективной оценке произведений. Когда в «Русском вестнике» № 3 за 1867 год был напечатан «Дым», Фет в большом письме к Толстому резко критиковал этот роман. Толстой отвечал из Ясной Поляны: «...О «Дыме» я вам спасибо большое. **Ум ума и ум сердца** — это писать хотел давно и, разумеется, то самое, что вы мне пишете. От этого-то мы и любим друг друга, что одинаково думаем **умом сердца**, как вы называете. (Еще за это письмо вам спасибо большое. **Ум ума и ум сердца** — это мне многое объяснило). Я про «Дым» думаю то, что сила поэзии лежит в любви — направление этой силы зависит от характера.— Без силы любви нет поэзии; ложно направленная сила,— неприятный, слабый характер поэта претит. В «Дыме» нет ни к чему почти любви и нет почти поэзии. Есть любовь только к прелюбодеянию легкому и игривому, и потому поэзия этой повести противна. Вы видите,— это то же, что вы пишете. Я боюсь только высказывать это мнение, потому что я не могу трезво смотреть на автора, личность которого не люблю, но, кажется, мое впечатление общее всем...»

Многолетняя переписка велась также между Л. Н. Толстым и Н. Н. Страховым — известным литератором и философом, который активно помогал Льву Николаевичу, принимая деятельное участие в издании его произведений. Страхов был, как и Фет, духовно близок Толстому. «На выражение же вашего сочувствия отвечу только тем, что оно мне радостно в высшей степени; потому что ту же радость, которую вы испытали, встретив одни и те же взгляды на жизнь во мне, я испытал, встретив вас... Скоро после вас я на железной дороге встретил Тютчева, и мы 4 часа проговорили. Я больше слушал. Знаете ли вы его? Это гениальный, величавый и дитя старик. Из живых я не знаю никого, кроме вас и его, с кем бы я так одинаково чувствовал и мыслил. Но на известной высоте душевной единство воззрений на жизнь не соединяет, как это бывает в низших сферах деятельности, для земных целей, а оставляет каждого независимым и свободным. Я это испытал с вами и с ним. Мы одинаково видим то, что внизу и рядом с нами; но кто мы такие и зачем и чем мы живем и куда мы пойдем, мы не знаем и сказать друг другу не можем, и мы чуждее друг другу, чем мне или даже вам мои дети. Но радостно по этой пустынной дороге встречать этих чуждых путешественников. И такую радость я испытал, встретясь с вами и с Тютчевым». Такое признание заставляет пристальнее углубляться в переписку Толстого со Страховым. И почти в каждом письме обнаруживаешь захватывающе интересные мысли и суждения великого писателя: «Заметили ли вы в наше время в мире русской поэзии связь между двумя явлениями, находящимися между собой в обратном отношении: — упадок поэтического творчества всякого рода — музыки, живописи, поэзии, и стремление к изучению русской народной поэзии всякого рода — музыки, живописи (и украшения) и поэзии. Мне кажется, что это даже не упадок, а смерть с залогом возрождения в народности. Последняя волна поэтическая —

ТОГО

парабола была при Пушкине на высшей точке, потом Лермонтов, Гоголь, мы грешные, и ушла под землю. Другая линия пошла в изучение народа и выплывет, бог даст, а Пушкинский период умер совсем, сошел на нет... Счастливы те, кто будут участвовать в выплывании. Я надеюсь».

Не удивительно, что имя Пушкина, о котором Толстой размышляет постоянно, столь часто встречается в переписке Толстого. То он приводит строку пушкинского стихотворения, то обращается к Пушкину, как к эталону, как к вершине литературного мастерства и в поэзии и в прозе. Вот, например, что пишет Толстой писателю-историку, исследователю русских былин П. Д. Голохвастову: «Давно ли вы перечитывали прозу Пушкина? Сделайте мне дружбу — прочтите с начала все повести Белкина. Их надо изучать и изучать каждому писателю. Я на днях это сделал и не могу вам передать того благодетельного влияния, которое имело на меня это чтение.

Изучение это чем важно? Область поэзии бесконечна, как жизнь; но все предметы поэзии предвечно распределены по известной иерархии и смешение низших с высшими, или принятие низшего за высший есть один из главных камней преткновения. У великих поэтов, у Пушкина, эта гармоническая правильность распределения предметов доведена до совершенства. Я знаю, что анализировать этого нельзя, но это чувствуется и усваивается. Чтение даровитых, но негармонических писателей (то же музыка, живопись) раздражает и как будто поощряет к работе и расширяет область; но это ошибочно; а чтение Гомера, Пушкина сжимает область и, если возбуждает к работе, то безошибочно...»

Именно обращением к Пушкину обязан Толстой тому толчку, что привел к стремительному рождению романа «Анна Каренина». Он пишет Страхову: «...Жена принесла с низу повести Белкина, думая найти что-нибудь для Сережи, но, разумеется, нашла, что рано. Я как-то после работы взял этот том Пушкина и, как всегда (кажется 7-й раз) перечел всего, не в силах оторваться, и как будто вновь читал. Но мало того, он как будто разрешил все мои сомнения. Не только Пушкиным прежде, но ничем я, кажется, никогда я так не восхищался. **Выстрел, Египетские ночи, Капитанская дочка!!!** И там есть отрывок «Гости собирались на дачу». Я невольно, нечаянно, сам не зная зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать, потом, разумеется, изменил, и вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман, который я нынче кончил начерно, роман очень живой, горячий и законченный, которым я очень доволен и который будет готов, если бог даст здоровья, через 2 недели и который ничего общего не имеет со всем тем, над чем я бился целый год».

И еще об одном русском гении, о том, с кем Толстой, как ни странно, никогда не встречался, хотя жил и работал в одно время,— о Достоевском читаем мы в письмах к Н. Н. Страхову. Толстого и Достоевского обычно рассматривают как антиподов, и в самом деле трудно найти писателей, чьи личности и творчество были бы более несхожи. И лишь из писем Толстого можем мы узнать об истинном отношении его к Достоевскому. «На днях нездоровилось, и я читал «Мертвый дом («Записки из мертвого дома».— **В. Е.**). Я много забыл, перечитал и не знаю лучшей книги изо всей новой литературы, включая Пушкина. Не тон, а точка зрения удивительна — искренняя, естественная и христианская. Хорошая, назидательная книга. Я наслаждался вчера целый день, как давно не наслаждался. Если увидите Достоевского, скажите ему, что я его люблю». Страхов писал Толстому, что Достоевский был очень обрадован этой оценкой, «я должен был оставить ему листок из Вашего письма, заключающий такие дорогие слова». Смерть Достоевского потрясла Толстого. Он написал Страхову: «Как бы я желал уметь сказать все, что я чувствую о Достоевском. Вы, описывая свое чувство, выразили часть моего. Я никогда не видал этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый, самый близкий, дорогой, нужный мне человек. Я был литератор и литераторы все тщеславны завистливы, я по крайней мере такой литератор. И никогда мне в голову не приходило меряться с ним — никогда. Все, что он делал (хорошее, настоящее, что он делал), было такое, что чем больше он сделает, тем мне лучше. Искусство вызывает во мне зависть, ум тоже, но дело сердца только радость.— Я его так и считал своим другом, и иначе не думал, как то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось, но что это мое. И вдруг за обедом — я один обедал, опоздал — читаю, умер. Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал и теперь плачу.— На днях до его смерти, я прочел «Униженные и оскорбленные» и умилялся».

Л. Н. Толстой в группе писателей — сотрудников журнала «Современник». Слева направо: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Д. В. Григорович, А. В. Дружинин, А. Н. Островский. Петербург. 1856 год.

С некоторыми писателями Лев Николаевич обменялся всего несколькими письмами, но из них видно, как хорошо знал он их творчество, как умел ценить талант авторов. Исключительная правдивость Толстого заставляла откровенно критиковать те или иные не понравившиеся ему произведения в целом так высоко ценимых им художников, как Тургенев и Фет, некоторые статьи того же Страхова. Неспособный кривить душою, он никогда не хвалил того, что на самом деле ему не нравилось даже в произведениях очень близких ему писателей. И общая высокая оценка всего творчества какого-либо художника определенно соответствует тому месту, которое отводил Толстой автору в русской литературе. Так, не все произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина одинаково нравились Льву Николаевичу, но из единственного сохранившегося письма к Салтыкову ясно, как относился к нему Толстой: «У вас есть все, что нужно — сжатый сильный, настоящий язык, характерность, оставшаяся у вас одних, не юмор, а то, что производит веселый смех, и по содержанию — любовь и потому знание истинных интересов жизни народа. Вы можете доставить миллионам читателей драгоценную, нужную им и такую пищу, которую не может дать никто кроме вас».

Современники очень дорожили мнением Толстого. Полученное Д. В. Григоровичем к 50-летнему юбилею его творческой деятельности письмо Льва Николаевича было прочитано вслух и, по словам Григоровича, «вызвало единодушный восторг, доказавший как высоко Вас ценят и любят», а сам юбиляр был растроган письмом Толстого «больше всех остальных вместе взятых» поздравлений.

С годами все громче звучал во всем мире голос Толстого, обличающего несправедливость, угнетение и притеснение человека, царящее в современном ему обществе. Об этом письмо 1907 года польскому писателю Генрику Сенкевичу в ответ на его просьбу о поддержке протеста против германской политики в Познани: «То дело, о котором вы пишете, мне известно и вызвало во мне не удивление, даже не негодование, а только подтверждение той для меня несомненной истины — как ни кажется она парадоксальной людям, подпавшим государственному гипнозу,— что существование насильнических правительств отжило свое время и что в наше время правительственными людьми — императорами, королями, министрами, военачальниками, даже влиятельными членами палат могут быть только люди, стоящие на самой низкой ступени нравственного развития. Люди эти потому и находятся на таких местах, что они нравственно выроҗденные люди. Люди, занятые тем, чтобы грабить под видом податей имущество рабочего народа, тем, чтобы делать приготовления к убийствам и совершать самые убийства, тем, чтобы казнить смертью людей, тем, чтобы не переставая лгать перед собой и людьми, люди эти не могут быть иными. В языческом мире мог быть добродетельный властитель Марк Аврелий, но в нашем христианском мире даже правители прошлых веков,— все французские Людовики, и Наполеоны, все наши Екатерины Вторые и Николаи I, все Фридрихи, Генрихи и Елизаветы, немецкие и английские,— несмотря на все старания хвалителей, не могут в наше время внушать ничего, кроме отвращения. Теперешние же властители, учредители всякого рода насилий и убийств, уже до такой степени стоят ниже нравственных требований большинства, что на них нельзя даже и негодовать... бороться надо не с этими лишенными высшего человеческого сознания существами, а с тем ужасным, отсталым учреждением насильственного государственного устройства, которое и есть главный источник страданий человечества».

Мы познакомились лишь с крохотной толикой в необозримом море писем (их многие тысячи) Льва Николаевича Толстого. Но и они ярко раскрывают характер его отношений с современниками, идейно-эстетические взгляды великого русского писателя. Толстой поистине безграничен, и чтобы глубже понять его, чтобы приблизиться к постижению гения, следует стараться познать все стороны его творчества, в котором «почтовая проза» играет своеобразную, очень значительную роль.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И НИКОЛАЙ ФЕДОРОВ

Н. СКАТОВ,
доктор филологических наук

«Я никогда не забуду слов Льва Николаевича, относящихся к Вам в те еще времена, когда мы так дружелюбно сходились с Вами и беседовали у него на квартире. Он говорил, я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком». Это писал очень близкий Толстому Афанасий Фет Николаю Федорову. Действительно, Лев Толстой и Николай Федоров жили «в одно время» совершенно буквально. Они ровесники. Но, если о стопятидесятилетии Льва Толстого знают почти все, то о стопятидесятилетии Николая Федорова — почти никто. Слава Толстого всесветна. Известность Федорова для сравнительно широкого круга с ряда публикаций последних лет (см., в частности, «Прометей» № 11), может быть, только начинается. Сочинения Толстого изданы еще прижизненно во всем мире и миллионными тиражами. Сочинения Федорова — лишь в России, всего один раз, не считая нескольких журнальных публикаций тиражом в несколько сотен экземпляров, и только после смерти автора.

«Был у нас,— писал уже в конце 20-х годов М. Горький,— замечательный, но мало известный — потому что был своеобразен — мыслитель Н. Ф. Федоров». Впрочем, идеи Николая Федоровича Федорова привлекали внимание и Достоевского, и Владимира Соловьева, и Маяковского, и Заболоцкого, хотя знакомились они с ним чаще всего поздно, отрывочно, случайно.

Из великих наших писателей, может быть, один Лев Толстой как раз долго и близко знал Федорова, знал лично. Впервые о Федорове рассказал Толстому восторженный и верный почитатель Федорова Н. П. Петерсон при случайной встрече с Толстым на железной дороге в 1878 году (Петерсон одно время учительствовал в Ясной Поляне и был знаком с Львом Николаевичем еще с начала 60-х годов). В том же 1878 году Толстой знакомится с Федоровым при посещении Румянцевской библиотеки, где тот работал библиотекарем. С 1881 года они сближаются. Прежде всего Толстой был увлечен личностью уже тогда знаменитого библиотекаря. Эта знаменитость определялась фанатичной преданностью Федорова книгам, подвижническим образом жизни. (О Федоровемыслителе тогда мало кто знал.) Именно после перелома в своем мировоззрении Толстой оказался увлечен личностью Федорова. Он пишет в дневнике: «Николай Федорыч —святой. Каморка. Исполнять. Это само собой разумеется. Не хочет жалованья. Нет белья, нет постели». Той же осенью 1881 года Толстой пишет одному из своих корреспондентов о Федорове: «...Он по жизни самый чистый христианин. Когда я ему говорю об исполнении Христова учения, он говорит: *да это разумеется* — и я знаю, что он исполняет его.— Ему 60 лет. Он нищий и все отдает, всегда весел и кроток». Сын Толстого Илья Львович вспоминает: «Федорова, бывшего библиотекаря Румянцевского музея, я вижу перед собой сейчас как живого. Это был худенький среднего роста старичок, всегда плохо одетый, необычайно тихий и скромный. На шее вместо воротника он носил какой-то клетчатый серый шарфик и ходил зимой и летом в одном и том же старом коротеньком пальтеце. У него было такое выражение лица, которое не забывается. При большой подвижности умных и проницательных глаз он весь светился внутренней добротой, доходящей до детской наивности. Если бывают святые, то они должны быть именно такими». Впрочем, «святость» Федорова была особая. Прежде всего Федоров был уникальным, энциклопедически образованным человеком. Он в совершенстве знал все основные европейские языки, занимался и восточными. Хотя — частное проявление его горячего патриотизма — говорил и писал он только по-русски, а в случае необходимости, как рассказывают, переводил иностранные книги на русский прямо с листа. Известно, что он консультировал ученых в самых разнообразных областях знаний, и совсем не только гуманитариев. Один из современников, хорошо знавший Федорова по Румянцевской библиотеке, Ю. П. Бартенев, писал: «Память и начитанность его были изумительны, многие ученые обязаны ему за его указания, и скромная каталожная Румянцевского музея была долго какой-то лабораторией мысли, служила умственным центром Москвы, куда тянулись люди, имена которых широко прославлены».

Именно Федоров оказался учителем и наставником молодого Циолковского, который считал встречу с Федоровым счастьем и которому, по собственным словам Циолковского, Федоров «заменил университетских профессоров».

Но Толстого с его удивительным чутьем жизни прежде всего, думается, привлекала в Федорове одна особенность. Знаменитый аскетизм Федорова не был запрограммированным, преднамеренным. Он шел не от монашеской ущербности, а от полноты ощущения бытия. Потому и себя Федоров аскетом не считал и аскетизм осуждал, видя в нем неполноту и

Н. Ф. Федоров, Л. Н. Толстой и В. С. Соловьев.

Художник Л. Пастернак

бессилие. Раздавая большую часть своего скромного жалованья (от повышения которого категорически отказывался) и даже прикупая на него же недостававшие библиотеке книги, Федоров был принципиальным противником жертвенности: «Нужно жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех». Тот же Ю. П. Бартенев писал: «Откуда же брал силы этот великий подвижник? Мать, у которой опасно болен ребенок, забывает о еде, о всем, что не касается любимого существа, и проявляет непостижимую силу: в таком состоянии прожил и Н. Ф. всю жизнь свою. Для своего дела он забывал все, что привлекает нас». Недаром связанным с революционными кружками молодым учителям Богородска, где Федоров в 60-е годы учительствовал, он напоминал Рахметова.

Толстой раньше многих и, конечно, от самого Федорова знал о сути федоровского учения. «Он,— сообщает писатель в ноябре 1881 года В. И. Алексееву,— составил план общего дела всего человечества, имеющего целью воскрешение всех людей во плоти. Во-первых, это не так безумно, как кажется. (Не бойтесь, я не разделяю и не разделял никогда его взглядов, но я так понял их, что чувствую себя в силах защитить эти взгляды перед всяким другим верованием, имеющим внешнюю цель)».

Основной идеей Федорова была идея объединения («Философия общего дела» — так назывался изданный в 2 томах после смерти Федорова его основной труд) усилий всех людей для овладения силой природы и преодоления, наконец, самой смерти, вплоть до воскресения всеми предыдущими поколениями людей — детьми всех предшествующих — отцов. Валерий Брюсов вспоминает о разговоре со знаменитым бельгийским поэтом Эмилем Верхарном. «Я рад,— говорил Верхарн,— что дожил до завоевания воздуха. Человек должен властвовать над стихиями, над водой, огнем, воздухом. Даже должен научиться управлять самим земным шаром». К удивлению Верхарна, я сообщаю ему, что эту мысль у него предвосхитил русский мыслитель старец Федоров».

Да, Федоров многое предвосхитил. «Вопрос об участи Земли,— писал он,— приводит нас к убеждению, что человеческая деятельность не должна ограничиваться пределами одной планеты». Но самое овладение космосом он ставит в прямую связь и с очень

практическими земными делами: «Средства земного шара не безграничны. Как все это ничтожно... в сравнении с тем безграничным пространством, так как условия, от которых зависит урожай, вообще растительная жизнь не ограничивается даже пределами земной планеты. «Не земля нас кормит, а небо», говорят крестьяне». Федоров стал первым у нас философом космоса и жил в твердой уверенности, что именно Россия окажется первой в деле его освоения. «Я,— говорил Циолковский,—преклоняюсь перед Федоровым. У нас в семье любовь к России ставилась на первое место, а Федоров был верным сыном России. Я часто повторяю его слова, ставшие известными не от самого Федорова, а много лет спустя после его смерти: «Самая ширь Земли русской способствует образованию богатырских характеров и как бы приглашает к небесному подвигу». Обеими руками подписываюсь под этим».

С позиции своей религиозно-философской и естественнонаучной утопии Федоров критиковал общественную и религиозно-философскую утопию Толстого. Особенно резко то, что В. И. Ленин определяет позднее у Толстого как позицию патриархального крестьянства. Прежде всего толстовскому учению о непротивлении злу насилием, которое Федоров называл учением о «недуманье» и «неделанье», он и противопоставлял свою философию общего дела. Позднее Циолковский, имея в виду сложные отношения Федорова и Толстого, сказал: «Иные, благоговея перед писателем, если и не соглашались с ним, то помалкивали, а Федоров говорил о несогласиях прямо в лицо». Идеями Федорова Толстой не проникся. «При каждой встрече с моим отцом,— вспоминает С. Л. Толстой,— он (Федоров. — Н. С.) требовал, чтобы отец распространял эти идеи. Он не просил, а именно настойчиво требовал. А когда отец в самой мягкой форме отказывался, он огорчался, обижался и не мог ему этого простить». Разногласия постепенно обострялись и, наконец, уже в начале девяностых годов привели, в основном по инициативе Федорова, к полному разрыву отношений.

Тем не менее Толстой навсегда сохранил пиетет к личности Федорова. В 1895 году, уже после разрыва отношений, Толстой ответил на просьбу подписать адрес, обращенный почитателями к Федорову: «Я с радостью подпишу всякий адрес, который вы напишете Николаю Федоровичу. И как бы высоко вы в этом адресе ни оценили и личность и труды Николая Федоровича, вы не выразите того глубокого уважения, которое я питаю к его личности...» А много позднее, уже после смерти Федорова (Федоров умер в 1903 году), в феврале 1908 года, Толстой в одном из писем вновь называл Федорова «незабвенным, замечательнейшим» человеком.

Сложная история отношений великого русского писателя Льва Толстого и одного из самых своеобразных русских философов, Николая Федорова (нынешний юбилейный год — хороший повод об этом напомнить), еще ждет изучений и прояснений. Но уже сейчас можно говорить о ней как о примечательной странице в истории русской мысли.

Ленинград.

«ГРАФ ТОЛСТОЙ ДОМА»

В ноябрьском номере нью-йоркского еженедельника «Лесниз уикли» за 1898 год появились воспоминания Эрнеста Кросби «Граф Толстой дома». Эрнест Кросби (1856—1907) — американский писатель, юрист и политический деятель.

Увлекшись идеями Л. Н. Толстого, Кросби в 1894 году написал письмо С. А. Толстой, спрашивая, может ли он посетить ее супруга в маемесяце. В ответ он получил приглашение прибыть в Ясную Поляну и сразу же выехал в Россию.

ПОРТРЕТ Л. ТОЛСТОГО.
Художник Н. Н. Жуков.

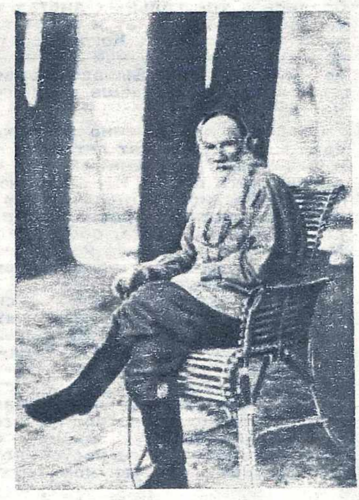
Когда я вышел из вагона поезда на станции в Туле и на ломаном русском языке попросил извозчика довезти меня до имения графа Толстого, которое находилось на расстоянии десяти миль, то должен признаться, мое любопытство все возрастало. Книги Толстого были открытием возможностей человеческого существования и энергичным и естественным протестом его жизни против несправедливости классовых различий, привилегий и узаконенного насилия. Они производили сильное впечатление на меня. Некоторые мои друзья говорили: «Все это хорошо, но когда ты встретишься с ним, все твои иллюзии исчезнут». И вот теперь я должен встретиться с ним.

Дорога была широкой и прямой. Она пересекала холмистую местность, покрытую густым лесом, нежно-зеленым от свежести мая. Деревня, или две, состоящие из бревенчатых изб, с церквами, были единственными предметами интереса. Наконец мы свернули на уединенную дорогу направо и через несколько минут остановились перед верандой в конце четырехугольного белого здания под зеленой крышей. Я едва успел взглянуть на него, как два человека вышли поприветствовать меня... Один из них был граф Толстой... Граф предложил прогуляться, и мы вдвоем пошли, не разбирая дороги, по березовому лесу. Он знает здесь все укромные уголки, так как родился здесь и здесь прошли три четверти его жизни. Мы бродили добрых два часа. Он бегло говорил по-английски о многих предметах, объясняя свои взгляды о непротивлении, о правах женщины и вообще о будущем прогрессе мира. Он высоко отзывался о Генри Джордже и его планах по земельному вопросу. «Если бы я был царем,— писал он мне впоследствии,— я бы ввел систему единого налога, а затем созвал конституционное собрание и отрекся бы от власти». Мы зашли в избу крестьянина и посидели там немного. Он беседовал с хозяевами. Я не понимал ни слова, но легко можно было заметить, с каким уважением они относились к нему. Мы прошли мимо мужика, пашущего поле. «Именно эту работу я предпочитаю всем другим»,— сказал он. Когда мы пришли домой, семья собралась ужинать, и мы говорили допоздна. Я заметил, что все в доме было очень просто.

Небольшая история, рассказанная мне гувернанткой, показывает, как он обращается с детьми. Саша, его самая маленькая дочка, прелестный ребенок десяти лет, вбежала в дом день или два назад с синяками на руке, побитая крестьянским мальчиком, и стала, плача, жаловаться отцу. Он посадил ее себе на колени, успокоил и затем сказал: «Если бы я был на твоем месте, я бы пошел в кладовую, наложил бы тарелку малинового варенья и отнес бы ее ему. Не думаешь ли ты, что это сделало бы его более добрым, нежели порка?» И он действительно уговорил ее сделать так, как он сказал. Я склонен думать, что так поступить было бы значительно лучше, чем просто если бы ему устроили «порку», которую он, естественно, заслужил; и если это происходит так в небольших вопросах, почему бы это правило не распространить на более широкие дела? Но объем моей статьи не позволяет коснуться этого вопроса.

Я вернулся в Москву на следующий вечер с непоколебленной верой в Толстого. Он не претендует на непогрешимость и был далек от мысли считать себя основателем школы. Никто из тех, кто встречался с ним, не может ни на минуту сомневаться в искренности, силе и высокой нравственности его характера, и, более того, он производит впечатление одного из самых мирных и здравомыслящих людей. У него есть только одна вредная привычка — думать по-своему, а этого всегда было достаточно, чтобы человека вообще неправильно понимали. Это преступление против общества, которое редко прощается при жизни человека.

Публикация
В. АЛЕКСАНДРОВА,
научного сотрудника ИМЛИ имени Горького.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ

Единственная прижизненная цветная фотография Льва Николаевича Толстого, которая помещена на обложке нашего журнала, выполнена Сергеем Михайловичем Прокудиным-Горским, профессором химии Санкт-Петербургского технологического института. Это был единственный в России ученый, занимавшийся научной разработкой вопросов цветной фотографии, исключительной тогда новинки. Он приехал в Ясную Поляну по поручению журнала «Записки Императорского русского технического общества» и пробыл там два дня, 22—23 мая 1908 года. Снятая им цветная фотография Толстого появилась в августовской книжке журнала.

В обширном примечании редакции, озаглавленном «К юбилейному портрету», сказано, что, поскольку редакция по программе своей не имеет возможности почтить «маститого представителя русской мысли и слова» специальными статьями, она «присоединяется к общему торжественному привету публикацией портрета Толстого, представляющего собой последнее слово фотографической техники». «Портрет,— сообщает редакция,— выполнен с натуры без всякого участия кисти или резца художника, портрет, тем более соответствующий торжественному дню, что он составляет торжество русской техники: съемка портрета с натуры в красках стала возможной лишь благодаря усовершенствованиям, сделанным в России С. М. Прокудиным-Горским в отношении светочувствительности и верности передачи красок. Портрет сделан в Ясной Поляне при не вполне благоприятных условиях освещения, но весьма похож.

Граф Л. Н. Толстой, несмотря на большое количество работы у него, сам заинтересовался новым процессом и подробно расспрашивал о нем нашего сочлена С. М. Прокудин-Горского...»

Редакция сообщила, что фотография снята за шесть секунд. За это время два раза передвинута была кассета. Снимок проявили через несколько дней в Петербурге.

Важнейшая часть работы, пояснила редакция, заключалась в синтезе цветов: тут необходимо было точное соответствие красок с цветофильтрами, и в этом достигнуто «путем настойчивых оптических и фотохимических изысканий полное совершенство».

Под опубликованным в журнале портретом напечатана собственноручная подпись Толстого: «Лев Толстой. 23 мая 1908 года».

Ниже — авторская подпись фотографа: «С натуры. Прокудин-Горский. С.-Петербург. Клише и печать С. М. Прокудин-Горского».

С. ЭНГЕЛЬ

Ясная Поляна

Евгений ОСЕТРОВ

Фото М. САВИНА

Слово обладает свойством менять взгляд на окружающее. Стоит лишь вспомнить, что московское предание именует старое здание возле Садового кольца домом Ростовых, как по-иному начинают выглядеть классицистические колонны, окна, двери, пристройки, двор, — все заливает мягкий поэтический свет, и эпические картины, связанные с «грозой двенадцатого года», возникают в домашне-знакомом обличье перед глазами.

Литературные тени витают над аллеями и тропинками Ясной Поляны — они ближе нам тех, кого в самом деле знал Толстой. В утренней или вечерней тишине явственно различимы шаги пришедших сюда из «Войны и мира», «Детства», «Семейного счастья».

Творец несравненных образов, картин, размышлений ходил по этой благословенной земле. Художественные толстовские галактики отделились от создателя, обрели самостоятельность и живут в нашем сознании полнокровным и никогда не прекращающимся реальным существованием, производя титаническую работу в умах и сердцах.

Ясная Поляна, как некогда гетевский Веймар, при жизни Льва Николаевича стала литературной столицей мира. В начале века не только отечественные, но и крупнейшие французские, английские, немецкие, скандинавские, американские, японские, китайские, индийские газеты и издательства посылали сюда своих представителей. Когда происходили заметные события, волновавшие общество, всех интересовало, что скажет яснополянский патриарх. Махатма Ганди, мечтая о независимой Индии, бродя по свету в поисках справедливости, мысленно устремляется в Ясную Поляну, видя в Толстом Великого Учителя. Ромен Роллан, один из европейских гуманистов, страстно ища точку опоры, послал в Ясную Поляну эпистолу и получил в ответ письмо, которое не нуждалось в пояснениях, ибо отражало «прозрачный свет» души человека. Что и говорить о художественном обаянии Толстого-романиста — оно было и есть повсеместно,— и едва ли можно назвать крупного писателя двадцатого столетия, который бы миновал толстовский опыт, будь то притяжение или отталкивание.

Яснополянские дубравы ныне повествуют не только о современниках Льва Николаевича. Прошлое входит в состав жизни так же, как протекающая через пальцы сиюминутность. Деревья за рекой Воронкой или в Чепыже помнят сравнительно молодого Льва Николаевича, носившего на груди медальон с портретом кумира — Жан-Жака Руссо. Волшебное цветение яснополянских садов (о, этот белый вишенник...) заставляет вспомнить Толстого, напряженно размышлявшего о жизни и подходившего с совершенно неожиданных сторон к Аввакуму, Пушкину, Болотову...

Ясная Поляна — предуказание литературного будущего. В этом уголке земли спорили о грядущем Чехов, Бунин, Горький... Наши дни — вольно или невольно — связывают эти места с именами Алексея Толстого, Михаила Пришвина, Константина Федина, приезжавших сюда, чтобы услышать живые голоса прошлого. Находясь в Ясной, нельзя не размышлять об эпиках современности, о таких романах столетия, как «Тихий Дон» и «Русский лес», по-своему развивших и продолжавших — с большой художественной силой — традицию «Войны и мира», «Казаков», «Хаджи-Мурата».

У каждого из нас, читателей, есть своя Ясная Поляна, как для каждого по-своему звучит «Война и мир». В отрочестве мне, помнится, наиболее привлекательным и интересным казался юный Ростов; потом в центре романа я увидел Наташу и Андрея; несколько позднее они незаметно уступили место Пьеру Безухову и знаменитым полководцам — Кутузову, спокойному и мудрому, и его антиподу Наполеону, маленькому человеку с белыми руками. И, наконец, стал пленять честный и прямой старик Болконский. Нынче меня больше всего волнует художественная ткань «Войны и мира», рассказов и повестей из крестьянской жизни, многообразие красок и положений, их внутренних сцеплений, которыми автор не управляет, а приоткрывает, знаменитые отступления, философия истории...

Ясную Поляну видишь каждый раз заново и перечитываешь, как страницы толстовских книг. Давно сказано, что она — колыбель и могила. Теперь для нас она олицетворяет художественный облик Толстого — зримый и вещественный. Где бы ни жил Толстой — на Кавказе, на берегах Невы или в Москве, в дальних странах — всюду он был в дороге, дом же — в Ясной Поляне. Беспощадный к самому себе, он не берег ни себя, ни окружающих, требуя правды — полной и окончательной. Страстно желая покончить навсегда с гадостью в жизни, надеясь вытеснить ее святостью, Толстой перебирал в памяти грехи и покаяния Нехлюдова... Ища не лик, а доподлинное лицо человека, он срывал все и всяческие маски, обнаруживал под ними новые и новые личины, искаженные гримасами. Подобно былинному герою, искатель живой воды поднимался и начинал сызнова работу, которая часто — особенно в области умозрительных построений — оказывалась сизифовой.

...Пути книг, как и судьбы людские, неисповедимы. Не знаю как, но в довоенную пору в Кострому попал ко мне раскрашенный от руки альбом художника Владимира Россинского «Последние дни Толстого». Запомнилось: лицо, озаренное свечой, и подпись: «Объявление о своем уходе». Я тогда же затвердил наизусть один из начальных отступов на первой альбомной странице: «За яблоновым садом, на краю оврага, спускающегося к деревне Ясной Поляне, стоит крытая соломой изба, в которой живут кучера. «Было уже совсем под утро, но еще очень темно, когда кто-то постучал к нам в окошко,— рассказывает кучер Андриан,— я окликнул: «Кто тут?..» «Это я...» Не узнал я голоса. Подхожу к двери и спрашиваю опять: «Кто тут?..» «Это я, Лев Николаевич». Отворяю дверь, вижу — старый граф. «Идите скорей закладывать лошадей»,— говорит он. Я разбудил Филю, и мы побежали на конюшню, а Л. Н. уже там и с доктором. Доктор с вещами. Стали закладывать. Л. Н. сам помогает, спешит и говорит Душану Петровичу: «Нужно поскорее...» Так в бытовом обличье предстал уход из Ясной Поляны, где все благоприятствовало счастью и работе, где столько забот проявляла Софья Андреевна. Но мир за стенами лежал во зле,— и старый воин, помнивший залпы севастопольских бастионов, задумал сражаться до конца, жить так, как требует его правда-справедливость. Куда бежал яснополянский старец? От жизни или к жизни? Поражает сходство с кончиной Гоголя, который, как известно, тоже прервал песнь свою и бросил в огонь второй том «Мертвых душ».

Стоит ли, дорогие друзья, говорить, что я, как и все, пламенно мечтал в детстве о посещении Ясной. Но в жизни, увы, все бывает не так, как в отроческих фантазиях. Началась война, и я пришел в толстовские места не литературным паломником, а солдатом. Ясная Поляна была только что отбита у гитлеровцев. Глубокие снега окружали поместье. Никогда потом я не видел такой снежной зимы. Пробиваясь через снежную целину, мы, проваливаясь едва ли не по пояс, тащили на руках орудия, а небо гремело эхом зениток. Разматывая телефонный кабель, я глядел на лишенные стекол окна толстовского дома, где люди, утратившие человеческий облик, едва ли не вчера разводили на полах костры. Лев Николаевич был неутомимым в поисках правды-истины, но следование расчлененной логике вело его к иллюзионизму. Толстой недоверчиво улыбался, когда его спрашивали: что делать, если в твой дом, в Ясную Поляну, ворвется ворог-грабитель? Это предположение казалось ему чистейшей воды риторикой. Нам же, молодым читателям толстовской эпопеи, довелось убедиться на собственном опыте, что язык пушек в разговоре с врагом — наиболее убедительный довод. Я не хочу ворошить былое, но у памяти свой суд...

Итак, здравствуй, цвети, благоухай липовым медом, кашкой, травами, гуди пчелами, шелести ветром, наша мирная, наша прекрасная, всеми любимая Ясная Поляна...

В который раз я совершаю нынче прогулки между двух невысоких башенок, мимо пруда, по знаменитому «прешпекту»... Вот камень с надписью: «Здесь стоял дом, в котором родился Лев Толстой». Флигель, где Лев Николаевич вел занятия с крестьянскими детьми. Я застал еще «дерево бедных», у которого писатель принимал просителей. Парк Клины, каскад прудов, упоминаемых в «Войне и мире». Писатель любил яснополянский парк и доказывал Тургеневу, что он лучше парка в Спасском-Лутовинове. А как хороши окрестные леса! Толстой писал, наслаждаясь ими: «Когда в солнечное утро, летом, пойдешь в лес, то на полях, в траве видны алмазы. Все алмазы эти блестят и переливаются на солнце разными цветами — и желтым, и красным, и синим. Когда подойдешь ближе и разглядишь, что это такое, то увидишь, что это капли росы собрались в треугольных листах травы и блестят на солнце. Листок этой травы внутри мохнат и пушист, как бархат. И капли катаются по листку и не мочат его. Когда неосторожно сорвешь листок с росинкой, то капелька скатится, как шарик светлый, и не увидишь, как проскользнет мимо стебля. Бывало, сорвешь такую чашечку, потихоньку поднесешь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкуснее всякого напитка кажется».

Толстой напряженно раздумывал о судьбе мест, в которых прошло едва ли не семьдесят лет его жизни. Ясная Поляна — мир убедительных и реальных пояснений к его творчеству — от романов и повестей до дневников и писем. Известно, что имение находится в лесу, издавна именуемом Засекой, привлекавшем Толстого своей дикостью, безлюдьем, первобытностью и роскошью растительности... Здесь проходила в старину засечная черта, оборонительная лесная линия, защищавшая Русь Московскую от набега кочевников. Это было грандиозное фортификационное сооружение средневековья, навсегда оставившее неизгладимую память у местного населения...

Можно без преувеличения сказать, что автор «Войны и мира» жил с детских лет среди нетронутых пейзажей, окруженных воздухом истории. Расположенная в Крапивенском уезде, всего в четырнадцати верстах от Тулы, была Ясная Поляна удобна по местоположению, принадлежала издавна предкам Толстого. Лев Николаевич был здесь своим, местным, кровно связанным с крестьянами окрестных деревень,— он знал всех, и его все знали. Знал в лицо, по имени-отчеству, по детским играм и молодым встречам. Это-то и дало ему возможность так живописать крестьянскую жизнь,— ее он знал, пожалуй, как никто в русской литературе. Его постоянно привлекал герой, ищущий осуществленное счастье в деревенском быту; он не мог принимать всерьез либераль-

---

Дом Льва Толстого ● Березовая роща в усадьбе ● Уголок парка.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Кабинет писателя ● Бинокль и счеты, принадлежавшие еще отцу Льва Толстого, Николаю Ильичу ● На этом фонографе, подаренном Т. Эдисоном в 1908 году, записывался голос писателя ● Письменный стол Толстого ● Круглый стол в кабинете.

но-европейские убеждения, которыми в его кругу увлекались, видя их мещанско-буржуазную подоплеку. Если события отрывали его от непосредственного общения с землей, природой, крестьянами,— он тосковал. Раздумывая о жизни, он отмечал, что дерево даже и умирает спокойно, честно и красиво. Когда мы любуемся яснополянскими деревьями, то не будем, друзья, забывать, что они являлись соучастниками творческого процесса,— с ними молчаливо беседовал Лев Николаевич, любивший одинокие прогулки в окрестностях верхом на лошади или пешком.

Сердце Ясной Поляны, ее святая святых,— постоянно воспроизводимый в книгах всего света белый простой двухэтажный дом. Он обширен и предельно скромен. Мы к этому привыкли и не замечаем. Зарубежные же писатели, переступив порог прославленного особняка, поражаются — ведь Толстой постоянно писал, что его мучает сознание, что он живет в роскоши... Даже пол, за исключением зала-столовой, устлан некрашеными досками. И повсюду здесь встречают нас книги. Лев Николаевич не был библиофилом в классическом смысле этого понятия. Его непрерывно звала жизнь — он пахал, возил воду, сажал деревья, колол дрова, охотился, учил крестьянских детей, составлял азбуку, шил сапоги... Но к книге он обращался ежедневно. Об этом свидетельствуют не столько находящиеся в доме книги — их свыше двадцати тысяч,— сколько бесчисленные пометы на страницах, сделанные Толстым, его письма и дневники, а также становящиеся теперь знаменитыми ежедневные записи Софьи Андреевны, дневники домашнего врача Душана Петровича Маковицкого, ведшиеся в течение шести лет.

Толстовские пометы на книгах — особая отрасль толстоведения, еще ждущая своих внимательных читателей. Книги Шекспира, Пушкина, Гоголя, Диккенса, Лескова, Анатоля Франса, Чехова, Горького, а также Платона, Руссо, Канта, Монтеня, Владимира Соловьева буквально испещрены знаками, словечками, подчеркиваниями. Читал Толстой и Ленина. Многотомная история России Сергея Соловьева — наглядное свидетельство того, как напряженно работал над печатными страницами Лев Николаевич, ища ответы на поставленные вопросы. В периоды духовных кризисов, доходя до полнейшего отчаяния, Толстой переступил последнюю черту, отрицая начисто положительное значение книг, подчеркивая вред, который они якобы несут.

Любопытны составленные Толстым списки книг, произведших на него наибольшее впечатление в разные годы жизни. Примечательно, что он дважды повторил — в возрасте до 14 лет и от 35 до 50 лет: огромное впечатление произвели на него былины о Добрыне Никитиче, Илье Муромце, Алеше Поповиче... Такой чести удостоились только еще «Одиссея» и «Илиада», читанные в молодости по-русски и перечитанные позднее в оригинале... Неутомимо и всю жизнь он отрицал декаданс, в какие бы изощренные одежды последний ни рядился — художественные, философские, теологические... Прочитав книжку Льва Шестова «Добро в учении графа Толстого и Ф. Ницше», Лев Николаевич заметил — это запомнилось Максиму Горькому,— что она «форсисто написана», но автор своего рода «смелый парикмахер», берется утверждать, что истина ему не нужна, «...и верно,— говорил Толстой,— на что ему истина? Все равно — умрет».

Толстой, несомненно, являлся, как некогда Пушкин, одним из начитаннейших людей эпохи. Он прекрасно помнил почерпнутое из книг — его память поражала всех. В совершенстве владея французским, английским и немецким, он также читал на итальянском, испанском, польском, чешском и болгарском; знал в оригинале древнегреческих и латинских авторов. Гомеровские гекзаметры, как я уже сказал, звучали в зрелые годы для него в подлиннике. В молодости Толстой изучал арабский язык, на склоне лет — древнееврейский.

Некрупные помещения нижнего этажа несколько раз меняли свои назначения. Так называемая «комната для приезжающих» в семидесятых — восьмидесятых годах была кабинетом Льва Николаевича, и именно здесь он пережил тягчайший духовный кризис, все муки душевного ада, когда рухнули привычные представления,— об этом рассказано в толстовских дневниках. Мелкое житейское наблюдение часто вело к обобщающим размышлениям. Вот запись для себя, сделанная в середине девяностых годов: «Увидал Ваксу собаку, изуродованного, безногого, и хотел прогнать его, но потом стыдно стало. Он болен, некрасив, уродлив, за это его гнать. Но красота влечет к себе, уродство отталкивает. Что же это значит? Значит ли то, что надо искать красоту и избегать уродства? Нет. Это значит то, что надо искать того, что дает своим последствием красоту, и избегать того, что дает своим последствием уродство: искать добра, помощи, служения существам и людям, избегать того, что делает зло существам и людям. А последствие будет красота. Если все будут добры, все будет красиво. Уродство есть указание греха, красота — указание безгрешности — природа, дети. От этого в искусстве поставление целью его красоты — ложно».

Знаменитая «комната под сводами», служившая в дедовские времена кладовой (об этом напоминают железные кольца под потолком), запомнившаяся как обитель домашнего врача... Часы на верхней площадке лестницы, бесстрастно отбивающие время,—одетые в футляр из красного дерева, имеющие форму башенки, они, купленные еще дедом,— сопутствуют всей жизни дома. Уходя навсегда, Лев Николаевич бросил на них прощальный взгляд. Присмотрелся к лестнице — по свидетельству всех его знавших, Толстой, даже переболев растяжением связок, оставался человеком, как говорят, легким на ногу, он не входил, а взлетал по лестнице. Когда поздно вечером приезжали гости, Лев Николаевич спускался сюда, освещая ступеньки керосиновой лампой. Подчеркивая эту небольшую подробность, штрих яснополянского быта, отмечаешь, что мое поколение еще застало многих из окружения Толстого. Кто, например, из московских писателей не сидел совсем еще недавно в Доме литераторов рядом с Валентином Федоровичем Булгаковым, последним толстовским личным секретарем, не слушал его неторопливые речи о Ясной Поляне, об увиденном там и услышанном?

Самая большая комната дома, в которой собиралось все семейное гнездо, именовалась залой, служившей и столовой и гостиной. Бросаются в глаза портреты предков и членов семьи, написанные выдающимися художниками.

О, если бы эти стены, так хорошо умевшие в свое время слушать, могли бы нынче заговорить. Лев Николаевич принадлежал к числу людей, называемых разговорщиками. Встречавшиеся с ним отмечали естественную красоту его речи, насыщенную деревенской простотой. Многое из написанного Толстым, особенно в дневниках, статьях, письмах,— отзвук диалогов, чаще всего звучавших здесь. Подчеркивая интонацией сказанное, Лев Николаевич любил повторять одни и те же слова,— речь была сопутствием красноречию глаз, озаренных блеском. Его устное слово было художественным, то есть вызывало бесчисленное множество мыслей, представлений и объяснений.

Говорят, что в будущем — каким бы отдаленным оно ни представлялось — ученые научатся по почерку воспроизводить звуковым образом голоса ушедших. Если бы это случилось сейчас, то мы могли бы слушать тех, кто бывал в зале, сиживал вечерами с Львом Николаевичем. Мы услышали бы голоса Тургенева, Лескова, Чехова, Бунина, Горького, Танеева, Аренского...

Портреты на стенах заставляют вспомнить имена Крамского, Репина, Ге, Нестерова, Пастернака, много размышлявших о человеческом лице — в словах и в живописи. «Я помню,—говорил Лев Николаевич,— когда Крамской окончил мои портреты, был ужасно доволен и выставил их вот здесь в зале, прося меня самого выбрать, какой лучше. Я отвечал пошлостью, что не знаю своего лица. Он сказал: «Неправда, всякий лучше всех знает свое лицо». И в самом деле, в этом случае в человеке есть какая-то внутренняя интуиция — он знает свое лицо». В этом смысле писательская работа смыкалась с работой портретистов.

С портрета Крамского смотрит Толстой на нас открытым, внимательно-изучающим взглядом, в котором есть и аввакумовская непреклонность, напряжение мысли и воли. Талант, ум, богатство духовного мира, простота выступают под кистью в неразрывной связи с неизъяснимой таинственностью. Личность творца «Войны и мира» такая же мировая загадка, как из века в век вызывающие различные толкования натуры Леонардо да Винчи, Микеланджело, Данте, Достоевского.

Знакомые, привычные слова... Что же это? «Учены, учены, хоть бы Алексей Владимирович, профессор он, а все другой раз сильно сомнение берет. Народные суеверия, грубые, истребляются, суеверия домовых, колдунов, ведьм... А ведь если вникнуть, ведь это такое же суеверие. Ну, разве возможно это, чтобы души умерших и говорили бы и на гитаре играли бы?» Это, разумеется, Федор Иваныч из толстовских «Плодов просвещения» размышляет, садясь в кресло, один на один — по поводу спиритического сеанса, бывшего в свое время модным интеллектуальным увлечением. Комедия в первоначальном виде называлась «Спириты». Она и была показана в домашнем любительском спектакле, поставленном впервые в зале яснополянского дома, то есть там, где сейчас мы с вами, друг-читатель, стоим. Как заметил один из мемуаристов,— Толстой «потребовал репетиции при себе... Кучка молодежи с упоением переписывала утром роли, вечером шли репетиции — и почти ежедневно после них Толстой снова собирал роли и снова переделывал пьесу». И далее: «Пьеса создавалась прямо по исполнителям и переделывалась и переписывалась по крайней мере раз 20—30...»

Толстой так пояснял титанический труд, напоминающий одновременно работу каменотеса и ювелира: «Странное дело эта забота о совершенстве формы. Не даром она. Но не даром тогда, когда содержание доброе». Великие истины в общем-то просты. Толстой постоянно доказывал, что для народа хорошо выходит у тех писателей, которые знают народ и живут с ним.

...К толстовской могиле лучше всего идти одному, рано утром, когда дорога-аллея, ведущая к Воронке, совершенно пустынна. По ней Лев Николаевич ходил по утрам купаться. Любил эти места писатель и неизменно вспоминал своего брата Николеньку, обладавшего доброй душой, тонким художественным чутьем и неистощимым воображением. Николенька рассказывал в детстве своим братьям о «зеленой палочке», на которой написано, как сделать всех счастливыми. Палочка же эта зарыта была у дороги, на краю оврага, у Старого Заказа. Вспоминая детство, Толстой писал: «И как я тогда верил, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает».

Умирая, Толстой просил похоронить себя в Заказе «против оврага на месте зеленой палочки».

Маленький бугорок, поросший мягкой травой. Толстой постоянно размышлял о смысле жизни: разве после смерти остается лишь холмик? Нет. Ясная Поляна — убедительное свидетельство того, что умная, деятельная писательская жизнь, сопряженная с желанием делать добро, оставляет неизгладимый след на ладони времени. Смерть Толстого завершила эпоху, начавшуюся Пушкиным и Гоголем, узнавшую искания Достоевского, давшую миру «Войну и мир», величайшую из книг, созданных гением русского народа. В военную годину среди тех книг, что отлично воевали, были духоподъемной силой народа, была толстовская эпопея. Она и сегодня — живая среди живых. Думаю, что и в двадцать первом веке, который не за горами, она да и другие его творения будут сиять, как солнце, согревая тех, кто еще нынче не родился.

● Усадебная библиотека ● «Комната под сводами» ● Комната Софьи Андреевны ● Могила Льва Николаевича Толстого ● Дорога на Калинов луг.

Н. БЕЛОВА

Я БЫЛ ПОЧТИ ЖЕНИХОМ...

Роман «Семейное счастье»— одно из ранних произведений Л. Н. Толстого — появился в печати в 1859 году. Почему-то обычно принято сводить суть этого произведения к пагубному влиянию светской жизни, разрушающей настоящие, искренние отношения супругов, которые были счастливы, покуда жили в деревне. Однако этот взгляд представляется слишком упрощенным. Пустая светская жизнь, конечно, зло, но поддаться или не поддаться ее искушениям зависит от наклонностей человека. Героиня же романа Маша оказалась человеком слабым и легкомысленным, и семейное счастье не состоялось не потому, что супруги уехали из деревни в Петербург. Наоборот, они уехали из деревни оттого, что Маше стало скучно и светская жизнь с ее «блеском и лестью самолюбию», так претившая ее умному и серьезному мужу, как раз пришлась по ней.

Л. Н. Толстой. 1856 год.

В 1903 году в письме П. И. Бирюкову, своему другу и биографу, Лев Николаевич писал, перечисляя наиболее серьезные сердечные увлечения своей жизни: «Потом главное, наиболее серьезное —это была Арсеньева Валерия... Я был почти женихом («Семейное счастье»), и есть целая пачка моих писем к ней».

Итак, по свидетельству самого Толстого, роман имеет биографическую основу. Как же развивались в жизни отношения Льва Николаевича и Валерии Арсеньевой? Какие свойства характера, какие личные качества девушки удержали «почти жениха» от окончательного шага и потом позволили ему в художественном произведении показать, что за «семейное счастье» их ожидало?

В конце 1855 года, после окончания Крымской войны, Лев Николаевич возвращается из Севастополя в Петербург, а весной следующего приезжает в Ясную Поляну. Недалеко от нее находилось имение Судаково, где Толстой бывал как опекун детей умершего три года назад В. М. Арсеньева: Валерии, Евгении и Николая. Хорошенькая двадцатилетняя Валерия начинает занимать воображение писателя.

В феврале 1856 года он так писал своей тетке П. А. Юшковой: «Сознаюсь вам откровенно, что с некоторых пор я серьезно подумываю о женитьбе, что невольно смотрю на всех встречаемых мною девушек с точки зрения женитьбы, что думаю об этом часто и что ежели это не совершится нынешней зимой, то не будет никогда». Понятно, что в таком настроении, встретив «милую девушку, которую все любят», Лев Николаевич стал обращать на нее особенное внимание. Однако это не было тем сильным, всепоглощающим чувством, когда, по крайней мере на первых порах нет места сомнениям. Напротив, многое в этой девушке его настораживает, он боится совершить ошибку, женившись на пустенькой барышне, какой она иногда ему кажется. Его дневник лета и осени 1856 года пестрит противоречивыми записями.

«Люблю ли я ее серьезно? И может ли она любить долго? вот два вопроса, которые я желал бы и не умею решить себе» (26 июня).

«В. была лучше, чем когда-нибудь, но фривольность и отсутствие внимания ко всему серьезному ужасающи. Я боюсь, это такой характер, который даже детей не может любить» (12 июля).

«Кажется, она деятельно любящая натура. Провел вечер счастливо» (25 июля).

«Мы с В. говорили о женитьбе, она не глупа и необыкновенно добра» (10 августа).

В августе Валерия ездила в Москву и брала там уроки музыки. Толстой пишет ей три письма, одно из которых диктуют ему «тихая ненависть», а также «грусть и разочарованье», вызванные ее восхищением блеском светской жизни: «любить haute volée*», а не человека, нечестно, потом опасно, потому что из нее чаще встречается дряни, чем из всякой другой volée», и желает ей «всевозможных тщеславных радостей с обыкновенным их горьким окончанием». Впрочем, в следующем письме он уже мучается, что «написал глупо, грубо, скверно». Он скучает без нее.

В. В. Арсеньева — 1850-е годы.

Но стоило ей вернуться, как снова начинаются сомнения. «В. мила, но ограниченна и фютильна** невозможно» (26 сентября). «В. была прелестна. Я почти влюблен в нее» (24 октября). «Нечего с ней говорить. Ее ограниченность страшит меня» (30 октября). «Поехал на бал, и опять была очень мила... я был почти влюблен» (31 октября).

На следующий день после этой записи Толстой приезжает в Москву, оттуда едет в Петербург, главным образом чтобы вдали от Валерии разобраться в своих чувствах. Между ними ведется переписка. В письмах Толстой подробно и глубоко высказывает свои представления о браке, о необходимости духовной близости супругов, полного доверия и искренности, совместного труда и постоянного самоусовершенствования.

В первом же письме он признается, что «дошел до того, что хотел ехать назад с тем, чтобы вернуться в Судаково, наговорить вам глупостей и никогда больше не расставаться с вами». Но продолжает: «Ежели бы я отдался чувству глупого человека и вашему, я знаю, что все, что могло бы произойти от этого, это месяц безалаберного счастия. Вам простительно думать и чувствовать, как глупый человек, но мне бы было постыдно и грешно. Я уже люблю в вас вашу красоту, но я начинаю только любить в вас то, что вечно и всегда драгоценно — ваше сердце, вашу душу. Красоту можно узнать и полюбить в час и разлюбить так же скоро, но душу надо узнать. Поверьте, ничто в мире не дается без труда — даже любовь, самое прекрасное и естественное чувство.

Я берегу чувство, как сокровище, потому что оно одно в состоянии прочно соединить нас во всех взглядах на жизнь; а без этого нет любви.— Я в этом отношении очень много ожидаю от нашей переписки, мы будем рассуждать спокойно; я буду вникать в каждое ваше слово, и вы делайте то же, и я не сомневаюсь, что мы поймем друг друга». Он настойчиво призывает ее больше работать, прилежнее заниматься музыкой, читать, проявлять любовь к окружающим действием: «Главное, живите так, чтоб, ложась спать, можно сказать себе: нынче я сделала 1) доброе дело для когонибудь и 2) сама стала хоть немножко лучше».

Это письмо было написано Толстым сразу же по приезде в Москву, где он провел неделю. Но в последующие дни из разговоров с московскими знакомыми он узнает, что имя Валерии связывают с именем музыканта Мортье, которым она увлекалась во время летней поездки в Москву. Пробудившееся чувство ревности, недоверия к Валерии вызывает раздраженное письмо, которое он пишет ей из Петербурга: «Вы знали меня уже 3 месяца, видели мою дружбу, только не знали, хочу ли я или нет сделать вам предложение, и влюбились в Мортье, в чем вы сами признавались в то время, потому что вы честны и не могли не признаться в том, что было, потом вы перестали видеть Мортье, но не перестали думать о нем и писать ему, узнали, что я имел намерение предложить вам руку, и вы влюбились в меня и говорите тоже искренно, что вы никогда не любили Мортье. Но которое же чувство было истинно, и разве это чувство?» Он пишет, что утратил к ней «доверие и уважение», хотя еще чувствует, что влюблен в нее. Письмо это он не решился, однако, послать, но в тот же день пишет другое, более спокойное, где просит ее быть с ним искренней «самым невыгодным для себя образом. Рассказывайте мне все, что было и есть в вас дурного. Хорошего я невольно предполагаю в вас слишком много. Например, ежели бы вы мне рассказали всю историю вашей любви к Мортье с уверенностью, что это чувство было хорошо, с сожалением к этому чувству и даже сказали бы, что у вас осталась еще к нему любовь, мне бы было приятнее, чем это равнодушие и будто бы презрение, с которым вы говорите о нем и которое доказывает, что вы смотрите на него не спокойно, но под влиянием нового увлечения».

На следующий день — новое письмо: «...Думать о вас мне мало — писать так и тянет». Он

* haute volée — высший свет (франц.).

** от франц. futile — пустой, ничтожный.

посылает ей повести Тургенева, просит ее работать: «Работать умно, полезно, с целью добра — превосходно, но даже просто работать вздор, палочку строгать, что-нибудь,— но в этом первое условие нравственной, хорошей жизни и поэтому счастия». Под конец делает такое признание: «...Умнее вас я знаю много женщин, но честнее вас я не встречал. Кроме того, ум слишком большой противен, а честность чем больше, полнее, тем больше ее любишь. Видите, мне так сильно хочется любить вас, что я учу вас, чем заставить меня любить вас».

Он еще не получил от нее ни строчки, но продолжает писать через несколько дней, рисуя возможную будущую совместную жизнь, которая зависит от их наклонностей и от их средств. Себя он именует Храповицким, а ее — Дембицкой. Вот их характеристики: «Храповицкий, человек морально старый, в молодости делавший много глупостей, за которые поплатился счастьем лучших годов жизни (заметим, что Л. Н. в это время едва исполнилось 28 лет.— Н. Б.), и теперь нашедший себе дорогу и призвание — литературу,— в душе презирает свет, обожает тихую, семейную, нравственную жизнь и ничего в мире не боится так, как жизни рассеянной, светской, в которой пропадают все хорошие, честные, чистые мысли и чувства, и в которой делаешься рабом светских условий и кредиторов... Милая г-жа Дембицкая еще ничего этого не испытала, для нее счастье: бал, голые плечи, карета, брильянты, знакомства с Камергерами, Генерал-Адъютантами и т. д.». Дальше он рассуждает, как таким разным людям нужно будет устроить жизнь, учитывая, что он «готов был жить всю свою жизнь в деревне», а она «мечтает о том, чтоб жить в Петербурге, ездить на 30 балов в зиму, принимать у себя хороших приятелей и кататься по Невскому в своей карете». Но разница их наклонностей и скромные материальные возможности сделают реальной «жизнь 5 месяцев в Петербурге, без балов, без кареты, без необыкновенных туалетов... и совершенно без света и 7 месяцев в деревне».

Наконец он получает задержавшиеся по вине почты два ее письма, «милые, добрые, честные», затем еще три. Его ответные письма спокойны и рассудочны: «Работайте над собой, крепитесь, мужайтесь, учитесь и любите меня все так же, только немножко поспокойнее». Он подробнее развивает образ жизни будущих господ Храповицких. В Петербурге или за границей они будут проводить какую-то часть своей жизни «для того, чтобы ни тому, ни другому не отставать от века, не опровинциализироваться, что в своем роде несчастие. И не отставать от века не в том смысле, чтобы знать, какие носят шляпки и жилеты, а знать, какая вышла новая замечательная книга, какой вопрос занимает Европу, не продавать и покупать людей и сбирать баранов с мужиков, когда уже всякой студент знает, что это постыдно». В деревне же «будут занятия у обоих... Г-н Храповицкий будет исполнять давнишнее свое намерение, в котором г-жа Храповицкая наверное поддержит его, сделать, сколько возможно своих крестьян счастливыми, будет писать, будет читать и учиться и учить г-жу Храповицкую... Г-жа Храповицкая будет заниматься музыкой, чтением и, разделяя планы г-на Храповицкого, будет помогать ему в его главном деле». Призывая ее развиваться, он указывает, в частности, такую причину: «Кроме того, что назначение женщины быть женой, главное ее назначение быть матерью, а чтоб быть матерью, а не маткой (понимаете вы это различие?) нужно развитие». Обещает он ей, что они «или никого не будут видеть, или лучшее общество во всей России, т. е. лучшее общество не в смысле царской милости и богатства, а в смысле ума и образования».

Ну, а что же чувство? Ведь он уехал испытать себя. «Вот скоро месяц, что не вижу вас, а почти все так же думаю о вас, иногда с недоверием и злобой, большей частью с глупой любовью». Итак, только от нее, от ее писем зависит рассеять эти недоверие и злобу, но Валерия, словно нарочно, делает все невпопад, вызывая у него чувство разочарования и раздражения. Тем не менее у него возникает намерение вернуться в конце декабря. Но и здесь повод для сомнений: «...Я ужасно боюсь за наше свиданье. Вот где нам надо снова подтвердить слово быть друг с другом как можно искреннее. Вот чего я боюсь: в переписке, во-первых, мы монтируем друг друга разными нежностями, во-вторых, надуваем друг друга, т. е. не скрываем, не выдумываем, но рисуемся, выказываем себя с самой выгодной стороны, скрываем каждый свои дурные и особенно пошлые стороны, которые заметны сейчас при личном свиданьи. Я воображаю, что думаю все, и, думая о моей персоне, вы невольно стараетесь видеть в ней одно хорошее, а когда при личном свидании увидите вдруг в физическом отношении — гнилую улыбку, нос в виде луковицы и т. д. и в моральном отношении — мрак, переменчивость, скучливость и т. д., про которые вы забыли, это вас удивит, как новость, больно поразит и вдруг разочарует; но вам совестно будет в этом признаться и передо мной и перед самой собою, и вы невольно начнете лицемерить. Тогда беда! И со мной случиться может то же самое. Надо дать слово 3 дня после нашего свиданья откровенно сказать, каково будет это новое впечатление». В эти же дни, в начале декабря, он пишет своей тетке Т. А. Ергольской, что хотя он не чувствует себя влюбленным в Валерию, но «из всех девушек, которых я знал и знаю — она лучше всех была бы для меня женою», и что «ежели бы я убедился, что она натура постоянная и будет любить меня всегда,— хоть не так, как теперь,— а больше, чем всех, то я ни минуты не задумался бы жениться на ней». И брату Сергею Николаевичу он признается, что «близок к тому, чтобы взять да и жениться».

Однако благоразумие заставляет его сдерживаться. Он еще и еще раз предостерегает ее от тех ложных шагов, которые могут увести ее с правильного пути, причем «свет» представляется ему наиболее опасным. Готова ли она отказаться от него? «Положим, что вы теперь согласитесь на эту жертву как на жертву, а я уверен, что, ежели только вам доступны другие, высшие наслаждения, вы забудете думать про эту жертву и будете смеяться над ней». Он продолжает строить планы на будущее, спрашивает ее мнение о Диккенсе и Теккерее, порицает за легкомысленное чтение, упоминает, что с прошлой почтой послал ей «Обыкновенную историю» Гончарова, и в конце: «Я опять преподаю: но что делать, я не понимаю без этого отношений с человеком, которого люблю. И вы мне иногда преподаете, и я радуюсь ужасно, когда вы правы. В этом-то и любовь. Не в том, чтоб у пупунчика целовать руки (даже мерзко выговорить), а в том, чтобы друг другу открывать душу, поверять свои мысли по мыслям другого, вместе думать, вместе чувствовать».

Это последнее любовное письмо. Валерия пишет ему холодное и обиженное послание. Он делает вывод, что она или никогда не любила его, или притворилась, чтобы холодностью разжечь его. Но ему претят такие неискренние отношения. Да и не понимает она его в главном: «Вы гневаетесь, что я только умею читать нотации. Ну вот, видите ли, я вам пишу мои планы о будущем, мои мысли о том, как надо жить, о том, как я понимаю добро и т. д. Это все мысли и чувства самые дорогие для меня, которые я пишу чуть не со слезами на глазах (верьте этому), а для вас это нотации и скука. Ну что же есть между нами общего?» «Любовь и женитьба доставили бы нам только страдания»,— решает он и предлагает ей ограничить их отношения дружбой. «Кроме того, мне кажется, что я не рожден для семейной жизни, хоть люблю ее больше всего на свете. Вы знаете мой гадкой, подозрительной, переменчивой характер, и Бог знает, в состоянии ли что-нибудь изменить его.— Нечто сильная любовь, которой я никогда не испытывал и в которую я не верю. Из всех женщин, которых я знал, я больше всех любил и люблю вас, но все это еще очень мало».

Конечно, с самого начала было ясно, что он слишком много рассуждает для влюбленного, что слишком многое в ней его не устраивает. Почему же так долго тянулась эта история? В «Записных книжках» Льва Николаевича за тот же 1856 год есть такая запись: «Все, что я любил — собак, лошадей, женщин — я всегда сравнивал с идеалом совершенства в том же роде и, глядя на них, старался видеть то, чего не было хорошего, и не видеть то, что было дурного, и как будто ожидал, что вот вот это переделается по моему желанию».

...А через шесть лет Лев Николаевич женился на Софье Андреевне Берс. Без сомнения, она стремилась вести именно ту жизнь, план которой набросал Толстой в только что прочитанных нами письмах, и во многом приблизилась к его первоначальному идеалу жены. Но Софья Андреевна не смогла, по словам Толстого, следовать за ним в его «исключительном духовном движении». В только что впервые опубликованных записках Софьи Андреевны Толстой «Моя жизнь», в главке «Серебряная свадьба», она пишет: «Когда Дьяков поздравлял нас и сказал, что можно искренне поздравить с таким счастливым браком, Лев Николаевич его оговорил словами, больно кольнувшими меня: «Могло бы быть лучше!»

Эти краткие слова ярко охарактеризовали эти вечные непосильные требования, предъявляемые мне моим мужем, которые я, несмотря на страшные усилия вечных моих трудов, не могла никогда удовлетворить».

Мария Александровна Гартунг. Художник И. Макаров. 1865 год.

«ПОСЛУЖИЛА ТИПОМ АННЫ КАРЕНИНОЙ»

В одном из залов Государственного музея Л. Н. Толстого хранится портрет красивой молодой женщины с гладко причесанными черными волосами и ниткой жемчуга на шее. Это Мария Александровна Гартунг, старшая дочь А. С. Пушкина. Как все же переплетаются пути и судьбы людей в русской истории! Толстой узнал Марию Александровну в середине 1860-х годов в Туле. Жена начальника коннозаводского округа, генерал-майора Л. Н. Гартунга и писатель встретились в доме генерала А. А. Тулубьева. В книге «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» Т. А. Кузминская вспоминает: «...Дверь из передней отворилась, и вошла незнакомая дама в черном кружевном платье. Ее легкая походка легко несла ее довольно полную, но прямую и изящную фигуру.

Меня познакомили с ней. Лев Николаевич еще сидел за столом. Я видела, как он пристально разглядывал ее.

— Кто это?— спросил он, подходя ко мне.
— Мадам Гартунг, дочь поэта Пушкина.
— Да-а,— протянул он,— теперь я понимаю... Ты посмотри, какие у нее арабские завитки на затылке. Удивительно породистые.

Когда представили Льва Николаевича Марии Александровне, он сел за чайный стол около нее, разговора их я не знаю, но знаю, что она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью. Он сам признавал это».

В интересной книге «Потомки Пушкина», вышедшей недавно вторым изданием, где подробно рассказано о М. А. Гартунг, В. М. Русаков, основываясь на воспоминаниях правнучки Пушкина С. П. Вельяминовой, утверждает, что знакомство с дочерью поэта оказало бо́льшее влияние на творчество Толстого, чем это обычно считается. В частности, приводит он слова правнучки Пушкина о том, что в характере Марии Александровны было много свойственного одной из героинь «Войны и мира», Анне Павловне Шерер.

И в драме «Живой труп» нашли отголоски некоторые детали трагической судьбы семьи Марии Александровны. Ее муж, Леонид Николаевич Гартунг, был несправедливо обвинен в мошенничестве и отдан под суд. Там же, в суде, после речи прокурора он вытащил пистолет и застрелился, оставив письмо о невиновности, что и было позже доказано. Вспомним, что и Федор Протасов не делает в суде попытки защититься и стреляется до вынесения приговора.

Мария Александровна Гартунг пережила своих братьев и сестру. Дочь Пушкина скончалась в глубокой старости в 1919 году. Многие годы была она попечительницей библиотеки имени А. С. Пушкина в Москве.

И теперь, если захотим зримо представить мы облик Анны Карениной, то взглянем на этот портрет дочери Пушкина. Как будто он находился перед глазами Л. Н. Толстого, который писал: «Анна была не в лиловом, как того непременно хотела Кити, а в черном, низко срезанном бархатном платье, открывавшем ее точеные, как старой слоновой кости, полные плечи и грудь и округлые руки с тонкою крошечною кистью. Все платье было обшито венецианским гипюром. На голове у нее, в черных волосах, своих без примеси, была маленькая гирлянда анютиных глазок и такая же на черной ленте пояса между белыми кружевами. Прическа ее была незаметна. Заметны были только, украшая ее, эти своевольные короткие колечки курчавых волос, всегда выбивавшиеся на затылке и висках. На точеной крепкой шее была нитка жемчугу».

Н. КРАМАРЕВ

ХУДОЖНИК И. П.
У ЛЬВА ТО

И. Е. Репин. Портрет художника
И. П. Похитонова.
1889 год. Частное собрание, Франция.

ПАРИЖСКИЕ НАХОДКИ

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведения

I

Многочисленными, многообразными и весьма плодотворными были связи, соединявшие русскую классическую литературу и русскую живопись. Две трети века назад Александр Бенуа в одной из своих проникновенных статей писал о благотворности «общения» писателей и деятелей различных областей искусства, о том, что оно сыграло самую положительную роль в истории нашей культуры. А в своей последней статье, написанной в 1921 году, незадолго до смерти, Александр Блок утверждал: «Россия — молодая страна, и культура ее — синтетическая культура. Русскому художнику нельзя и не надо быть «специалистом». Писатель должен помнить о живописце, архитекторе, музыканте... Бесчисленные примеры благодетельного для культуры общения (вовсе не непременно личного) у нас налицо... Неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия... Вместе они и образуют единый мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры».

Весьма интересны мемуарные свидетельства, эпистолярные и документальные материалы о личных связях выдающихся деятелей русской литературы и русского искусства. Тяготение друг к другу или, напротив, их споры и размолвки безусловно были связаны с дружескими отношениями или расхождениями на почве не только творческой, но и идейной.

Встречи и общения Льва Толстого с мастерами отечественного изобразительного искусства уже давно изучаются и стали темой книг, статей, публикаций, разысканий. Наиболее значительные из отдельных изданий, посвященных этой теме,— двухтомник «И. Е. Репин и Л. Н. Толстой», выпущенный в 1949 году, а также недавно появившийся сборник «Л. Н. Толстой и художники». Но во всех публикациях, где говорится о таких отношениях, кроме кратких упоминаний, отсутствуют мало-мальски содержательные сведения о знакомстве и встречах Льва Толстого с художником Иваном Павловичем Похитоновым.

Среди многих отысканных мною во Франции реликвий русской культуры была и часть архива этого замечательного живописца. Здесь оказались, в частности, его неизданные письма к жене, в которых он подробно рассказывает о своем пребывании летом 1905 года в Ясной Поляне; кроме того, в этих бумагах уцелели фотография Толстого с его дарственной надписью художнику и письмо С. А. Толстой, которое она ему позднее послала вместе со снимками, где, по-видимому, запечатлела Льва Николаевича с Похитоновым, а также различные виды Ясной Поляны.

Найденные письма художника сообщают неизвестные до сего времени интересные подробности его встреч и бесед с писателем, о том впечатлении, какое они произвели друг на друга, о восприятии ими творчества друг друга.

И. П. Похитонов (1850—1923) лишь в 25-летнем возрасте, не имея художнического образования, решил посвятить себя живописи. В конце 1877 года он, поселившись в Париже, сблизился с жившими и работавшими там русскими художниками. Вскоре его преисполненные очарования пейзажи стали появляться на парижских выставках, где привлекли внимание любителей изобразительного искусства. В их числе был И. С. Тургенев. О том, с каким вниманием и с какой теплотой он отнесся к произведениям молодого художника, мне уже довелось писать (см. «Огонек», 1968, № 46). Так, приглашая в феврале 1882 года французского литератора Эмиля Дюрана на выставку, организованную Обществом русских художников в Париже, Тургенев писал ему: «...Посылаю входной билет на нашу выставку, рекомендуя вам, главным образом, небольшие, но совершенно замечательные картины Похитонова» (подлинник по-французски). В появившейся спустя месяц в парижском журнале «Nouvelle Revue» статье, посвященной этой выставке, отмечались «прелестные по колориту и исполнению пейзажи Похитонова».

А в конце того же 1882 года, отмечая в своем дневнике, что Похитонов работает над его портретом, Тургенев далее так оценил труд художника: «...Необыкновенно выходит удачно и похоже. Это—мастер! Он привозил показывать мне и Виардо картины, которые написал нынешним летом — прелесть!»

С восхищением отнеслись к произведениям Похитонова самые знаменитые той поры русские художники, приезжавшие в Париж. Вот краткий, но выразительный отзыв И. Н. Крамского, увидевшего там в 1884 году его работы: «Похитонов весьма солидное дарование». А. П. Боголюбов называл его «талантливый Похитонов».

С душевнейшим радушием писал о нем в 1889 году из Парижа жене В. Д. Поленов: «Вчера был я у Похитонова в мастерской и просидел около двух часов; очень он мне нразится, человек с художественным чутьем и не манерист, как я думал, а с любовью добивается правды. Особенно два этюда мне очень понравились. Я его расспрашивал, отчего он живет постоянно за границей, оказывается, что и он и жена его слабы легкими и зимой в России им запрещено. Я уговорил его выставлять к нам на Передвижную выставку, и он обещал. Он говорит, что он давно собирается, что он очень сочувствует Передвижной выставке, что благодаря ей он сделался художником и за границу отправился учиться, чтобы в ней участвовать. Все больше и больше приходится убеждаться, какое хорошее дело Передвижная выставка».

Но по каким-то причинам на этих выставках Похитонов экспонировал свои произведения лишь в 1890, 1905, 1915 и 1916—1917 годах.

Побывав в 1894 году в Париже на выставке «Салон Марсова поля», И. Е. Репин в своих «Письмах об искусстве», печатавшихся в одном из петербургских журналов, оценивал этот очередной Салон как «слабый, наполненный невероятным количеством никуда не годного малеванья». И далее Репин писал: «Но за всю муку и хандру по бесконечным залам Салона я отдохнул с наслаждением перед миниатюрными перлами нашего И. П. Похитонова. Из десяти его вещей большая часть представляет картинки из Торро дель Грено, на Неаполитанском заливе. Сколько блеска, свежести, какая выдержка рисунка и тона везде, особенно на зданиях! До полной иллюзии. А фигуры так рисовали только Фортуни да Мейсонье. Несмотря на их микроскопические размеры, они безукоризненны и глубоко проштудированы на воздухе, на солнце, со всеми мельчайшими изгибами формочек и кажутся в натуральную величину».

В той части архива Похитонова, которую удалось отыскать в Париже, сохранилось несколько еще неизвестных в печати писем Репина. В одном из них, датированном 5 декабря 1896 года, имеются такие строки: «Я всегда восхищаюсь Вашими прекрасными созданиями, они навеки останутся на скрижалях нашего искусства. Мне кажется в них ясно отражается Ваша чистая, добрая душа».

Следует отметить, что Репин дважды писал Похитонова,— портрет, исполненный в 1882 году, хранится в Государственной Третьяковской галерее, а портрет, созданный в 1889 году, находится у потомков Похитонова во Франции.

П. М. Третьяков, высоко ценивший талант Похитонова, приобрел в общей сложности 23 его работы. Можно не сомневаться, что если бы Павел Михайлович не скончался в 1898 году, он продолжал бы и впредь приобретать для созданной им национальной галереи русского изобразительного искусства произведения этого превосходного художника.

II

В 1881 году Тургенев и Толстой трижды гостили друг у друга: в июне и в августе Тургенев провел несколько дней в Ясной Поляне, а в июле Толстой прожил три дня в Спасском-Лутовинове. В их тогдашних беседах Тургенев, очевидно, не раз с восхищением отзывался о произведениях Похитонова, рассказывал о нем. Толстому это запомнилось. А когда художник, находясь в начале июня 1905 года в Клину на даче у П. А. Сергеенко, близкого знакомого Толстого, ждал письменного согласия хозяев Ясной Поляны на его приезд туда для работы, Лев Николаевич за три дня до этого поведал сыну Илье Львовичу то, что знал о Похитонове. Вот запись от 11 июня 1905 года в дневнике Д. П. Маковицкого, домашнего врача Толстых:

«Ожидается приезд в Ясную Поляну художника Похитонова.

Лев Николаевич: Знаешь, Илюша, кто Похитонов? Его у нас не знают. Тургенев рассказывал мне про него года 24 назад, что его картины удивили Париж, и кто-то купил все. Самородный художник. На маленьком полотне пишет много и чисто. У него так, как у Трубецкого, самобытность не потеряна. Крамской, Репин, Ге говорили, что школа самобытному художнику может очень вредить, нивелировать, а дает мало».

В первом своем письме Похитонов сообщал жене: «12-го только Сергеенко получил письмо от Софьи Андреевны с любезным приглашением приехать мне в Ясную Поляну, благодаря чему я сейчас же выехал в Москву, купил кое-что, а четырнадцатого выехал в Тулу, куда приехал в 5 часов вечера. Тула — растянутый многоцерковный город, красоты не ахти какой. От города до Толстых 14 верст прекрасного шоссе; есть еще ближайшая станция — Засека или как ее называют Козловка-Засека, но там нет возможности иметь лошадей».

ПОХИТОНОВ
ЛСТОГО

В другом письме Похитонов рассказал о той беседе, которая была у него с извозчиком, хорошо знавшим Толстых:

«14 июня в 5 с небольшим вечера я приехал в Тулу; оттуда до Толстых остается около 14 верст почти все по шоссе. Сейчас же договорил извозчика, малый оказался бывалый, он уже неоднократно езжал в Ясную Поляну, знал графа и всю его семью. Будучи очень словоохотливым он всю дорогу занимал меня разговором, касаясь главным образом отношений Толстого к простому люду.

«Душевный человек», «добрый, доступный барин» и другие милые эпитеты так и сыпались из его уст. Между прочим, он рассказал, как граф, встретя его раз, вот на этом же шоссе, саморучно помог ему наладить испорченное колесо! — Вот какой барин, а еще граф! — добавил он назидательно.

Видимо Лев Николаевич пользуется здесь в этой среде большой и хорошей славой, которая частью распространяется и на его семью.

Мы, простые смертные, чувствуем себя не по себе перед тем, как встретиться лицом к лицу с великими мира сего. Теперь я сам испытал это: по мере приближения к Ясной Поляне разговоры с извозчиком становились отрывочные; рассеянно смотря по сторонам я только изредка всматриваюсь в то, что почему-либо привлекало мое внимание. А шоссе все тянулось и тянулось! Вот, наконец, двенадцатая верста, мы повернули вправо и мягко покатили по грунтовику. Мне бросился в глаза какой-то неуклюжий кубический столб. Что это? — Граница, тут мы уже на графской земле,— отвечает извозчик.

Где же усадьба?— А вот там за садом, не видать. Вправо от дороги две круглые каменные башни, я знаю их по фотографиям,— это въезд в Ясную Поляну.— Интересно, надо будет сделать,— мелькает у меня в голове. И мы поворачиваем, выезжаем на плотину. Налево большой красивый пруд, направо подымается в гору старый парк, прямо длинная аллея — проспект, как его называют здесь. Это та самая аллея, которая описана в «Войне и мире» и по которой несли разбитого параличом князя Болконского, деда Толстого. Со всем этим я уже знаком понаслышке, по фотографиям. Но где же самая усадьба?! Проспект кажется страшно длинным; я весь ухожу в предстоящее свидание — подтягиваюсь.

Наконец, сквозь листву берез мелькнула крыша, и мы сразу вынырнули на большую площадку, усыпанную песком, обогнули террасу и очутились у маленького крылечка, под старым развесистым деревом. Здесь, как я узнал потом, по утрам и в другое время сидят на скамеечке и ждут выхода Толстого всевозможные посетители, между ними попадаются нередко просители и нищие по ремеслу. Но теперь тут не было ни души, только в глубине площадки, которую мы проехали под тенью больших деревьев, сидела группа дам, мне показалось, что среди них была Софья Андреевна.

Я поднялся на крыльцо и взошел в просторную переднюю, заставленную книжными шкафами. Постоял — никого. На верх поднималась широкая лестница, видимо парадный ход в верхний этаж, в сторонке узкий коридор. Я туда. Пройдя шага два наткнулся на выходную дверь и очутился на заднем дворе. Тут меня выручила какая-то деревенская дивчина, сказав, что нужно сходить за Ильей Васильевичем (очень благообразный и приветливый давнишний старший слуга в доме Толстых).

— Вам кого угодно — графа или графиню,— спросил он меня.

Я подал мою карточку, прося доложить о себе тому, кому он найдет удобным. Мое состояние всего более походило на то, какое испытываешь, когда после долгих приготовлений тебя, наконец, усадят перед фотографическим аппаратом, ты ждешь, что вот откроют крышку и стараешься держать себя непринужденно.

— Граф вас просят, они у себя в кабинете, пожалуйте наверх.

Я поднялся, с площадки вела открытая дверь в большую в два света комнату. Фортепиано, зеркала в старинных резных рамах, по стенам несколько старых портретов, два-три дивана, столы, кресла, стулья, в большинстве все старинные, расставлены широко, свободно. Тут можно и потанцевать и найти уютный уголок для интимной беседы; длинный стол по середине свидетельствовал, что комната эта служит и столовой. В противоположном конце видна открытая дверь и ряд маленьких комнат, одна из них, судя по обстановке — кабинет; там за широкою открытою дверью я увидал хозяина».

Далее в том же письме Похитонов с удивительным мастерством описал свои первые впечатления от знакомства с Толстым.

«Лев Николаевич молодым бодрым движением поднялся мне навстречу. «Я вас давно знаю,— начал он после обычного приветствия.— Мне много говорил о вас покойный Тургенев. Вы охотник? Он все восхищался вашим вальдшнепом. Ведь у вас была такая картина?» Не прошло и минуты, как от моей давешной подтянутости не осталось и следов. Точно моим собеседником был не Лев Николаевич, не Толстой — гений, этот апухтинский орел, парящий «легко и вольно над землею», а мой давнишний простой, заурядный знакомый.

Я много слыхал от людей, лично знавших Толстого, о той простоте и доступности, которую так подчеркивал в разговоре со мной мой извозчик. Видимо, черта эта особенно бросалась в глаза всем, кому довелось хоть раз видеть «великого писателя земли русской». Меня лично, несмотря на то, что я уже был подготовлен в этом направлении, она особенно поразила. Это не только простота, это какая-то ясность, почти прозрачность! Ты сразу видишь всего человека таким, каков он есть на самом деле; чувствуется, что он ни перед кем и ни при каких условиях не скинет того нравственного облика — той блузы, которая без всякого стеснения свободно и мягко драпирует его духовное существо, не скрывая ни одного малейшего изгиба этой души. Недаром Лев Николаевич облекает свое тело в незатейливый полотняный костюм — мне кажется это символичным. Пишу тебе эти строки и невольно вспоминаю его «Исповедь» — ее мог сделать только такой человек, как Толстой.

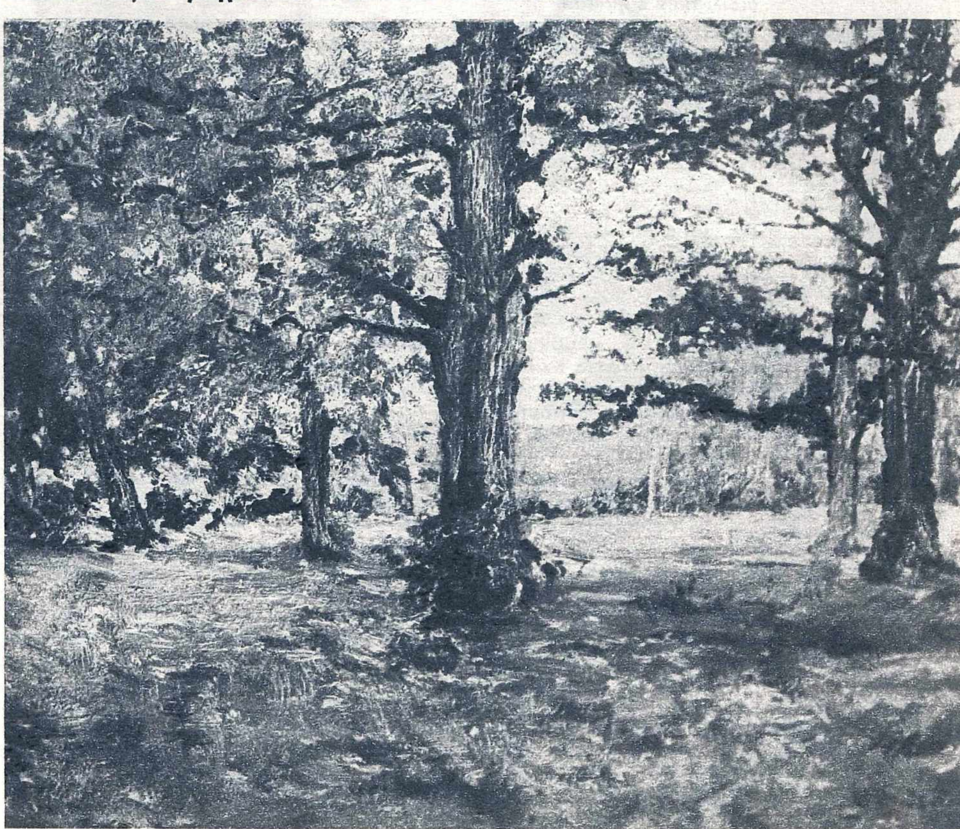
Первые слова, с которыми обратился ко мне Лев Николаевич, были о Тургеневе,— это вызвало в моей памяти образ последнего и невольно напросилось сравнение этих двух лучших представителей лучшей эпохи в нашей литературе. Оба они честно работали на одном и том же поприще, отдавая человечеству все, чем богато одарила их природа.

Ивану Павловичу Похитонову
Левъ Толстой
1905, 4 Июля.

Л. Н. Толстой. Фотография с его дарственной надписью И. П. Похитонову. 1905 год. Частное собрание. Москва.

И. П. Похитонов. Дубы в Чепыже. Этюд маслом. 1905 год. Государственный музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна».

Да, но этим и ограничивается их сходство. В остальном они так же различны, как их фамилии, хотя обе начинаются буквой «Т».

Характеризуя далее высокие личные и творческие качества Толстого, живописец проявляет себя в этих строках человеком прогрессивных взглядов.

«Толстой богатырь; его шлем не имеет забрала,— чело его всегда открыто. К делу он приступает просто без обиняков. Помнишь то место в «Войне и мире», где Толстой подымает голос в защиту народа, взявшего в критическую минуту дубину и начавшего ею действовать, пренебрегая всеми правилами западноевропейского фехтовального искусства. Толстой не только сторонник народа, он дух от духа и плоть от плоти его.

Толстовская простота заражает и людей, находящихся с ним в общении. Перед ним скидают маску! И в этом его свойстве, может быть, таится разгадка того, что все созданные им образы очерчены так разносторонне и дышат такой глубокой правдой, какой нет ни у одного из известных мне писателей: он видит все, перед ним все раскрыто и ему остается только пользоваться тем богатым материалом, который другим недоступен.

Не таков был покойный Иван Сергеевич. Мягкий и симпатичный, он редко переступал ту границу, за которой для окружающих возможна откровенность, а сам всегда ходил под вуалью, правда, очень приятного тона и красиво задрапированной, но достаточно густою для того, чтобы скрыть движение личных мускулов. Скромный и порой почти женственно застенчивый, он несмотря на это производил давление на среду, в которой находился. Давление это было благотворно, оно облагораживало, но глубоко корней не пускало. Помню у нас в Клубе русских художников в Париже в течение всего времени, когда Иван Сергеевич принимал в его делах довольно близкое участие, не было сделано ни одной гадости... Даже знаменитый инцидент с П. Л. Лавровым имел вид скорее рыцарского подвига, чем простого доноса в участок[1]. Тургенев умер, и все гадости, накопившиеся в мелких душонках при его жизни, посыпались как из рога изобилия. Тургенев всегда старался быть правдивым, отзывчивым на все доброе человеком — безукоризненным джентльменом. Он никогда не позволил бы себе скрестить шпаги, не сделав всех тех выпадов, какие предписываются самым строгим дуэльным уставом. Вся проникнутая благородством и утонченной корректностью величавая фигура Ивана Сергеевича смущала окружающих: всякий боялся своей особой шокировать покойного, в его присутствии старался казаться лучше, благороднее, чем был на самом деле, или, как исключение, ударялся в другую сторону (не нравится, не любишь?! ну так на же тебе вот еще и еще).

Если допустить, что поэтические образы, создаваемые писателем, находятся в зависимости от того влияния, какое он непосредственно своей личностью оказывает на окружающих, то нам станет понятно, почему эти образы у такого большого художника, каким был Тургенев, иногда страдают некоторой односторонностью (и большинство его положительных типов почти сплошь сотканы из благородства)».

В статьях о Толстом В. И. Ленин впервые показал, что в мировоззрении и творчестве Толстого глубоко отразились психология и идеология многомиллионного патриархального крестьянства, что с его позиций Толстой после перелома изображал и оценивал современный мир. Известны также замечательные слова Ленина в беседе с Горьким: «До этого графа подлинного мужика в литературе не было». Народность — характерная, органическая черта Толстого, не только художника-мыслителя, но и человека.

В том же письме к жене Похитонов рассказывает, как он встретился в день своего приезда в Ясную Поляну с С. А. Толстой:

«После короткого разговора Лев Николаевич предложил мне познакомиться с женой.

— Она не так здорова, ей велено лежать в кресле и делать как можно меньше движений,— заметил он при этом.

Мы спустились, но тут его перехватили какие-то два посетителя, и мне пришлось направиться к графине одному. Я не ошибся: она действительно находилась среди группы дам, замеченных мною при въезде. Софья Андреевна встретила меня очень радушно и познакомила с окружающим ее обществом.

— Вы к нам, надеюсь, не на один день,— сказала она затем и тут же перешла на обсуждение того, где и как меня можно будет устроить, в доме, во флигеле, или в маленьком помещении в саду. Так как я заявил, что совсем не боюсь одиночества, то она и остановилась на последнем. Это приятная комната, с мягкой мебелью, прекрасной кроватью и маленькой прихожей, обращенной в кабине де туалет. Не знаю, догадалась ли Софья Андреевна, что я чувствую себя не совсем ловко, навязывая свою особу людям, видевшим меня в первый раз, и заметила ли она, что за банальною формою моей благодарности скрывается искренняя радость сделанному мне приему? Кажется, да, потому что она так мило и просто сказала мне:

— Вы-то нас совсем не стесняете, но мне бы хотелось, чтобы и вам было удобно».

В своем «Ежедневнике» Софья Андреевна в тот же день 14 июня записала: «Приехал художник Похитонов».

А в дневник Д. П. Маковицкого под тем же числом внесены такие строки: «После обеда приехал пейзажист Похитонов... Лев Николаевич с Похитоновым говорили о казацких, донских степях, о «ковылях». Об уральских казаках-старообрядцах».

Фиксируя в «Ежедневнике» то, что ей было интересно в течение следующего дня — 15 июня, Софья Андреевна, в частности, отметила: «Утром разговоры с Похитоновым».

Окончание следует.

---

[1] Речь идет о ходатайстве И. С. Тургенева перед префектом парижской полиции об отсрочке высылки революционера П. Л. Лаврова из Франции, как того требовало царское правительство. Сохранилось письмо Тургенева от 31 января 1882 года, в котором он сообщал Лаврову подробности этого ходатайства.

Зимой в Хамовниках заливался каток.

ЧАСТЬ ЕГО

Вначале подумалось: ну, а столь ли уж существенная тема — Лев Толстой и спорт? Великий человек, гениальный писатель, каждая страница, каждое письмо и мысль которого выражают напряженнейшую жизнь духа... Какое значение имела для него культура физическая?.. И лишь углубившись в жизнь Толстого, в его дневники, письма, в воспоминания о нем, начинаешь все более понимать, какой это был гармоничный, цельный человек в естественном бытие своем.

Вспоминает итальянский криминалист и психиатр Чезаре Ломброзо, побывавший в Ясной Поляне 11 августа 1897 года: «В самый день моего приезда он в продолжение двух часов играл с своею дочерью в лаун-теннис, после чего, сев на им же самим взнузданную и оседланную лошадь, пригласил меня ехать вместе с ним купаться. Ему доставило особенное удовольствие видеть, что я через четверть часа не мог уже плыть за ним, и, когда я выразил удивление его силе и выносливости, жалуясь на свою немощность, он протянул руку и приподнял меня довольно высоко от земли, легко, как маленькую собачку. Конечно, только благодаря этой телесной силе и своему вышеописанному образу жизни он был в состоянии преодолеть тяжкую болезнь, которою страдал в последнее время».

Толстой неутомимо играл в теннис.

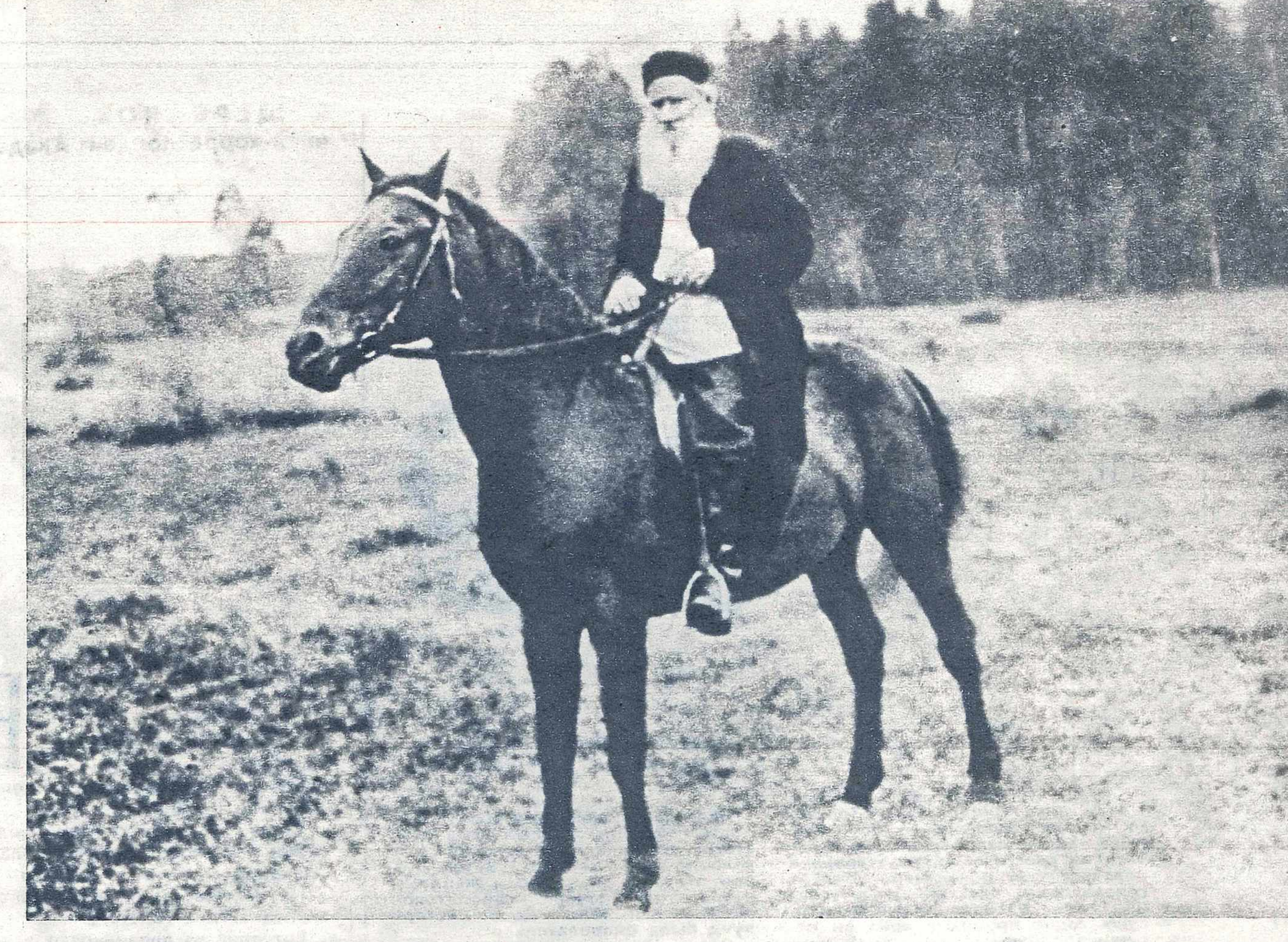
С юности любил он охоту и верховую езду. Охотник он был страстный, неутомимый и умелый. Он «любил и щегольнуть на охоте ловкостью и лихостью, что называется, «джигитнуть». И уж ежели зарезать волка, то с коня, на полном скаку. А как поэтичны его письма о тяге Фету, который тоже был увлеченным охотником. Знал Толстой и охоту на крупного, опасного зверя. Фет описывает в своих воспоминаниях случай, когда Толстой, промахнувшись по громадной медведице, чуть было не погиб, подмятый зверем. Конечно, охота давала писателю неоценимые минуты общения с природой, но был в ней и спортивный азарт, который он так ценил.

Когда Толстой перестал охотиться, одним из его наибольших увлечений остались долгие пешие прогулки и верховая езда. Как он владел лошадью! Не многие всадники так молодцевато смотрелись на коне, как уже старый Толстой. «А как сядет верхом — настоящая картина!!! — писал В. В. Стасов. — Я думаю, никогда он не был лучше, еще будучи артиллерийским прапорщиком или подпоручиком! Стоит посмотреть еще, когда он только садится на лошадь и заносит ногу через седло. Но как только сел, просто чудо что такое! Соберется весь, ноги точно слились с лошадью, телом — сущий центавр, наклонит немножко голову, — а лошадь, его отличный серый жеребчик, так и пляшет, так и стучит под ним ногами... Да, тут Лев становится картиной... Ну, и потом, ест знатно, спит отлично, ходит, бегает... иной раз с азартом играет в lawn-tennis со своей молодежью, ходит верст по 10, по 15 пешком, ездит верст по 15, по 20, по 24 верхом...— чего еще надо в 67 лет?»

МИРА

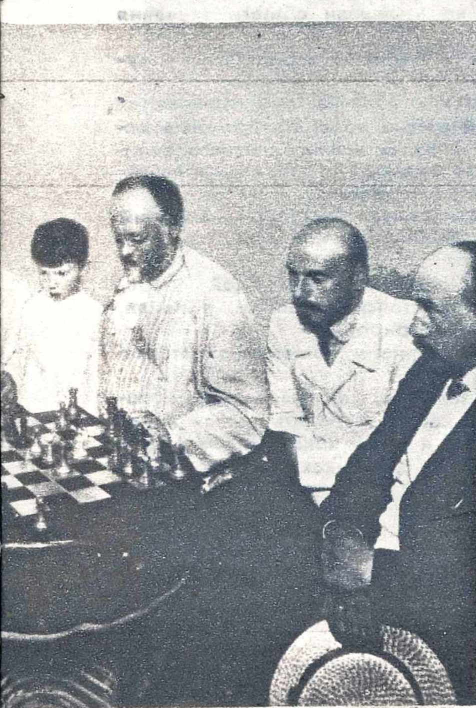
Лев Николаевич на своем коне Делире.

Да, с плеч Толстого как будто спадали десятки лет, когда скакал он на своем любимом Делире, брал препятствия, перепрыгивал через рвы и канавы, понятие «устал» для него не существовало. В 1873 году Крамской писал, что в охотничьем костюме, верхом на коне Толстой — самая красивая фигура мужчины, какую ему пришлось видеть в жизни.

Уже вернувшись с Кавказа, в 1856 году Толстой увлекся входившей тогда в моду гимнастикой. Он посещал спортивный зал на Большой Дмитровке, где с воодушевлением прыгал через коня, стараясь не задеть «кожаного, набитого шерстью конуса, поставленного на спине этого коня». Фет приводит рассказ любимого брата Л. Толстого графа Николая Николаевича. «Левочка,— говорил он,— усердно ищет сближения с сельским бытом и хозяйством, с которым, как и все мы, до сих пор знаком поверхностно. Но уж не знаю, какое тут выйдет сближение: Левочка желает все захватить разом, не упуская ничего, даже гимнастики. И вот у него под окном кабинета устроен бар. Конечно, если отбросить предрассудки, с которыми он так враждует, он прав: гимнастика хозяйству не помешает; но староста смотрит на дело несколько иначе. «Придешь, говорит, к барину за приказанием, а барин, зацепившись одною коленкой за жердь, висит в красной куртке головою вниз и раскачивается; волосы отвисли и мотаются, лицо кровью налилось, не то приказания слушать, не то на него дивиться».

Л. Н. Толстой был сильным шахматистом.

Всегда в кабинете Льва Николаевича были гири — тяжелые и более легкие, он часто ездил на велосипеде, да так, что обеспокоенные его долгим отсутствием родные посылали за ним по вечерам во все стороны; неутомимо играл с молодежью в Ясной Поляне в теннис, только-только тогда появлявшийся в России, а зимой устраивался каток, который все члены семьи Толстого с удовольствием расчищали от снега, и Лев Николаевич подолгу мог кататься на коньках, добиваясь, вспоминает Софья Андреевна, «уметь делать все штуки на одной и двух ногах, задом, круги и проч. Это его забавляет, как мальчика».

А по вечерам, после занятий, нередко посвящал Толстой время шахматам. Как и Тургенев, он был сильным шахматистом. Игроки достаточно высокой квалификации отмечали его уверенный, изобретательный стиль, насыщенный комбинационными идеями.

Как писал его сын Сергей Львович: «Вообще отец придавал большое значение физическому развитию тела. Он поощрял гимнастику, плавание, бегание, всякие игры, лапту, городки, бары и особенно верховую езду. Иногда на прогулке он скажет: бежим наперегонки. И все мы бежим за ним».

А теперь взгляните на эти любительские снимки, сделанные в Ясной Поляне и в Москве, в Хамовниках, каждому из которых почти три четверти века. И через дымку лет эти давние, не очень четкие драгоценные фотографии приоткроют еще одну грань мира веселого, увлеченного человека, мудрого Льва Николаевича Толстого.

Вс. ЖУКОВ

Он любил велосипедные прогулки.

«БЛАГОДАРНЫЙ ЛЕВ ТОЛСТОЙ»

Фотопортрет Льва Николаевича с его дарственной надписью.

Сын Льва Николаевича Толстого — Лев Львович — поначалу (1869—1945) был верным последователем своего отца, участвовал в полевых работах, активно помогал голодающим крестьянам в трудные годы. В середине же девяностых годов прошлого века он пережил тяжелый душевный кризис, перешедший в дальнейшем в тяжелое нервное расстройство. Лечение у отечественных медиков не пошло на пользу. Услышав об успешной практике знаменитого шведского врача — невропатолога Эрнста Вестерлунда, Лев Львович обратился к нему за помощью.

Вестерлунд был провозвестником трудовой терапии. Доктор привлекал к своей деятельности кустарей-ремесленников Енчёпинга, небольшого провинциального городка, расположенного неподалеку от Стокгольма. Сапожники, столяры, портные, переплетчики охотно передавали свой опыт и знание пациентам Вестерлунда. А тех было много — они занимали несколько пансионатов. Прослышав чудеса об исцелении, к доктору ехали лечиться со всех континентов. Однажды, когда миллионерша из США попросила его помощи, то он выписал ей пилюли для приема на ночь и по утрам. При этом строго предупредил, что они подействуют только в том случае, если больная будет сама мыть пол и производить уборку своего нового жилья. И изнеженной даме пришлось выполнять волю врача.

«Как вы достигаете, доктор, того, что ваши пациенты так слушаются вас?» — спросил врача шведский король.

«Я люблю их, Ваше величество!» — ответил Вестерлунд.

Благодаря шведскому врачу полностью исцелился и сын Льва Толстого, начинающий русский художник, Лев Львович Толстой. Но при этом он влюбился и женился на 17-летней дочери невропатолога. Еще бы! Юная Дора Вестерлунд была очаровательна!

После бракосочетания супруги проводили зимнее время в Ясной Поляне и русских столицах, а на лето уезжали в Швецию. В июле 1900 года доктор Вестерлунд с женой посетил Ясную Поляну.

В это время Лев Николаевич был очень строгим вегетарианцем. Он не ел не только мяса и рыбы, но даже куриных яиц. Заметив это, гость стал разубеждать писателя, говоря, что неоплодотворенное яйцо — еще не жизнь, что его можно есть. И великий русский упрямец, не признававший никаких авторитетов, внял голосу доктора, к вящей радости Софьи Андреевны. Шведский врач успешно лечил Льва Николаевича. Между ними происходили задушевные разговоры.

Прощаясь с гостями, русский писатель подарил им свою фотографию с дарственной надписью на немецком языке: «Herrn Westerlund sein dankbarer Leo Tolstoj 1900» — «Господину Вестерлунду благодарный Лев Толстой 1900».

Автор этих строк, пользуясь случаем, выражает признательность внуку Л. Н. Толстого — Никите Львовичу, оказавшему большую помощь в этой публикации.

Г. МУРЫГИН

Новосибирск.

Доктор Вестерлунд с женой, дочерью, зятем Львом Львовичем Толстым и внуком Львом в Ясной Поляне. 1900 год.

Б. ЩЕРБАКОВ,
член-корреспондент Академии художеств СССР

ЯСНОПОЛЯНСКИМИ ТРОПАМИ

Бывает красота, не ошеломляющая с первого взгляда, но постепенно и глубоко проникающая в душу и потом воцаряющаяся в ней.

Такова природа средней полосы России — природа Ясной Поляны.

Эти два слова стали символами света и добра, так же как имя человека, проведшего здесь почти всю свою долгую жизнь.

Нет уголка земли яснополянской, куда не был бы брошен проницательный взгляд Толстого.

Вот одна из дневниковых записей: «Смотрел, подходя к Овсянникову, на прелестный солнечный закат. В нагроможденных облаках просвет, и там, как красный неправильный угол, солнце. Все это над лесом, рожью. Радостно. И подумал: Нет, этот мир не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем».

Двадцать лет назад, впервые ступив на эту землю, я испытал чувство какой-то приподнятости, и словно очистилась душа от житейского, мелочного.

Многочисленные поездки в Ясную Поляну за эти годы, конечно, дали мне возможность почувствовать характер любимых Толстым «до пристрастия» раздольных русских пейзажей. И веселое «берез махание» в яркие, солнечные дни, бесконечные дали лесов «засечных», изгибы поросших камышом и ракитником берегов яснополянских речек Воронки и Ясенки, широкое зеркало Большого пруда, который плотной стеной обступили вековые ветлы,— все это и еще очень многое другое стало мотивами моих пейзажей, страницами живописной повести о яснополянской земле.

Однажды, бродя по опушке леса у заросшей кустарником речки Воронки, я поражен был величавым и таинственным ликом восходящей луны, над засыпающим лесом, над холмами и лугами, тающими в синеве сумрака. Мир и покой пришли на землю, об этом звенели кузнечики, об этом молчали березы...

Толстой, живя в Ясной Поляне, наблюдал бытие природы день за днем.

Слушал он и зимние метели и потрескивание набухших почек в тиши ласкового весеннего дня. В утро такого вот дня бродил я вокруг Кочаков — сельского погоста, некрополя Толстых, где покоятся родители Льва Николаевича, Софья Андреевна, дети, умершие при жизни писателя, и другие близкие семье Толстых люди.

В легком голубом небе таяли тонкие стрельчатые облака, на солнце сверкала белизной церквушка, среди розоватого кружева старых, безлистных еще берез погоста. Во всем было ощущение какого-то радостного ожидания и хоть не слышался веселый малиновый звон, но все звенело вокруг.

Беспокойные галки своим криком не нарушали общего звучания этой утренней симфонии.

Все помыслы мои были устремлены к тому, чтоб передать эти ощущения.

Над зеркалом большого пруда — легкие облачка, они отражаются в спокойной, лишь кое-где подернутой рябью воде, прибрежные вековые ветлы чуть отливают серебром в лучах теплого летнего солнца, в их густой тени спряталась старая банька. Все кругом радуется жизни, и нельзя человеку не разделить эту радость.

Не об этом ли в одном из писем Фету писал Толстой: «Нынешний год долго я боролся, но красота мира победила меня. И я радуюсь жизнью и больше почти ничего не делаю».

Ощущение радости жизни, радости общения с природой сопровождает Толстого всегда. Блуждая по толстовским тропам, я понял, что ключ к пониманию его великой души — природа!

Природа, которую он любил самозабвенно и общение с которой считал высшей радостью человека.

Так родился, быть может, дерзкий замысел, для завершения которого мало жизни,— попытаться языком красок передать мысли и настроения, вызванные явлениями природы и столь ярко выраженные в художественных произведениях, письмах и дневниках Толстого.

Б. Щербаков. Род. 1916. ДОМ Л. Н. ТОЛСТОГО В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ. 1975.

БОЛЬШОЙ ПРУД. 1976.

Б. Щербаков. ВЕСЕННЕЕ УТРО. КОЧАКИ. 1975.

ВОСХОД ЛУНЫ. 1976.

Людмила
КОРАБЕЛЬНИКОВА,
кандидат искусствоведения

ШОПЕН БЫЛ ОДИН...

С юных лет Л. Н. Толстой страстно любил музыку: «Музыка очень трогает меня, до слез — сердце сжимает. Другие искусства: поэзия, скульптура, живопись — не так». Сын писателя, С. Л. Толстой, вспоминает: «Я не встречал в своей жизни никого, кто бы так сильно чувствовал музыку, как мой отец». Почти теми же словами говорит секретарь Толстого Н. Н. Гусев: «Я никогда не видал человека, на которого бы музыка так сильно действовала, как на Льва Николаевича».

Музыка органично входит в мир толстовских героев. Более того, музыкальность того или иного персонажа — зачастую пробный камень отношения к нему автора. Намечая в черновых планах характеристики будущих героев «Войны и мира», писатель на первое место в «поэтической сфере» каждого из них выдвигает именно музыку. Борис — «В музыке не смыслит...», Наташа — «Музыкой обладает, понимает и до безумия чувствует», Марья — «Отлично играет и любит музыку мистически». Музыка оказывает огромное влияние на духовную жизнь многих персонажей романа.

Поразительны сами описания музыки в толстовской прозе — достаточно вспомнить «Крейцерову сонату», или звучание «Патетической сонаты» Бетховена в «Детстве», или сон Пети Ростова в лагере Давыдова: «Музыка играла все слышнее и слышнее. Напев разрастался, переходил из одного инструмента в другой. Происходило то, что называется фугой, хотя Петя не имел ни малейшего понятия о том, что такое фуга. Каждый инструмент, то похожий на скрипку, то на трубы — но лучше и чище, чем скрипки и трубы,— каждый инструмент играл свое и, не доиграв еще мотива, сливался с другим, начинавшим почти то же, и с третьим, и с четвертым, и все они сливались в одно и опять разбегались, и опять сливались то в торжественно церковное, то в ярко блестящее и победное... Голоса росли, росли в равномерном торжественном усилии. Пете страшно и радостно было внимать их необычайной красоте».

Художественные произведения и статьи Толстого, его дневники и письма, а также дневники, переписка и воспоминания его близких с большой полнотой отражают отношение писателя к музыке, композиторам и музыкантам.

* * *

Л. Н. Толстой и Ванда Ландовская в Ясной Поляне. 1907 год.

Шопен был самым любимым композитором Льва Толстого. «Больше других композиторов Л. Н. любил Шопена. Чуть ли не все им написанное ему нравилось»,— пишет в мемуарах С. Л. Толстой. Во время первого знакомства с пианистом А. Б. Гольденвейзером Толстой заметил, что «едва ли не больше всех композиторов любит Шопена». В разных сторонах и гранях отношения Толстого к Шопену ярко отразилось его восприятие музыкального искусства в целом.

«Записки» Маковицкого содержат интересные сведения о разговоре Л. Н. Толстого с одной из знакомых: «— Я слышала, что Ваш дядя Константин Александрович Иславин (К. А. Иславин — дядя С. А. Толстой.— **Ред.**) очень хорошо играл Шопена. Л. Н.: Шопена тогда еще совсем не знали в Москве, он вводил его. Я помню, что тогда еще было в обществе некоторой смелостью хвалить Шопена».

Музыка Шопена была необычайно близка Толстому. «Когда хорошее музыкальное произведение нравится, то кажется, что сам его написал»,— заметил он однажды, прослушав этюд Шопена. И снова об этом же (из записок Д. П. Маковицкого): «Гольденвейзер играл Шопена, наконец его балладу. Л. Н.: — «Я так слился с Шопеном, когда я слушаю, у меня впечатление, точно я сочинил».

Произведения Шопена были для писателя художественной нормой и образцом. «Часто, прослушав какую-нибудь вещь своего любимого Шопена, он говорил:— Вот как надо писать!» — вспоминает А. Б. Гольденвейзер.

В 1907 году в Ясной Поляне гостила известная польская клавесинистка Ванда Ландовская, которая исполняла на привезенном с собой клавесине старинные народные песни, а из классиков — Баха, Моцарта, Шопена. (Играла она для Толстого и на фортепьяно.— **Ред.**) Д. П. Маковицкий записывает 25 декабря: «Вечером с девяти до одиннадцати Ванда Ландовская опять играла. Л. Н. ей сказал, что не говорит ей комплиментов, но что ее игра ему объяснила его мысли о музыке. Говорил в том смысле, что старые песни гораздо проще, музыкальнее новых и что если бы теперь после слышанных старых композиций сыграть новую, не задавило бы их... Единственно Шопена, пожалуй, можно после этого (старого) сыграть».

Чутьем художника Толстой угадывал в творчестве любимого композитора огромный заряд вдохновляющей жизненной энергии и силы. Когда одна из приехавших в Ясную Поляну дам заметила, что, вероятно, «душа Чайковского» не переносила «болезненного Шопена», Лев Николаевич возмутился и горячо возразил: «Какое не переносила? Шопен подымает». Свояченице Т. А. Кузминской он писал в период ее тяжелых душевных переживаний: «Играй Chopin и пой. Держи себя в струне и в акурате, чтоб, что ни придет к тебе — счастье или несчастье, оно бы застало тебя молодцом».

Толстого покоряла мелодичность Шопена. Она, несомненно, была для него одной из привлекательнейших сторон музыки композитора. Лев Николаевич часто напевал любимые мелодии, которые, как он говорил, «преследуют» его, «поют» внутри него, что бы он ни делал, с кем бы ни говорил.

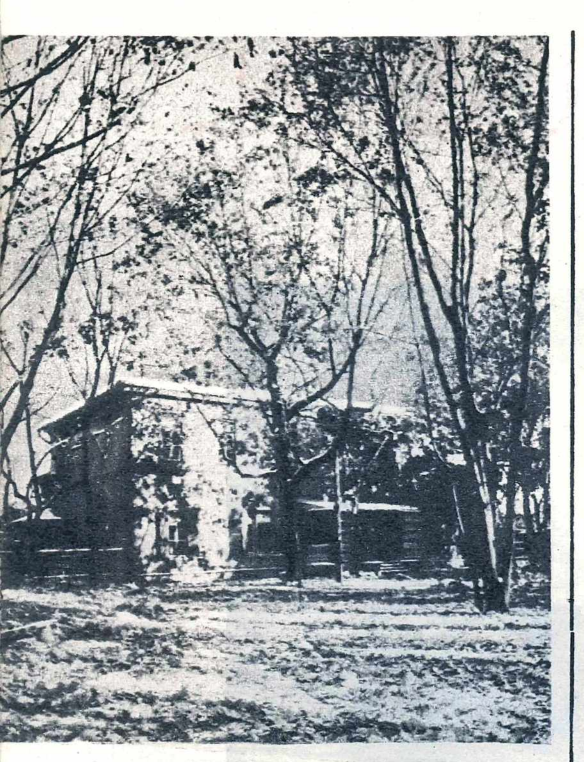
В противовес многим своим современникам, видевшим в Шопене композитора то французского, то общеевропейского, то космополитического, Толстой ясно видел польскую национальную основу его творчества, как и вообще хорошо чувствовал и высоко ценил народно-танцевальный элемент в творчестве композиторов: «Танцы, но не бальные танцы, очень нравились ему. Он с удовольствием слушал вальсы Штрауса, венгерские танцы, полонезы Монюшко, не говоря уже про мазурки, полонезы и вальсы Шопена...» Особенно мазурки. Толстой любил мазурку как танец. В связи с музыкой «Ивана Сусанина» Глинки он сказал: «Я не знаю красивее, молодцеватее танца, чем мазурка, и музыка соответственная». Про мазурки же Шопена утверждал: «Вот это настоящее, в чем его сила. Как хороши мазурки, одна лучше другой. Все хороши».

Лев Николаевич чрезвычайно любил фортепиано. Очевидно, его любовь к поэту и «душе фортепиано» — Фридерику Шопену — связана в какой-то мере и с этим. «Он был довольно равнодушен к оркестровым краскам,— пишет С. Л. Толстой,— и даже говорил, что фортепианные вещи нередко лучше оркестровых, так же как в живописи рисунки нередко бывают лучше картин, писанных масляной краской».

Несомненно, дорого было Толстому то замечательное свойство творений композитора, которое мы называем демократичностью. «Во всяком искусстве, я это и на своем опыте знаю,— говорил Лев Николаевич,— трудно избежать двух крайностей: пошлости и изысканности... Величие Шопена в том, что, как бы он ни был прост, никогда он не впадает в пошлость, и самые сложные его сочинения не бывают изысканны».

Однажды он сказал: «Вот только одно, что это непонятно народу. А я в этом так испорчен, и больше ни в чем как в этом. Люблю музыку больше всех других искусств, мне всего тяжелее было бы расстаться с ней, с теми чувствами, которая она во мне вызывает». Три летописца Толстого в последний год его жизни — В. Ф. Булгаков, А. Б. Гольденвейзер, Д. П. Маковицкий — запечатлели в дневниках яркий по своей непосредственности эпизод. В тот вечер старый писатель долго слушал Шопена и потом воскликнул: «...Вся эта цивилизация — пусть она исчезнет к чортовой матери, но — музыку жалко!»

Лев Николаевич Толстой любил сравнивать Шопена с Пушкиным: «Полная голова стихов Пушкина. Ямбы западают, как музыка Шопена». Или еще более прямо: «Шопен в музыке — это то же, что Пушкин в поэзии». В этих сравнениях проявилась многолетняя неизменная, горячая, нежная любовь и высокое признание русским гением музыки великого польского композитора.

Дом писателя в Москве.

МОСКВА. ХАМОВНИКИ

Москва была связана с Толстым всегда, город стал для него своим, кровным и, естественно, возникал и в «Детстве», и в «Отрочестве», и в «Юности», и в «Казаках», и в «Войне и мире», и в «Анне Карениной», и в «Воскресении». Но тем не менее Толстой говорил: «Жить в Петербурге или Москве, это для меня все равно, что жить в вагоне». Однако потом, уже во второй половине жизни, когда детей надо было отдавать на учение в гимназию, в 1882 году, несмотря на «вонь, камни, роскошь, нищету» города, вся семья переехала в Хамовники, в собственный дом. Деревянный и очень старинный, он уцелел от пожара 1812 года только потому, что неподалеку разместились штаб маршала Даву, квартира генерала Кампана и конюшня князя Экмюльского. Толстой основательно перестроил особняк, а Софья Андреевна его с любовью украсила: в столовой появился ореховый буфет и фарфор с синим рисунком, в спальне — ширмы и красного дерева бюро с семейными счетами, в классной — глобус, на площадке — мраморный Антиной, в зале — зеркала и канделябры, а в большой гостиной — ковры, ампирные бронзы, голландские портреты и мягкие пуфы. Однако радости уют не приносил.

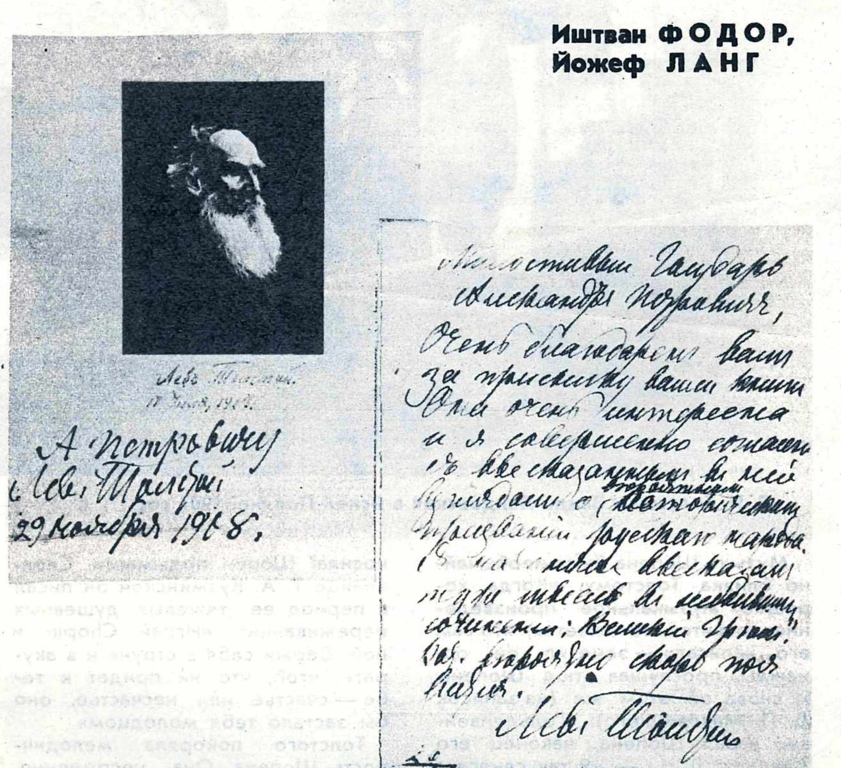
«Я живу среди фабрик. Каждое утро в 5 часов слышен один свисток, другой, третий, десятый, дальше и дальше. Это значит, что началась работа женщин, детей, стариков» — слова из трактата «Так что же нам делать?». Об этом Толстой мучительно на протяжении всех двадцати лет жизни в Хамовниках упоминает в своих дневниках, письмах и статьях. Кроме того, дом был всегда переполнен гостями. Когда подсчитали хранившиеся визитные карточки, оказалось около тысячи имен. Раздражался, писал с трудом, поскольку все отвлекало — «папиросы, юбилеи, сборники, обеды с вином и при этом по призванию философская болтовня». Москва, правда, была только зимами, а летом все уезжали в Ясную Поляну, и Толстой старался задерживаться там подольше, даже после того, как отправлял своих в город. Но рано или поздно приходилось возвращаться — здесь была семья, учение детей, дела.

Сейчас в московском доме Толстого музей. О нем фоторассказ на 4-й обложке журнала.

А. МАРИНИН

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО Л. Н. ТОЛСТОГО В БУДАПЕШТЕ

Иштван ФОДОР,
Йожеф ЛАНГ

А. Петровичу
Левъ Толстой
29 ноября 1908.

Милостивый Государь
Александр Петрович,
Очень благодарен Вам
за присылку вашей книги.
Она очень интересна
и я совершенно согласен
с высказанными в ней
взглядами о вероятном историческом
призвании русского народа.
Я на днях высказал
ту же мысль в небольшом
сочинении: Великий грех,
который вероятно скоро появится.
Левъ Толстой
20/7 июня 1905

Неизвестное ранее письмо Толстого и его портрет с дарственной надписью хранится в рукописном отделе Будапештского литературного музея имени Петефи. Документы эти приобретены в конце 1975 года у Ольги Петрович. И письмо и портрет с дарственной надписью были посланы ее отцу, венгерскому журналисту и публицисту, сербу по происхождению, Шандору Петровичу. Вот текст этого письма Толстого:

«Милостивый Государь
Александр Петрович.
Очень благодарен Вам за присылку вашей книги. Она очень интересна, и я совершенно согласен с высказанными в ней взглядами о вероятном историческом призвании русского народа. Я на днях высказал ту же мысль в небольшом сочинении «Великий грех», который вероятно скоро появится.
20/7 июня 1905

Лев Толстой».

Очевидно, Толстой подтверждает получение книги, отправленной ему Петровичем. В московском музее Л. Н. Толстого удалось найти два письма Шандора Петровича Толстому. Первое из них, от 12 июня 1905 года, написанное по-немецки, безусловно, доказывает, что упомянутое толстовское подтверждение о получении книги относится к работе Петровича «Der russische Umsturz und die Sozialdemokratie», вышедшей в свет в 1905 году.

«Граф Лев Николаевич!
Осмеливаюсь в виде приложения к этому письму послать Вам свое сочинение «Der russische Umsturz und die Sozialdemokratie».
Я был бы рад, если бы Вы в нескольких словах (по-немецки, по-французски, либо по-русски) подтвердили его получение.
Примите выражение моего глубочайшего почтения.
Александр Петрович, бывший заведующий отделом печати сербского министерства иностранных дел. Адрес: Будапешт (Венгрия) VII. Улица Дьярмат, 65».

Обмен письмами между Шандором Петровичем и Толстым в июне 1905 года послужил основой их более длительной связи.

Год спустя Петрович посылает Толстому свой новый труд в сопровождении следующего — на сей раз написанного на французском — и хранящегося также в музее Толстого письма:

«Господин граф!
Я чрезвычайно горжусь и очень растроган тем приемом, который был оказан моему небольшому сочинению: «Der russische Umsturz und die Sozialdemokratie». Спешу послать Вам свою новую книгу...
Был бы очень счастлив, если бы Вы великодушно засвидетельствовали получение книги.
Примите, господин граф, свидетельство моего особого почтения.
Александр Петрович,
публицист,
бывший заведующий
отделом печати
сербского министерства
иностранных дел.
Адрес:
Будапешт VII. Улица Дьярмат, 65».

На это письмо уже ответил Душан Петрович Маковицкий 9 мая 1906 года (по старому стилю):

«Лев Николаевич поручил мне написать Вам, что благодарит Вас за книгу... Пока только посмотрел ее, и она очень понравилась ему, сказал, что еще прочтет ее хорошенько... P. S. Лев Николаевич дочитал книгу до конца, нашел, что Вы слишком хвалите его, и слишком большое значение придаете ему, и хотел было написать Вам, потому это письмо и было задержано. Сегодня опять решил написать и поблагодарить Вас и поручил сделать это мне, что я с удовольствием и исполняю».

На конверте стояла пометка Толстого: *«Д. П. Ответит. Благодарю, прочту».*

О Маковицком же Ольга Петрович рассказала, что, приезжая в Будапешт, он неоднократно навещал ее отца и всегда передавал приветы из Ясной Поляны. Портрет Толстого с дарственной надписью также попал к Петровичу через Маковицкого, во время одного из его приездов в Будапешт. На портрете надпись: «А. Петровичу Лев Толстой. 29 ноября 1908 года».

Чуткий к общественно-политическим вопросам журналист, Шандор Петрович был отлично знаком с прогрессивными, социалистическими и марксистскими идеями.

Петрович считал, что крестьянство должно свергнуть исторически чуждый русскому народу царизм и открыть дорогу для социального освобождения народов Европы путем учреждения государства, основывающегося на союзе деревенских общин. Отметим — вся система взглядов Шандора Петровича была очень близка к мировоззрению позднего Толстого, из письма которого ясно, что он считал идеи венгерского публициста эхом собственных идей. Сам же Петрович в своих произведениях открыто признается в том, что ему служит примером общественная программа Толстого, в котором он видел подлинного знаменосца русской революции.

Размышлявший над справедливыми общественными преобразованиями, Шандор Петрович в годы первой мировой войны занимался историческими исследованиями и жил весьма уединенно. Он не желал принимать участие в шумихе тогдашней прессы, призывавшей к бряцанию оружием. Во время Венгерской Республики 1919 года он играл видную роль в газете «Пестер Ллойд».

Шандор Петрович умер в Будапеште 9 мая 1926 года. Имя его занимает свое немаловажное место в истории развития духовной жизни Венгрии.

Будапешт.

В СЕМЬЕ ЛОПУХИНЫХ

Среди художественных замыслов Л. Н. Толстого особое место занимает неосуществленное произведение — повесть или роман, которые литературоведы условно называют «Мать».

В своем дневнике 25 марта 1891 года Толстой записал: «Ходил гулять и очень, как редко, живо представил — воспитание художественное. Лопухину. Мать. Вопрос матери. Записки матери».

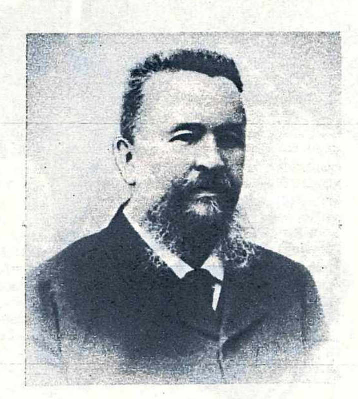
А два дня спустя он снова вернулся к той же мысли: «Утром, гуляя, думал о записках матери. Все яснеет. Не знаю, что будет».

Из дальнейших дневниковых записей видно, что он колебался, как построить свое будущее произведение: то ли в виде дневника матери, то ли от автора. До нас дошло три не связанных между собой небольших отрывка. В одном из них главный герой назван Петром Лутковским, в другом — Евграфом Лотухиным, который был офицером во время Севастопольской кампании, вышел в отставку и собрался жениться. В обоих отрывках Толстой назвал невесту Варварой Николаевной. Третий отрывок посвящен старушке Марии Александровне — матери нескольких сыновей, записавшей шесть тетрадей о своей семейной жизни.

Кто же такая Лопухина, которая в течение ряда лет так неотступно занимала Толстого? И кого он разумел, собираясь писать о Евграфе Лотухине? Мы знаем, как он нередко слегка изменял фамилии своих героев: Волконский — Болконский, Оболенский — Облонский и т. д. А тут Лопухин — Лотухин.

Александра Павловна Лопухина. 1890-е годы.

Сергей Алексеевич Лопухин. 1890-е годы.

Среди тульских знакомых Льва Николаевича в 80-х и в первой половине 90-х годов были товарищ губернского прокурора Сергей Алексеевич Лопухин (1853—1911) и его жена Александра Павловна, урожденная Баранова (1857—1934). К 1891 году, то есть ко времени записей Толстого в дневнике о художественном воспитании, о Лопухиной, о матери, у них было восемь человек детей, а несколько лет спустя их стало одиннадцать. Я все это знаю, потому что Сергей Алексеевич и Александра Павловна являются моими дедом и бабушкой...

От своей матери я слышал, что Толстой собирался писать роман о ее родителях, что они нередко бывали в Ясной Поляне, пока Сергей Алексеевич не был переведен на службу из Тулы в Орел. И Толстой приезжал в их тульскую квартиру, однажды долго расспрашивал хозяина, опытного юриста, о различных деталях судопроизводства, видимо, собирал материалы для будущего романа «Воскресение». По семейным преданиям знаю, что Сергей Алексеевич был великолепный и остроумный рассказчик, кроме того, каждый вечер читал своим детям вслух классиков, русских и иностранных. И дети очень любили эти вечера.

Судя по отдельным местам дневников, Толстой не был удовлетворен тем воспитанием, какое получили его собственные дети, и присматривался к воспитанию детей в семье Лопухиных, которое он называл «художественным». Разумел ли он ежевечерние чтения вслух детям или что-либо в более широком значении этого слова — сказать не могу. А вот какие мысли записал Толстой в третьем отрывке:

«Я не знал женщины, более полно олицетворявшей тип хорошей женщины и матери». Так думал писатель об А. П. Лопухиной.

Остается только пожалеть, что произведение «Мать» осталось неосуществленным.

Сергей ГОЛИЦЫН

ЗАПРЕЩЕННЫЕ В РОССИИ

В примечании к «Двум песням крымских солдат» (в «Полярной звезде» на 1857 год, кн. III) А. И. Герцен осторожно утверждал, что обе анонимны: «Списаны со слов солдат».

«Но с чего же ты взял, что они сложены солдатами? — не понял намерений Герцена скрыть имя автора один из его корреспондентов.— Напротив, их сложили грамотеи-офицеры, между прочим, и граф Толстой. Ему даже за это чуть не досталось в Петербурге».

Но осторожность Герцена была не лишней. Можно ли было не опасаться за судьбу создавшего столь едкую сатиру? Вот первые строки «Песни про сражение на реке Черной 4 августа 1855 года»:

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Горы отбирать...

Собирались на советы
Все большие эполеты,
Даже Плац-бек-Кок...

Долго думали, гадали,
Топографы все писали
На большом листу.

Гладко вписано в бумаге,
Да забыли про овраги,
А по ним ходить...

В одной только процитированной нами не полностью песне выставлены на осмеяние 10 человек бесталанных военачальников, горе-вояк. А ведь сатира другой песни — она посвящена сражениям Альминскому и Инкерманскому — еще смелее и беспощаднее. Корреспондент Герцена не преувеличивал. «Великий князь знает про песню»,—занес в дневник сам Л. Толстой, а в письмах он высказывался определеннее: «Оказывается, что я под присмотром тайной полиции...», или: «Эта штука в прошлое царствованье пахла крепостью, да и теперь, может быть, я записан в 3-е Отделенье».

Не нужно забывать и об еще одной аналогичной сатирической песне, «Под Силистрию ходили, Крепость долго сторожили...», помеченной днями участия Толстого-артиллериста в Дунайской операции. Толстой исполнял эти песни на один и тот же мотив (свидетели вспоминают, что он пел, товарищи же вносили какие-либо дополнения). Познакомил он с ними Герцена в Лондоне в 1861 году.

Ясно, что здесь только и могли выйти в свет эти запрещенные в России, или, как выражался Герцен, «подземные» произведения. На родине они распространялись в многочисленных рукописных копиях и со времени публикации в «Полярной звезде» стали еще активнее участвовать в освободительном движении. «Их читают и списывают, — отмечал Н. А. Добролюбов.— Мне случалось встречать офицеров, которые знают их наизусть...»

С. БАМДАС

ДОМ НА ПЛЮЩИХЕ

Кто в детстве не летал во сне! Случалось такое и с девятилетним Левушкой Толстым. Но он решил, что можно полетать в воздухе и наяву — стоит только сесть на корточки, обнять руками свои колени, и чем сильнее сожмешь их, тем выше полетишь! Решено — сделано! Оставшись один в мезонине московского дома на Плющихе, Левушка забрался на открытое окно и прыгнул со второго этажа во двор... Все, к счастью, обошлось благополучно.

Потом... Потом свою детскую мечту о полете писатель вложит в уста Наташи Ростовой.

Так в жизни и творчестве Л. Н. Толстого отмечены впечатления, нахлынувшие в первый его приезд в Москву в 1837 году.

Полтора года в одноэтажном, приземистом доме Щербачева на Плющихе (ныне дом № 11) прожила семья Толстых. Потом никогда Лев Николаевич не проводил столько времени в Москве безвыездно. Люди, с которыми будущий писатель здесь общался, как живые предстали перед нами в его бессмертных «Детстве» и «Отрочестве».

Стоит войти в дом на Плющихе, и вас охватит удивительное чувство прикосновения к прошлому. И будь все сохранено таким, каким предстало оно перед Толстым в детстве,— впечатление было бы куда острей! Но...

...Многие москвичи, нарушающие правила дорожного движения и попадающие в этот дом, и не подозревают, что тут жил в детстве Лев Николаевич Толстой. Сюда, к этому дому, переданному Госавтоинспекции, не водят теперь экскурсантов, участвующих в увлекательном обзоре «Толстой в Москве». Да, случилось все не так, как того желали сотрудники музея Л. Н. Толстого да и вся общественность столицы. Они ожидали, что после того, как из дома выселят жильцов, на Плющихе откроется филиал музея с мемориальной экспозицией "Детство Л. Н. Толстого". Для этого было сделано многое: найдены чертежи комнат и дома и мезонина такими, какими они были почти полтора столетия назад, собран уникальный материал для будущего филиала...

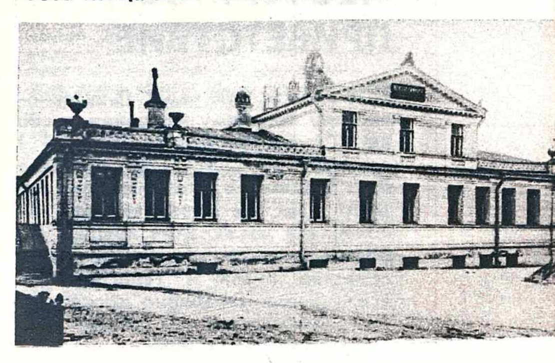
Но дом перестраивают для... 12-го отделения ГАИ, изменив его внешний облик и нарушив внутреннюю планировку. Около него теперь останавливаются не экскурсионные автобусы, а патрульные машины.

И все же я покидал двор и дом на Плющихе с надеждой, что сюда откроется, и в ближайшее время, еще одна важная литературная тропа: путь в мир дорогих и любимых героев произведений Льва Николаевича. Тут хорошо бы развернуть выставку «Толстой — детям». Со зрительным залом, кинолекторием и библиотекой.

Дом на Плющихе можно и должно включить в число других толстовских мест в Москве.

Г. ХАИТ

Здесь жил Толстой в детстве. Фото конца XIX — начала XX века.

Книги, вышедшие к юбилею Л. Н. Толстого.

«ДОСТОЯНИЕ ВСЕХ»

Лев Толстой сегодня один из самых читаемых и издаваемых писателей на земле. И нам даже трудно представить, сколь незначительными были тиражи его книг в дореволюционной России.

Произведения Толстого стали «достоянием *всех*», о чем некогда мечтал В. И. Ленин, лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Для молодой Советской республики издания Льва Толстого стали делом государственной важности.

В 1928 году было начато издание полного собрания художественных произведений Толстого для самого широкого читателя. Издание это вышло в качестве приложения к журналу «Огонек», предисловие к нему написал А. В. Луначарский.

По решению Советского правительства в этом же году стало печататься полное собрание произведений Льва Толстого в 90 томах — издание уникальное в русской и мировой практике. Последний том этого собрания сочинений великого писателя вышел сравнительно недавно — в 1964 году. За годы Советской власти собрания сочинений Толстого выходили у нас 18 раз. Эпопея «Война и мир» издавалась 235 раз тиражом 14 миллионов экземпляров, «Анна Каренина» — 142 раза тиражом 9 миллионов экземпляров, «Воскресение» — 113 раз тиражом 8 миллионов экземпляров. Общий тираж всех изданий произведений Толстого составил астрономическую цифру: 218 644 000 экземпляров. Книги писателя выпускались у нас в стране на девяноста девяти языках. 973 раза с печатных машин в типографиях союзных республик, национальных округов и областей выходили бессмертные творения нашего национального гения.

В преддверии 150-летия со дня рождения писателя издательства предприняли небывало широкие мероприятия по переизданию произведений Толстого. Двести названий его книг подготовлены к юбилейным торжествам. Их общий тираж составляет 33 миллиона. Из двухсот названий большинство будет отпечатано в союзных республиках. Это говорит о необыкновенном значении слова Толстого для всех народов нашей многонациональной страны.

Миллион подписчиков (цифра поистине беспрецедентная) получили недавно первый том юбилейного 22-томного собрания всех художественных произведений, а также статей Толстого о литературе и искусстве, дневников, публицистики.

Много хороших, добротных изданий подготовило и выпустило в свет к юбилею издательство «Художественная литература». Четырехсоттысячным тиражом в мягкой обложке вышли здесь «Повести и рассказы» Толстого. Роман «Воскресение» тиражом в 900 тысяч экземпляров появился в новой «Библиотеке классики».

Поколения старших читателей-книголюбов помнят издание повести Толстого «Казаки» с иллюстрациями прекрасного русского художника Е. Лансере. Теперь издательство вновь выпустило эту повесть с его иллюстрациями — это настоящий подарок книголюбам. Роман-эпопея «Война и мир» вышла в улучшенном оформлении с работами известного советского художника-графика Д. Шмаринова.

Почти все центральные издательства отмечают юбилей Толстого. «Книга для детей» вышла в «Московском рабочем», малоформатное подарочное издание повести «Хаджи-Мурат» выпустил «Современник», издательство «Советская Россия» подготовило альбом «Ясная Поляна», посвященный одному из священных уголков земли. Хороший подарок юношеству преподнесло издательство «Молодая гвардия» — в серии «Библиотека школьника» вышел двухсоттысячным тиражом роман «Война и мир».

Юбилей великого русского писателя широко отмечается в национальных республиках нашей страны. Так, например, собрания сочинений Толстого выходят в эти дни в Таджикистане (8 томов), в Азербайджане (14 томов), в Узбекистане (5 томов). Заметим, что первая книжка Толстого на узбекском языке, например, вышла в свет в 1887 году тиражом триста экземпляров. Это был рассказ «Чем люди живы». Современное собрание сочинений получат многие тысячи подписчиков.

Улучшенное издание романа «Воскресение» выпущено в Молдавии, «Кавказский пленник» — в Таджикистане, «Басни для детей» — в издательстве «Веселка» на Украине.

Трудно обозрима юбилейная Толстовиана: книги, исследования, монографии, статьи о великом писателе и значении его творчества. Среди них хочется отметить том «В мире Толстого», включивший статьи крупных исследователей о Толстом, а также монографию академика М. Храпченко «Лев Толстой — художник» и целый ряд других изданий.

Многие выдающиеся советские художники внесли свой вклад в популяризацию творчества Толстого. Значительное количество юбилейных изданий украшены иллюстрациями А. Пластова, В. Фаворского, А. Пахомова, О. Верейского и других мастеров книжной графики.

Наследие Толстого стало поистине неотделимой частью советской многонациональной культуры. Красноречиво свидетельствуют об этом огромные тиражи его книг, выпускаемые ныне на всех языках народов нашей Родины.

В. МИХЕЕВ

НЕОБЫЧНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ

28 августа 1908 года* Льву Николаевичу Толстому исполнилось 80 лет. Спустя несколько дней — 2 сентября — С. А. Толстая писала В. Г. Короленко, что «большую радость внесли в праздник Льва Николаевича изъявления лучших человеческих чувств в большом количестве писем и телеграмм со всего мира. Особенно трогательны телеграммы от простых людей: крестьян, рабочих, разных прислуг, солдат, и проч. и проч. И все еще прибывают приветствия. Телеграмм, большей частью коллективных, уже теперь получено мною сверх двух тысяч, а подписей более пятидесяти тысяч» (хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина).

В этом море писем и телеграмм, сохранившихся в архиве Л. Н. Толстого, привлекает внимание клочок мятой бумаги размером со спичечную коробку, на нем мелкими буквами написано:

«Лев Николаевич! 82 политических заключенных Пензенской тюрьмы в день всемирного торжества по случаю восьмидесятилетней годовщины Вашего рождения шлют Вам горячий привет и глубокое пожелание знать Вас еще долгие годы здоровым и бодро трудящимся для блага человечества и славы русской литературы».

Эта записка приклеена к такому письму:

«Глубокоуважаемый Лев Николаевич! Не имея возможности по цензурным условиям поместить присланное из местной тюрьмы в редакцию нашей газеты приветствие политических заключенных, вместе с искренним пожеланием Вам здоровья на благо родины и славы русской литературы, таковое посылаем подлинником.

Редакция газеты «Сура».

Пенза, 29 августа 1908 г.».

Необычное приветствие, полученное писателем из Пензы, находится в отделе рукописей музея Л. Н. Толстого в Москве.

А. В. ХРАБРОВИЦКИЙ

* По старому стилю.

ЗАМЫСЕЛ

Александр БАСМАНОВ

— К папа́, когда он пишет,— нельзя ходить. А за обедом он — молчаливый и серьезный. В эту зиму он особенно мрачен... Я слышу от «больших», что он начал большое сочинение из времен Петра и что оно что-то у него не ладится,— так Татьяна Львовна Толстая вспоминает о зиме 1873 года.

Прошло уже тридцать шесть месяцев с того яснополянского утра, когда Софья Андреевна увидела мужа за чтением истории Петра Великого. Он был свеж, возбужден, как никогда, говорил о небывалом душевном подъеме, о Меншикове — чисто русском, мужицком и сильном характере, о Петре — орудии своего времени, о том, что «он судьбою назначен был ввести Россию в сношения с Европейским миром». А через неделю Толстой сел за письменный стол писать книгу о XVIII веке, работал с перерывами почти десять лет, но оставил лишь тридцать пять перечеркнутых начал и груду записных книжек с выписками из различных источников.

Время сочинения этого несостоявшегося романа весьма примечательно. Оно легло на промежуток от «Войны и мира» до «Исповеди» и стало десятилетием, когда с Толстым «случился переворот, который давно готовился» в нем. Где начала и где концы толстовских писаний? Как бы разно мы ни пытались ответить на этот вопрос, как бы ни утверждали «космичность» этого человека, привлекая его же слова о веществе, времени и пространстве,— начала и концы всей жизни Толстого останутся в России и только в ней. Следствием этих начал, то есть моментом постижения России, были и «Декабристы», и «Война и мир», и снова «Декабристы», и роман о Петре. «Распутывая моток, я невольно дошел до Петрова времени,— в нем конец»,— говорил о своей работе сам Толстой.

Удивительно, как упорно, отстраняя одно написанное начало и берясь за другое, Толстой возвращается каждый раз к изображению весов: «Как у барки навесит купец тереза на подставки и насыпав в кадушку зерно, на латок кладет гири. Десять гирей положит, не тянет; одну бросит мерку, вдруг все зерно поднимает и тяги и силы уж нету в кадке, пальцом работник ей колыхает». Это образ времени, истории, судьбы, где действия отдельного человека и даже тысяч людей — лишь действия оловянных игрушек,— типично толстовский образ, типично толстовская мысль. Именно поэтому героем романа Петр не мог стать изначально. Суворин же и вовсе вспоминает, что государь должен был оказаться в разряде «скорее смешных, чем великих людей». Такая экстравагантная оценка, правда, была излишней, ибо сам Толстой еще в 1870 году выразил свой взгляд и на начало XVIII века и на конец XIX, записав: «Спор славянофилов и западников... Как во всяком споре, оба справедливы. Петр, т. е. время Петра, сделало великое, необходимое дело, но, открыв себе путь к орудиям Европейской цивилизации, не нужно было брать цивилизацию, а только ее орудия, для развития своей цивилизации. Это и делает народ. Во времена Петра сила и истина были на стороне преобразователей, а защитники старины были пена, мираж,— так после Екатерины защитники Русского — истина и сила, а западники — пена старого, бывшего движения». А потом, через два дня, в той же записной книжке он поставит под сомнение величие нового столетия вообще: «Читаю историю Соловьева. Все, по истории этой было безобразие в допетровской России: жестокость, грабеж, правеж, грубость, глупость, неуменье ничего сделать. Правительство стало исправлять... Но как же так ряд безобразий произвели великое, единое государство?! ...Кто и как кормил хлебом весь этот народ?»

С самого начала поражают в романе поиски формы, удивляет совсем нетолстовский язык: «И нахмурила черныя брови Царевна и ударила по столу пухлой ладонью.

— Не бывать ей Царицей мужичке, задушу с медвежонком медведицу злую. Ты скажи, князь Василий,— ума в тебе много — как нам дело начать. Ты сам знаешь какое.

Усмехнулся проныра старик и как девица красная очи потупил».

Это Софья говорит с Голицыным о загублении Петра и Натальи Нарышкиной. Над таким запевным, былинным слогом Толстой неустанно бьется, работает поначалу «с радостью, робостью и сомнениями», но, измарав лист-другой, оставляет готовое и берется снова: «Я прилаживаюсь все писать, но не могу сказать, чтобы начал»,— сообщает он Фету в 1872 году. От первого замысла прошло теперь два года, и уже составилась и напечаталась «Азбука», изучен греческий язык, а Толстой то отчаивается, забрасывает и отвлекается от своей идеи, то вновь обнадеживается, запирается в кабинете, обкладывает себя грудами книг, старинных гравюр, портретов и лихорадочно перелистывает, помечает и закладывает страницы: «...Порываюсь писать и не могу. Но что за эпоха для художника. На что ни взглянешь,— все задача, загадка, разгадка которой только и возможна поэзией. Весь узел русской жизни сидит тут. Мне даже кажется, что ничего не выйдет из моих приготовлений. Слишком уж долго я примериваюсь и слишком волнуюсь»,— пишет он Страхову. Волновался, мучился Толстой и вправду чрезвычайно. Волновался оттого, что чувствовал особый, внутренний смысл нового дела — с помощью поэзии попытаться разрешить весь запутанный «узел русской жизни». Отсюда поиски подходящей формы, слога, здесь, быть может, и причины неудачи. Ведь когда он забывал об этой особенной форме, когда становился собой, тогда проходило сразу и волнение, открывалось гениальное мастерство, искусство, и жизнь начинала существовать сама по себе, во всей сочности своих красок, Толстым рожденная, но от него уже не зависящая. Вот послушайте:

«Когда Алексей ударился головой об воду и зашумело у него в ушах и засаднело в носу, он не забывал, где корабль и где струг, чтобы не попасть ни под тот, ни другой; и под водой повернулся влево и, не достав до дна, опять услыхал, как забулькала вода у него в ушах, и стал подниматься до тех пор, пока свежо стало голове. Он поднялся и оглянулся. Вправо от него выгнутой смоляной стеной с шляпками гвоздей бежал зад корабля, влево буровили воду струговыя весла, шляпа чуть пошевеливалась и черпала одним краем прозрачную воду.— Алексей отряхнул волоса, втянул и выплюнул воду и по-собачьи подплыл к шляпе, чуть за край поля закусил ее белыми сплошными зубами. Кто-то что-то закричал с корабля. Алексей набрал воздуху в свою толстую бычачью грудь, выпростал плечи из воды и, оскалив стиснутые на поле шляпы зубы, в размашку, да еще пощелкивая ладонью по воде, поплыл за кораблем. Промахав сажень 10, Алексей оглянулся и увидал, что он не отставал, но и ничего не наверстывал. Те же шляпки гвоздей были подле него и веслы впереди. Тогда он вдруг перевернулся вперед плечем и наддал, так что сравнялся с веслами. На корабле закричали опять, подняли весла и скинули веревочную лестницу».

Это о том, как галерный матрос Алексей Щепотев с лихой удалью доставал шляпу, оброненную государем за тесовый борт корабля.

Из петровских времен Толстой знал уже все, что можно было только узнать: и о стрельцах, и о схватках потешных полков, и о большой Северной войне,— но все равно был недоволен и судорожно ловил все новые и новые сведения, писал, например, готовясь к главе «Азовские походы», в Новочеркасск, к Истомину: «Мне нужно знать, какие берега Дона, Мертвого Донца, Кутерьмы там, где высоко, где низко. Есть ли горы, курганы. Есть ли кусты — чилига или что-нибудь подобное — какие травы? Есть ли ковыль? Какая дичь? Да и вообще течение Дона от Хопра, какой общий характер имеет, какие берега?» Или вдруг затевал спор с домашними, допытывался: не ошибка ли у Устрялова там, где он говорит, будто во времена Алексея Михайловича при коротких кафтанах носили высокие воротники. Деталям он вообще придает огромное значение — и во что одевались пикинеры, и через какое плечо у мушкатеров ложилась перевязь от тесака, и как заправляли чулки в голенища армейских сапог. Его записные книжки того времени буквально испещрены выборками и пометами: «Часы золотые с репетицией. Камзол и штаны суконныя, песочныя. Пуговицы обшиты золотом. Подбит красною камкою. Платки шелковые. Чулки шелковые. Подвязки золотыя тканыя. Пряжки башмачныя. Пара платья черная, лимонная, пуговицы обшиты серебром, подбито тафтою». И так далее до бесконечности.

Однако вдохновение все равно не приходило. «Я уже дошел в своем изучении времени до той степени, что начинаешь вертеться в заколдованном кругу. С разных сторон повторяют одно и то же и знаешь откуда. Неужели только?» — с отчаянием записывает Толстой, пытаясь за знаниями услышать звуки, ощутить человеческую плоть, увидеть цвета живой жизни и подчинить ее, передать свое дыхание, нервы, память, включить каждый момент этой жизни в «сцепленье» бытия. Все казалось вот-вот, рядом, близко — говорил: «Машина вся готова, теперь ее привести в действие». Но дело поворачивалось туго. И пошел уже третий месяц третьего года мучения над заколдованной темой, когда 18 марта 1873 года, под вечер, Толстой вдруг вышел из кабинета легко и быстро и сказал: «А я написал полтора листочка и, кажется, хорошо».

Это было неожиданное начало «Анны Карениной».

В варианте № 7 восьмой рукописи романа о Петре есть такие слова: «Все смешалось в Царской семье. Царевна связалась с братом двоюродным Васильем Васильевичем, настроила Ивана Царя, и Петра Царя забросила и народ весь был в смущеньи»,— вот откуда классический запев, лад, размер начала «Анны Карениной». И «сплошные зубы» Вронского тоже из «истории Петра», от Алексея Щепотева, того, кто сиганул со своей галеры в Дон, за государевой шляпой.

«Анна Каренина» создавалась с удивительной ясностью — здесь выявлялось время самого Толстого, его быт, описывая который, он был «как дома». Петрова же эпоха отнеслась очень далеко, и «ни один образ не рисовался живо». Быть может, именно поэтому, в начале дела, пытаясь спасти положение, Толстой хотел населить новую книгу, как и «Войну и мир», своими предками. Ощущение родственных связей могло оказаться за пределами времен. К А. А. Толстой он пишет: «Самый темный для меня эпизод из жизни наших предков, это изгнание в Соловецком, где и умерли Петр и Иван. Кто жена Ивана (Прасковья Ивановна, рожд. Троекурова)? Когда и куда они вернулись?— Если бог даст, я нынешнее лето хочу съездить в Соловки». А в черновых бумагах романа мы встретим такое: «Что известно о Иване Андреиче Толстом. Можно ли его героем? и его племянника?»

— Я помню, что мириады лет тому назад я был козленком,— любил повторять Толстой изречение Будды. Он бы и сам мог помнить себя в начале XVIII века, если бы там оказались свои, родные, кровные. Но все сложилось так, что, несмотря на помыслы, ни одного наброска, где объявились бы предки Толстого, нет.

«Анна Каренина» была уже готова, напечатана, и в 1877 году ее автор опять с поразительной настойчивостью садится за историю Петра. Теперь уже интересы Толстого чуть сдвигаются, переносятся к 1730-м годам, первым годам после смерти государя-преобразователя. Он связывается с московским архивариусом Николевым, и тот присылает в Ясную Поляну извлечения из дел Сената и Сыскного приказа об убийствах, разбое, пристанодержательстве, побегах колодников, расколе, блуде, «волшебстве». Его интересует некий обер-фискал Нестеров, колесованный «24 генваря 1724 года на Троицкой площади». И Толстой опять без конца все читает и помечает, говорит Софье Андреевне: «Ах, если бог даст, то то, что я напишу, будет очень важно».

Но теперь это уже не тот роман. Теперь, как ныряльщик, коснувшись дна, спешит скорее выплыть на поверхность, так и Толстой, добравшись до смутных времен XVII века, поднимается обратно, ближе к своему времени, берет эпоху Анны Иоанновны и Елисаветы. И новая книга получает новое название — «Сто лет». Ее герой — крестьянин Карней Захаркин, ее эпиграф: «Один сын не сын, два сына — полсына, три сына — сын». Книга эта о народе. Еще в 1870 году, только начав «Петра», Толстой записал: «История хочет описать жизнь народа — миллионов людей. Но тот, кто не только сам описывал даже жизнь одного человека, но хотя бы понял период жизни не только народа, но человека, из описания, тот знает, как много для этого нужно... Любви нет и не нужно, говорят. Напротив, нужно доказывать прогресс, что прежде все было хуже.

**Как же тут быть?!. Что делать истории?
Быть добросовестной»**

Ни роман из времен Петра, ни «Сто лет», ни «Декабристы» так и не состоялись. Были лишь пробы: десятки, сотни исписанных, перемаранных листов и книжек. Читая их, испытываешь чувство начала великого спектакля. Вот в оркестровой яме настраивают инструменты, вот среди многоголосицы бессвязных, только музыкантам понятных звуков прорвется вдруг и тут же смолкнет чистая мелодия, и ждешь, надеешься и точно знаешь, что не пройдет и минуты, как все мерно соберется, сообразится, замрет на мгновение, и зазвучит прекрасная музыка.

В «Ста годах», писавшихся во времена перелома всей судьбы Толстого, уже отчетливо слышится его новая вещь — «Исповедь». Давая предисловие к роману о Карнее Захаркине, Толстой писал: «С безчисленных сторон можно разсматривать жизнь человека и народов, но я не знаю более общаго, широкаго и заключающаго в себе все, чем живет человек, как тот взгляд на него, при котором главный вопрос составляет эта борьба между страстями и верой в добро». Эпоха Петра, по мере изучения ее нравственной стороны, стала для писателя «отвратительной», а в «Критике догматического богословия» он назвал великого царя «великим мерзавцем», написал: «На молитве дьякон половина времени кричит многая лета православерной благочестивой блуднице Екатерине II или благочестивейшему разбойнику, убийце Петру, который кощунствовал над евангелием». Но еще задолго до этого, уже в первых записях о Петре, Толстой выразил свое отношение к нему так: «Любопытство страстное, в пороке, преступлении, в чудесах цивилизации... нарушает все старые связи жизни, а для достижения своих целей хочет этими связями пользоваться: вера, присяга, родство. Роковое — это страсть изведать всего до пределов. Бес ломает». Правда, наивно было бы предполагать, что работа над романом была остановлена, поскольку Петр оказался для Толстого «дурен» или «несимпатичен». На роль человека, личности в истории он смотрел глубже, определяя ее неизбежностью самой истории. Но то, что работа, думы над романом из времен XVIII века повлияли на перелом его собственных взглядов, очевидно. Толстой увидел здесь воочию, ощутил реально как бы две сферы, области бытия: ту, которая образует, изменяет необратимо ход вещей, и ту, которая изменяет сущность национального духа и самосознания. И эта вторая сфера стала для Толстого в те годы основной. Вот почему, обращаясь к темам истории, он однажды записал: «Только кажется, что человечество занято торговлей, договорами, войнами, науками, искусствами; одно дело только для него важно, и одно только дело оно делает: оно уясняет себе те нравственные законы, которыми оно живет. Нравственные законы уже есть, человечество только уясняет их себе, и уяснение это кажется неважным и незаметным для того, кому не нужен нравственный закон, кто не хочет жить им. Но это уяснение нравственного закона есть не только главное, но единственное дело всего человечества».

МЫСЛИ
МУДРЫХЪ ЛЮДЕЙ
НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ.
СОБРАНЫ
Гр. Л. Н. Толстымъ.
CVI.
Владимиру Андреевичу Щуровскому на добрую память от собирателя 14 окт. 1903 г. Л. Толстой
1903.

Л. Н. Толстой.

ВОСКРЕСЕНІЕ

РОМАН.

ТЕКСТОВАЯ РЕСТАВРАЦІЯ Б. С. БОДНАРСКАГО.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ РУССКОЕ ИЗДАНІЕ.

МОСКВА.
Книг-ство «НАРОДНАЯ МЫСЛЬ».
1918.

НАХОДКИ БИБЛИОФИЛА

Давно уже о Михаиле Ивановиче Чуванове и его библиотеке ходят легенды. Одних восхищает количество книг в его доме-музее на станции Ухтомская под Москвой — свыше двадцати тысяч. Других — уникальная подборка автографов почти всех русских и советских писателей. Воображение третьих поражает комната-светлица, где хранятся книги: первопечатные — от Ивана Федорова и его учеников до редчайших рукописных фолиантов XVIII века. А собиралась эта библиотека в течение трех четвертей века — 75 лет!

На этот раз меня интересовали книги, связанные с жизнью и творчеством Л. Н. Толстого. Естественно, в первую очередь спрашиваю у 86-летнего библиофила, не приходилось ли ему видеть Толстого. Да, встреча была. Пусть мимолетная, на шумной улице, в толпе людей, узнавших графа Толстого, но он видел его тем Толстым, с обликом которого связана целая эпоха в жизни русского народа. Было это году в седьмом или восьмом.

Толстовиана Чуванова может составить небольшую, но редкостную библиотечку. Вот, например, первое полное русское издание романа «Воскресение», вышедшее в издательстве «Народная мысль» в 1918 году. Почему первое полное? Вот что пишет об этом в своем предисловии к изданию автор текстовой реставрации романа, крупнейший русский библиограф и ученый Б. С. Боднарский: «В течение почти двадцати лет русское общество вынуждено было читать великую книгу своего национального гения — роман Л. Н. Толстого «Воскресение» — в редакции, изуродованной кощунственной рукой служителей цензуры. Настоящее издание является первой попыткой обнародовать неискаженную версию знаменитого романа».

Да, наряду с другими жизненно важными задачами того легендарного 1918 года: военными, политическими, материальными, при громадном дефиците бумаги,— народная власть вернула русскому читателю одно из самых лучших произведений своего национального гения в его первозданном виде.

А вот мечта любого книголюба — повесть Л. Толстого «Хаджи-Мурат» с иллюстрациями Е. Лансере. Вышла она в 1916 году и до сих пор представляет собой образец подарочного издания. Тираж книги невелик, отсюда ее редкость. У Михаила Ивановича к тому же отлично сохранившийся экземпляр. Следует отметить, что издательство «Художественная литература» предпринимает шаги к тому, чтобы повторить несколько подобных изданий. В частности, в этом году вышла в свет повесть «Казаки» с иллюстрациями Е. Лансере.

В 1932 году были выпущены «Рассказы о животных» Л. Толстого, оформленные прекрасным художником В. Фаворским. Тогда же Чуванов и получил от него экземпляр с автографом.

А вот книжица с несколько странным названием: «Преступление — как наказание, а наказание — как преступление» (мотивы толстовского «Воскресения»). Автором этюдов, лекций и речей на уголовные темы явился однофамилец ближайшего друга Толстого А. Б. Гольденвейзера А. С. Гольденвейзер.

Пока я рассматриваю эти прелюбопытные лекции, Михаил Иванович положил на стол еще несколько книг из своей Толстовианы. Две из них, «Отклики гр. Л. Н. Толстого на злобу дня в России», Берлин, 1901, и книга «О Толстом. Воспоминания и характеристики представителей различных наций», собранные П. Сергеенко. В первой помещены отклики великого противника церкви на его отлучение от нее. Во второй Лев Толстой — глазами своих современников.

— А нет ли у вас автографа Толстого?— спрашиваю Чуванова.

— Конечно, есть!— с гордостью отвечает Михаил Иванович и достает знаменитые «Мысли мудрых людей на каждый день», собранные Львом Николаевичем.

Открываю титульный лист, читаю: «Владимиру Андреевичу Щуровскому, на добрую память от собирателя. 14 октября 1903 г. Л. Толстой». Щуровский — это лечащий врач Толстого, который констатировал на станции Астапово его смерть, но почему Толстой называет себя собирателем?

— А дело в том,— говорит Чуванов,— что во время тяжелой болезни в конце 1902 — начале 1903 года, когда жизнь Толстого висела на волоске и он не мог работать, он, читая книги великих мудрецов и писателей, выписывал выдержки из них на каждый день. Так вот и собралась эта книга, которая стала необыкновенно популярной сразу же после выхода. Всем было очень интересно, что читает граф Толстой и какие мысли он считает умными.

Книга с автографом Льва Толстого — гордость чувановской библиотеки.

Феликс МЕДВЕДЕВ

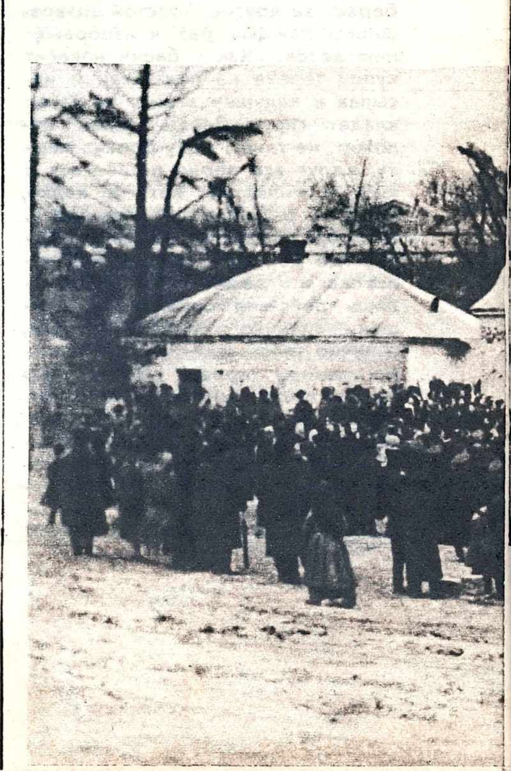
ПОСЛ

Станислав ЛЕСНЕВСКИЙ

Семьдесят лет назад, в 1908 году, когда мир отмечал восьмидесятилетие со дня рождения Льва Толстого, Александр Блок пишет для журнала «Золотое руно» статью «Солнце над Россией». Блока переполняет изумление перед самим фактом жизни в одно время с Толстым: «Величайший и единственный гений современной Европы, высочайшая гордость России, человек, одно имя которого — благоухание, писатель великой чистоты и святости — *живет среди нас*... Часто приходит в голову: все ничего, все еще просто и не страшно сравнительно, пока жив Лев Николаевич Толстой. Ведь гений одним бытием своим как бы указывает, что есть какие-то твердые, гранитные устои: точно на плечах своих держит и радостью своею поит и питает свою страну и свой народ... Дай господи долго еще жить среди нас Льву Николаевичу Толстому».

Образ Толстого, запечатленный когда-то Репиным, отозвался и в стихотворении «Май жестокий с белыми ночами!»: «...Но достойней за тяжелым плугом в свежих росах поутру идти!» Этот образ и в статье Блока: «Пока Толстой жив, идет по борозде за плугом, за своей белой лошадкой,— еще росисто утро, свежо, нестрашно, упыри дремлют, и — слава богу. Толстой идет — ведь это солнце идет. А если закатится солнце, умрет Толстой, *уйдет последний гений*,— что тогда?»

...31 октября 1910 года Блок пишет матери: «Читала ли ты прилагаемое известие о Толстом?» Газетной вырезки при письме не со-

ЕДНИЕ ДНИ

хранилось; вероятно, это было известие об уходе Толстого из Ясной Поляны.

1 ноября 1910 года Блок приехал в Москву. В этот день он слушал лекцию Андрея Белого о Достоевском. Белый вспоминает: «...Мы встретились в переполненном зале дома Морозовой, куда он попал прямо с поезда; я был потрясен известием об уходе Толстого...» «В день встречи, в день лекции о Достоевском (моей), в Москве молнией разносилась весть об уходе Толстого; переживали уход, как громовой удар, как начало огромного сдвига инерции мертвенных лет этих; словом: переживали уход, как событие мировое; упоминанием о значении события этого я открывал мою лекцию».

«Как повлиял на тебя Толстой?» — спрашивает Блок в письме к матери из Петербурга 9 ноября 1910 года. Письма Александры Андреевны к сыну не сохранились. Судя по письму Блока на следующий день, мать поэта писала об оскорбительной пошлости газетных откликов на уход и смерть Толстого. Соглашаясь с матерью, Блок говорил: «Мама, я эти дни читаю все газеты. Ты говоришь — оскорбительно. Конечно, все известия и мнения оскорбительны, но я не знаю, чьи более — правые, или левые. Пожалуй, левые: они лежат на животе и пищат. «Новое Время» — холодно и малословно, а это для меня — всего важнее». Блок находил особенно пошлыми якобы «левые» суждения буржуазных либералов, кадетов о Толстом. Эту пошлость он считал вреднее и оскорбительнее, чем ту, что связывали (часто несправедливо) с поведением семьи Толстого: «Относительно семьи я тоже не совсем с тобой согласен. Иначе говоря, эта пошлость не так вредна, как другие некоторые (например, Милюков и Родичев, едущие на автомобиле на похороны). Кроме того, никто из семьи не соврал, что у Толстого было намеренье раскаяться. Все-таки, это много».

Толстой и в смерти учит правде — вот о чем думал Блок тогда. Позднее Блок в предисловии к поэме «Возмездие» отметит: «1910 год — это смерть Комиссаржевской, смерть Врубеля и смерть Толстого... С Толстым умерла человеческая нежность — мудрая человечность».

В письмах матери Блока, посланных в ноябре 1910 года к другу ее и сына — Евгению Павловичу Иванову, есть примечательные отклики на уход и смерть Льва Толстого. Александра Андреевна необычайно близка своему сыну по духу. В экстатической манере ее писем с обнаженной искренностью выплескивается то, что Блок подчас таил в себе, переплавлял, выстрадывал, ожидая точного слова. Ниже приводятся отрывки из неопубликованных писем.

4 ноября: «...Меня очень обрадовал Толстой. А Вас? Таки не выдержало сердце страинническое, беспокойное, русское — ушел в 85 лет, куда глаза глядят. Должно быть, я себе очень живо это представляю, ему хотелось давно уйти, его заветная это мечта была. И вот он ушел и, м. б., умрет там на дороге, на перепутье, бездомно. (...) Очень бы мне хотелось знать, как Вы это почувствовали. Рады ли Вы этому его уходу?» (В письме неточно назван возраст Л. Н. Толстого.— С. Л.).

26 ноября тоже Е. П. Иванову: «Милый Женя, я думаю, нам еще не видно теперь всей целости поступка Толстого. Слишком близко смотрим (...) Реакция не страшна тем, кто сам знает все, что он испытал.

Мне дорого, дороже всего, пожалуй, что он сделал, как надо русскому писателю, который и пророк и живой человек: хоть под конец ушел и бездомно, на перепутье, на перекрестке умер. Вы пишете, что он «не до конца» и этим ближе интеллигенции, чем народу. А мне кажется, что только вся эта гадость, доктора, фотографы, корреспонденты и родственники заслоняют и кажется, что не до конца, а в сущности «до конца». И в этом пример нам всем. Сколько уж лет не делал никто, а только все болтали. И он в 82 года ушел-таки ночью, под дождем мок, и все это смиренно и светло. (...)

Милый Женя, я вот что испытала: холм могилы казался мне вагнеровским холмом. Слышалась музыка. А когда я прочла описание похорон, то едко почуяла одиночество живого и в мертвых живого Толстого. И холм показался мне русским лирическим холмом, и грустно стало.

Несказанно близок нам Толстой, правду Вы говорите. И на площадке вагона стоял...»

28 ноября: «Милый Женя, оформить и выразить словом то, что произошло (о Толстом), по-моему, совсем нельзя. То, что говорится, все не очень важное, а я уж от себя могу говорить только дребедень. Зато чувствуется что-то очень подлинное. Может быть, это и у Вас так? Я бы очень это желала, потому что эти дни чую Вашу душу, и она дорога как-то очень.

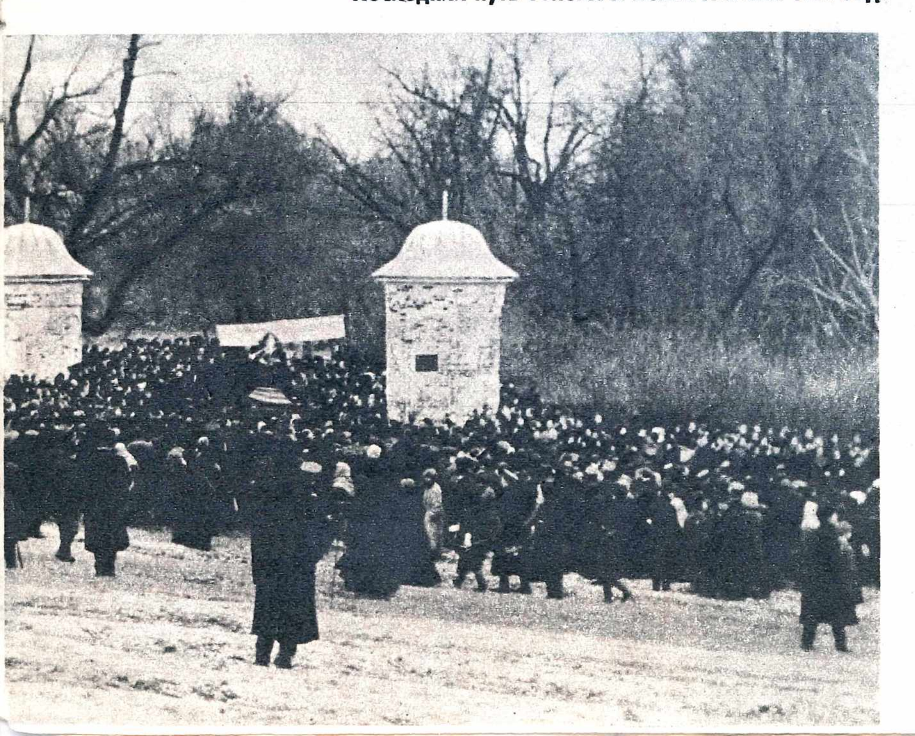
Вообще для меня как-то омертвели слова. Редко слышатся они музыкально. А для Вас?..

А эти четыре стиха Сашины почему-то поются мне все эти дни:

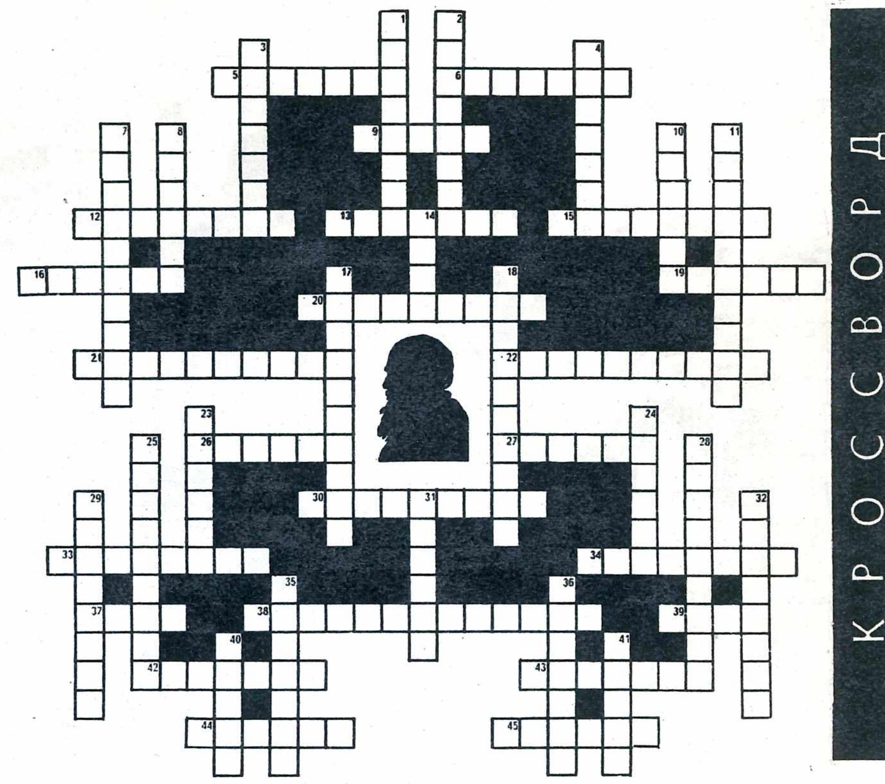
Все отошли. Шумите, сосны,
Гуди, стальная полоса.
Над одиноким веют весны
И торжествуют небеса».

...В статье «Солнце над Россией» Блок недаром сказал о Толстом, что все русские люди «впитали с молоком матери хоть малую долю его великой жизненной силы».

Последний путь Толстого. Ясная Поляна. 1910 год.

КРОССВОРД

«ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ Л. Н. ТОЛСТОГО?»

По горизонтали: 5. Персонаж романа «Воскресение». 6. Эпическая поэма, прочитанная Толстым на древнегреческом языке. 9. Имя партизана в «Войне и мире». 12. Героиня одного из романов. 13. Русский литератор и философ, с которым Лев Николаевич вел многолетнюю переписку. 15. Писатель, сотрудничавший с Толстым в журнале «Современник». 16. Один из первых секретарей Льва Николаевича. 19. Древнегреческая поэма, которую Толстой изучал на языке оригинала. 20. Известный писатель, одобрительно отозвавшийся об одном из «Севастопольских рассказов» Льва Николаевича. 21. Ранняя повесть. 22. Драматург, советы которого особенно ценил Толстой. 26. Персонаж повести о казаках. 27. Имя героини исторического романа. 30. Повесть. 33. Действующее лицо драмы «Живой труп». 34. Художник-передвижник, автор портретов Льва Николаевича. 37. Горничная в комедии. 38. Выдающийся пианист, игравший неоднократно в доме Толстых. 39. Цыганка в драме. 42. Полководец — герой «Войны и мира». 43. Казак, выведенный в одной из повестей. 44. Местность, где проходил военную службу Лев Николаевич. 45. Французский писатель, восторженно отзывавшийся о творчестве Толстого.

По вертикали: 1. Имя персонажа рассказа «Севастополь в августе 1855 года». 2. Драма, написанная для народного театра. 3. Великий певец, которого не раз в своем доме слушал Лев Николаевич. 4. Первая повесть. 7. Незаконченный роман. 8. Рассказ. 10. Повесть. 11. Домашний врач семьи Толстых. 14. Крестьянин в драме «Власть тьмы». 17. Академик, лингвист, опубликовавший исследование «О языке Толстого. 50—60-е гг.». 18. Персонаж трилогии. 23. Рассказ. 24. Действующее лицо в драме. 25. Издательство, выпускавшее массовым тиражом сочинения Толстого для народа. 28. Свободный перевод Льва Николаевича произведения Г. Мопассана. 29. Персонаж романа «Война и мир». 31. Город, где учился Толстой в университете. 32. Главное действующее лицо драмы. 35. Народная игра, которой увлекался Лев Николаевич. 36. Один из героев исторического романа. 40. Немецкий композитор, чьи произведения часто слушал Толстой. 41. Рассказ.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали: 7. Метафора. 8. Оратория. 9. «Работница». 10. Олимпиада. 11. Каракорум. 13. Этан. 15. Лось. 18. Севастьянов. 19. «Счастливчик». 20. Соня. 24. Надь. 26. Канарейка. 29. Кручинина. 30. Гладиолус. 31. Черепица. 32. Крендель.

По вертикали: 1. Дербент. 2. Комитас. 3. Шарада. 4. «Хорошо!». 5. Папирус. 6. Кипарис. 12. Контроллер. 14. Настасья. 15. Лавочкин. 16. Радист. 17. Лядова. 21. Остужев. 22. Ванилин. 23. Экзамен. 25. Джалиль. 27. Анабас. 28. Ергаки.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Лев Николаевич Толстой. 1908 год. Ясная Поляна.

Фото С. Прокудина-Горского

(См. в номере материал С. Энгель «Юбилейный портрет».)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Парадная лестница в хамовническом доме Толстого. * Комната дочери писателя Татьяны Львовны. * Уголок зала с шахматным столиком. * Сапожные инструменты и обувь, сшитая Толстым. * Велосипед и гантели писателя. * Рабочий стол Толстого в Хамовниках.

(См. в номере материал А. Маринина «Хамовники».)

Фото Г. Розова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

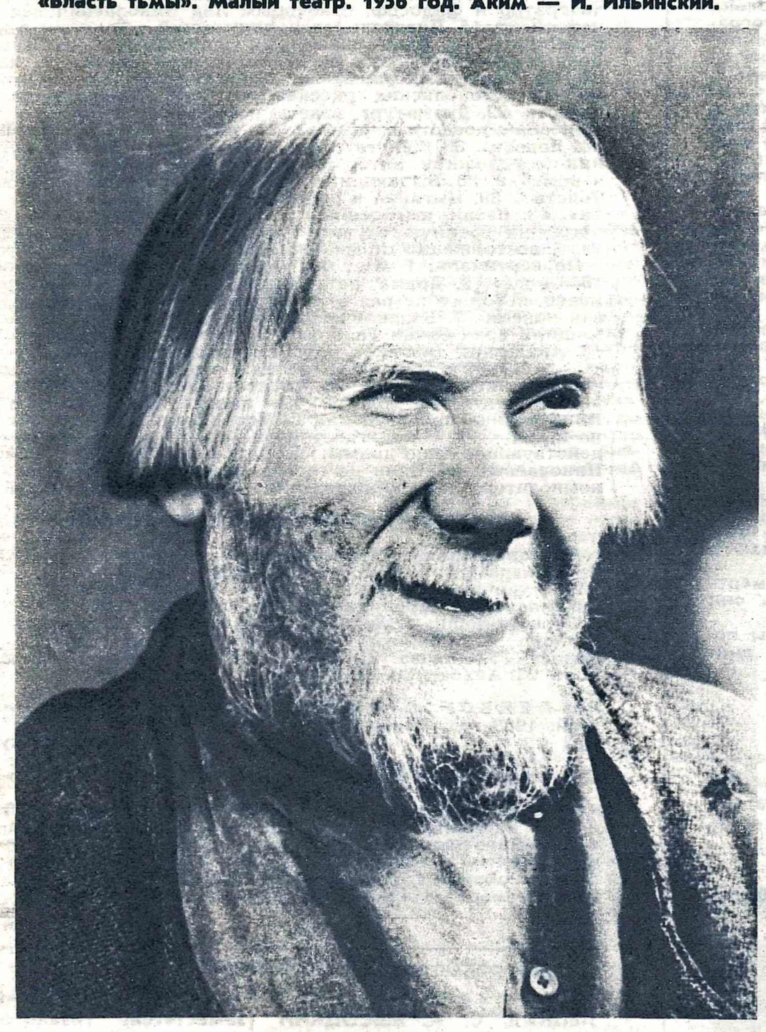
Сдано в набор 21. 08. 78. Подп. к печати 05. 09. 78. А 01214.
Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 075 000 экз. Изд. № 2242. Заказ № 2681.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

«Власть тьмы». МХТ. 1902 год.

«Власть тьмы». Малый театр. 1956 год. Аким — И. Ильинский.

«Живой труп». Русский драматический театр имени Л. Украинки (Киев). 1940 год. В роли Протасова — М. Романов.

«Живой труп». Малый театр. 1951 год. Маша — К. Роек, Протасов — М. Царев.

ТЕАТР ТОЛСТО

Знаменательным в творческой биографии Толстого был 1886 год. Буквально за месяц он пишет пятиактную пьесу «Власть тьмы». Словно сама судьба повелела ему заполнить огромную брешь в русской драматургии, образовавшуюся после смерти А. Н. Островского.

Желание высказать свои мысли и взгляды в форме драматургической появлялось у Толстого и раньше, но вдруг одной пьесой он заставил русскую публику заговорить о себе как о подлинном мастере сцены.

Впрочем, «Власти тьмы» суждена была горькая участь, прежде чем быть допущенной к зрителю. Ознакомившись с новым сочинением Толстого, обер-прокурор Синода Победоносцев писал царю: «Я только что прочел новую драму Л. Толстого и не могу прийти в себя от ужаса... Я не знаю ничего подобного ни в какой литературе... Какое унижение искусства! День, в который драма Толстого будет представлена на императорских театрах, будет днем решительного падения нашей сцены...» Александр III успокаивает своего клеврета: «Драму я читал, и она на меня сделала сильное впечатление, но и отвращение. Все, что вы пишете, совершенно справедливо, и могу вас успокоить, что давать ее на императорских театрах не собирались... Мое мнение и убеждение, что эту драму на сцене давать невозможно, она слишком реальна и ужасна по сюжету».

«Слишком реальна...» Царь дал пьесе точную оценку. Слишком реальна, слишком жизненна, слишком правдива...

Да, толстовская «Власть тьмы», как некогда гоголевские вещи, переворачивает целые пласты народной жизни, как бы надвое рассекая русское общество. Толстой вводит читателя и зрителя прямо в избу обездоленного человека и говорит: смотри, вот она, правда о жизни на земле! Горькая правда!..

Драматургия Толстого сегодня — это неотъемлемая часть отечественной художественной культуры. Сотни, тысячи раз его пьесы «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Живой труп» ставились театрами страны. Без этих пьес русское искусство непредставимо.

Лучшие актеры связали с пьесами Толстого свою сценическую судьбу: М. Савина и В. Качалов, Н. Хмелев и А. Тарасова, М. Царев и И. Ильинский... Огромен перечень артистических талантов...

Глубокие образы, созданные на сцене талантливыми мастерами, оставляют у зрителей неизгладимое впечатление на всю жизнь. Целые тома можно составить из исследований, анализирующих характеры Акима из «Власти тьмы» или Федора Протасова из «Живого трупа». А мужики в «Плодах просвещения»! Каждый — тот самый мужик, о котором Ленин потом говорил, как о мужике, которого до Толстого в литературе н е б ы л о.

27 января 1900 года Толстой записал в дневнике: «Ездил смотреть «Дядю Ваню»... Захотел написать драму Труп...» И снова писатель в необычайно короткие сроки создает едва ли не самое известное свое драматургическое произведение.

По силе обличения самодержавных порядков, социальных и гражданских институтов царской власти, трагедии «законного» брака и суда, всей вообще низости, фальши и лицемерия буржуазно-дворянского общества драма «Живой труп» стоит в ряду с наиболее яркими страницами романов Толстого «Воскресение» и «Анна Каренина».

А вот что писал о пьесе известный адвокат, друг Л. Н. Толстого А. Ф. Кони: «Живой труп» возбуждает самые оживленные толки и страстные споры... Одни видят в «Живом трупе» новое слово на новых путях драматического искусства, другие сравнивают короткие, быстро сменяющиеся драматические сцены чуть ли не с лентой кинематографа».

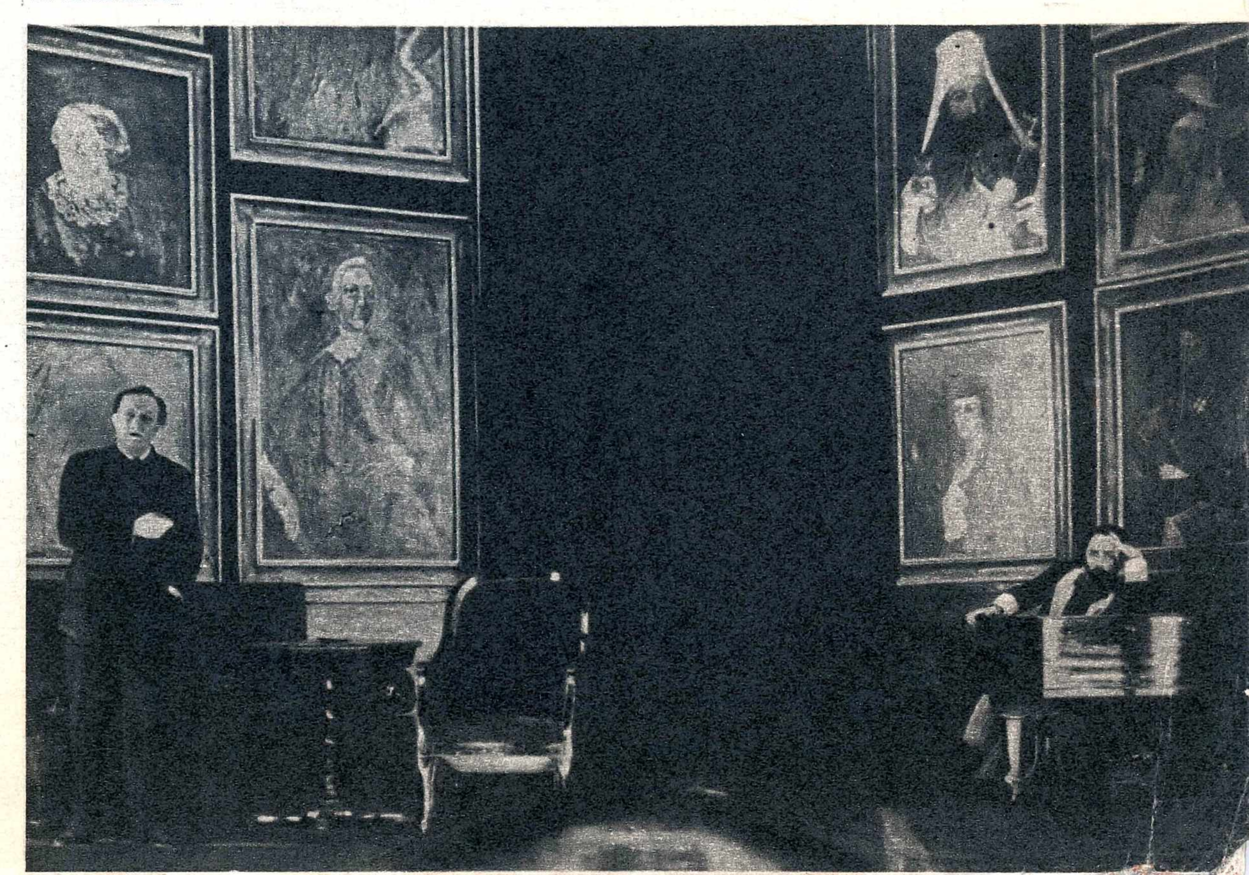
Иные критики утверждали, что Толстой занимался драматургией на досуге, что пьесы были для него далеко не главным делом. Но мы-то, потомки, ясно видим, что во всей своей драматургии Толстой с его философией и его правдой шел к тому, чтобы выразить ее иным, нежели в романе или повести, языком. Выразить языком народной драмы или комедии... И Аким говорит сегодня на языке, понятном любому человеку земли, и страдания цыганки Маши близки любой женщине в любой стране мира.

Ф. ПОКРОВСКИЙ

«Анна Каренина». МХАТ. 1937 год. Анна — А. Тарасова, Каренин — Н. Хмелев.

«Воскресение». МХАТ. 1930 год. Кабинет Нехлюдова. Нехлюдов — В. Ершов, от автора — В. И. Качалов.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

